

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULE – AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2020

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинкский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию Победы

Деканы филологического факультета — участники Великой Отечественной войны

<i>Михайлова М.В., Певак Е.А.</i> Алексей Георгиевич Соколов	9
<i>Похсарьян Н.Т.</i> Леонид Григорьевич Андреев	15
<i>Крупчанов А.Л.</i> Иван Федорович Волков	22

Статьи

<i>Архангельская А.В.</i> Приходит ли Пармен? Об одной ремарке в трагедии А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец»	33
<i>Чекалина Е.М.</i> Судьба и статус конъюнктива в современном шведском языке	42
<i>Кукушкина О.В., Чжао Цзяи.</i> Орфографический узус пушкинской эпохи: проблема внутриморфемного удвоения согласных	54
<i>Шевченко Т.И., Бурая Е.А.</i> Словесное ударение в пяти национальных вариантах английского языка: ритмические тенденции	65
<i>Качинская И.Б.</i> Кузенное родство в архангельских говорах: братья и сестры	80
<i>Маслова Ю.А.</i> Толковый словарь как источник информации о естественной классификации артефактов (на примере описания напитков в «Толковом словаре русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой)	91
<i>Некрылова В.П.</i> Интенсивность гласных как параметр реализации ритмической структуры слова в речи носителей русского языка, проживающих в Турции	102
<i>Ли Дань, Кобозева И.М.</i> Контрастивное исследование пространственных конструкций на NP_{LOC} в русском языке и в NP 上 в китайском языке в когнитивном аспекте	114
<i>Токарева А.Л.</i> Метафорическое представление гнева как субстанции в современной итальянской художественной прозе	131
<i>Балдицын П.В.</i> Комические маски в прозе Вуди Аллена	140

Удовольствие от текста: эмоциональные ландшафты фантастического (тематический блок по материалам конференции)

<i>Костикова А.А.</i> Фантастика как предмет междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований	151
<i>Зубов А.А.</i> Удовольствие от чтения научной фантастики: создание идеи и академическая легитимация популярного жанра	154
<i>Степанов Б.Е.</i> Удовольствие, фантастика и исследование фанатских сообществ.	164
<i>Баженова-Сорокина А.Д.</i> Фантастическое тело в американском комиксе: трансформация отношения к «отвратительному»	174
<i>Ветушинский А.С.</i> Потустороннее, посюстороннее и эфемерное зло: основные этапы в эволюции видеоигровых монстров	182

Материалы и сообщения

- Братчикова Н.С.* К 30-летию юбилею кафедры финно-угорской филологии. Финно-угроведение в МГУ 189

Рецензии

- Красносельская Ю.И.* Зорин А.Л. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020 198
- Борода Е.В.* Скороспелова Е.Б. Русская классика: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Учебное пособие. М.: Макс Пресс, 2018 207

Научная жизнь

- Нефедова Е.А.* Хроника отчетной конференции по итогам диалектологической экспедиции 2019 г. 211
- Мотеюнайте И.В.* Хроника междисциплинарной научной конференции «Все обманы мира: ложь в литературе и искусстве» 215
- Швец А.В.* Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействия 222
- Ибрагимова К.Р.* Международная научная конференция «Образы Леонардо: художник и культура (к 500-летию со дня смерти Леонардо да Винчи)» 229
- Бердяева О.С.* «Мусатовские чтения» 2019 г.: продолжение традиции 233

In Memoriam

- Онипенко Н.К., Чумирова В.Е.* Галина Александровна Золотова 237

CONTENTS

Celebrating 75th Victory Day

Deans of the Faculty of Philology, veterans of the Second World War

<i>Mikhaylova M., Pevak E.</i> Alexey Sokolov	9
<i>Pakhsarian N.</i> Leonid Andreyev	15
<i>Krupchanov A.</i> Ivan Volkov	22

Articles

<i>Arkhangelskaia A.</i> Where is Parmen? The Case of a Stage Direction in A. Sumarokov's Dimitri Samozvanets	33
<i>Chekalina E.</i> The Status of the Subjunctive in Modern Swedish	42
<i>Kukushkina O., Zhao Jiayi</i> Intramorphemic Doubling of Consonants in Pushkin's Time	54
<i>Shevchenko T., Buraya E.</i> Word Stress in Five National Varieties of English: Rhythm Trends	65
<i>Kachinskaya I.</i> Cousin Relationship in Archangelsk Dialects: Brothers and Sisters	80
<i>Maslova I.</i> An Explanatory Dictionary as a Source of Information about a Natural Classification of Beverages: The Problem of Building Ontologies	91
<i>Nekrylova V.</i> Vowel Intensity as a Parameter for the Realization of a Rhythmic Word Structure in the Speech of Turkey-based Russian Speakers	102
<i>Li Dan, Kobozeva I.</i> A Contrastive Study of Spatial Constructions на NP _{loc} in Russian и 在 NP 上 in Chinese from a Cognitive Perspective	114
<i>Tokareva A.</i> The Metaphorical Representation of Anger as a Substance in Contemporary Italian Fiction.	131
<i>Balditsyn P.</i> Comic Personae in Woody Allen's Short Fiction	140

The Pleasure of the Text: Emotional Landscapes of the Fantastic (selected papers from the conference)

<i>Kostikova A.</i> Studies of the Fantastic in Interdisciplinary and Transdisciplinary Research	151
<i>Zubov A.</i> Finding Pleasure in Reading Science Fiction: Creation of the Idea and Academic Legitimation of the Popular Genre	154
<i>Stepanov B.</i> Pleasure, Science Fiction, and Fan Studies	164
<i>Bazhenova-Sorokina A.</i> The Fantastic Body in American Comics: Transformations in the Perception of the 'Repulsive'	174
<i>Vetushinskiy A.</i> Transcendent, Immanent, and Ephemeral Evil: Main Stages of the Evolution of Video Game Monsters	182

Communications

<i>Bratchikova N.</i> Celebrating the 30th Anniversary of the Department of Finno-Ugric Philology. Finno-Ugric Studies at Lomonosov Moscow State University	189
---	-----

Reviews

- Krasnoselskaya Yu. Zorin A. L.* 'The Life of Leo Tolstoy. A Comprehension Experience'. Moscow, New Literary Review, 2020 198
- Boroda E. Skorospelova E. B.* Russian Classics: Pushkin. Lermontov. Gogol. Moscow: MAKS Press, 2018 207

Scientific Life

- Nefedova E.* A Chronicle of the Conference on the Dialectological Expedition-2019 211
- Moteyunaite I.* Proceedings of the Interdisciplinary Scientific Conference 'All Deceptions of the World: A Lie in Literature and Art' 215
- Shvets A.* Visual Arts and Literature: Dialogue and Interaction 222
- Ibragimova K.* 'Images of Leonardo: Artist and Culture (International Conference on the 500th Anniversary of Leonardo da Vinci's Death) . 229
- Berdyaeva O.* Musatov Readings 2019: Continuation of Tradition 233

In Memoriam

- Onipenko N., Chumirina V.* Galina Zolotova 237

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

ДЕКАНЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА — УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.В. Михайлова, Е.А. Певак

АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ СОКОЛОВ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Молчание иногда бывает громче слов

Статья представляет собой краткий очерк жизни и научной деятельности участника Великой Отечественной войны А.Г. Соколова, профессора, декана филологического факультета в 1961–1974 гг. Сказано о его военных заслугах, определен круг его научных интересов, охарактеризована его административная, научно-исследовательская и преподавательская работа на факультете.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; филологический факультет; литература Серебряного века; русское зарубежье.

Алексей Георгиевич Соколов ушел на войну, имея за плечами ИФЛИ — МГУ. В 1942 г. он закончил филологический факультет Московского университета, который объединился с ИФЛИ в 1941. Вероятно, как и полагалось, получил распределение: в Тульской области успел поработать преподавателем русской литературы и русского языка в педагогическом училище. Воевал на Ленинградском фронте, был автоматчиком стрелкового подразделения; в 1943 г. его отправили на фронтовые курсы младших лейтенантов, после их окончания (в 1944 г.) стал командиром взвода автоматчиков на 3-м Прибалтийском фронте. Затем был переведен в одну из структур Главного управления тыла Красной армии. Окончил

Михайлова Мария Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mary1701@mail.ru).

Певак Елена Александровна — кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: epevak@yandex.ru).

войну в звании старшего лейтенанта. Был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За участие в героической обороне Ленинграда», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Впоследствии к этим наградам прибавились орден «Знак почета» и медаль «Ветеран труда».

После демобилизации в октябре 1945 поступил в аспирантуру филологического факультета МГУ, которую окончил в 1948.

Как большинство фронтовиков, АГ (так называли А.Г. Соколова мы, его ученики, — а он об этом, конечно, знал и принимал без обид) почти ничего не рассказывал нам о войне. Иногда, между прочим, мог вспомнить о нестерпимом холоде, который испытал, когда участвовал в боях под Ленинградом; о трагикомических эпизодах при взятии Кенигсберга-Калининграда. Надо признаться, что и мы не засыпали его вопросами. В то время, тридцать-сорок лет назад, о фронтовых буднях не то чтобы пытались забыть — больше были сосредоточены на мирной жизни, а знание о войне складывалось для нас из коротких, беглых фраз, произносимых без пафоса, без нажима. Их мы часто слышали дома, в семье, слышали и от преподавателей-фронтовиков. Вероятно, историю Великой Отечественной войны, хронологию ее трагических поражений и блестящих побед таким образом не изучишь. Но молчание фронтовиков учило не хронологии событий, а пониманию их глубокого смысла, а заодно и такту в отношениях друг с другом, когда осознаешь, что есть такие события твоей внутренней жизни, которыми нельзя разбрасываться, их надо переживать в себе, а окружающим отдавать малую их толику. Такая инъекция памяти — присоединение нас, ужасов войны не переживших, к тем, кто войну прошел, — давала и нам интуитивное знание не столько о самих событиях, сколько о людях, остановивших смерть, стоявшую уже на пороге нашего дома.

Их внутренний, духовный опыт не меньшая ценность, чем отвоеванные у врага территории, а их успехи уже в мирное время — свидетельство того, что приобретенные на фронте знания о жизни, о человеке, его падениях и взлетах, помогали по-особому воспринимать сам процесс творчества и его результаты. Скорее всего, поэтому филологи старшего, военного поколения в своем видении литературного процесса исходили не из искусственно созданных схем, пусть даже и присутствующих номинально в университетских программах и учебных пособиях советского периода, а из представления о логике развития литературного процесса с его сменяющимися друг друга школами, сплетенными в единый клубок противоречий литературными группировками, то враждующими, то выступающими единым фронтом. Это было исходной точкой в осмыслении пройденного писателем жизненного пути, который

необходимо вписать в картину общей культурной, интеллектуальной и политической жизни страны.

Выбранный А.Г. Соколовым период истории отечественной литературы, — то, что сегодня называют Серебряным веком, а тогда именовали в соответствии с программой курса «конец XIX — начало XX века», — давал ему богатый материал для комплексного исследования миропонимания русского писателя, оказавшегося на разломе истории и ставшего свидетелем и участником разделения русского мира на две части — метрополию и эмиграцию. Ученик Б.В. Михайловского, он начал освоение одного из примечательнейших периодов в истории русской литературы с творчества Горького — иконы социалистического реализма, но сумел увидеть в нем не хрестоматийного пролетарского писателя и автора «нужной» и «своевременной» книги — романа «Мать», а личность, органично существующую в пространстве культуры рубежа XIX–XX вв., с ее «декадансами», нищезанятием, дионисийством, оргиастическими порывами и — культом разума, богоискательством, богостроительством, поэтизированной политикой и политизированной лирикой и прозой — со всем тем, что уже в советский период Горький представил в своей незавершенной эпопее «Жизнь Клима Самгина». Это произведение АГ считал одним из тех крупных зеркал, в котором отразились взлеты и падения русской интеллигенции.

Думается, по этой причине, в частности, А.Г. Соколов не считал горьковскую эпопею книгой скучной и идеологизированной; напротив, настоятельно рекомендовал своим юным коллегам не пренебрегать этим сочинением «пролетарского» писателя, не без оснований полагая, что доступная всем книга может стать стартовой площадкой для последующего постепенного вхождения в эпоху бесконечных споров, которые должны были, как считали их участники, вывести все русское общество на высшую точку его духовного развития.

Пример с Горьким не единичен, но хорошо иллюстрирует присутствующую А.Г. Соколову непредвзятость суждений и готовность подойти к долго изучаемому и, казалось бы, уже до конца изученному литературному явлению по-новому, скорректировать свою характеристику — и не в угоду меняющимся в социуме приоритетам. И в дальнейшем его представления о «предмете» исследований менялись вследствие глубокого проникновения в суть этого изучаемого «явления». Он умел видеть множество нитей, связывающих конкретное имя, конкретный эпизод в истории литературы с целостным, глобальным процессом миростроительства.

Таким же был его подход к еще одной неоднозначной фигуре в истории русской литературы советского периода — Демьяну Бедному. В учебнике «История русской советской литературы» для фило-

логических факультетов (1957) он написал главу о поэте и вместе с коллективом этого издания был награжден Ломоносовской премией МГУ (1958). Хотя она все-таки построена на расхожем тезисе о поэте как «выразителе интересов широких масс трудового народа, соединивших свою судьбу с делом большевистской партии», А.Г. Соколов постарался обозначить «грубоватость, натурализм» языка поэта, то, что он не всегда «умеет отобрать нужное слово, злоупотребляет диалектизмами», т.е. предложил и разбор поэтики Демьяна Бедного.

Всезнайство и готовность дать определенный, твердый ответ на любой поставленный вопрос не были свойственны А.Г. Соколову. Часто от него можно было услышать: «Не могу тебе сказать...» — «не могу» не потому, что запрещено, небезопасно. Это значило, что сам он еще не пришел к определенному выводу или не обладает достаточными знаниями о предмете (в чем никогда не боялся признаться). А может быть, и пребывает в стадии осмысления того, что вчера казалось ясным, а сегодня вновь стало загадкой.

Заметим, что новые области в историко-литературной науке А.Г. Соколов начинал осваивать до того, как они становились литературоведческой конъюнктурой. К новому его приводило погружение в чрезвычайно запутанный, практически неделимый на политические и эстетические страты феномен так называемого Серебряного века и последовавшего за ним эмигрантского периода «осколков» русского мира. Напомним, что он первым разработал курс истории литературы русского зарубежья, который начал читать с 1994 г. Этот курс послужил основой его монографии «Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов» (1991), ставшей первым в России исследованием, посвященным этой проблеме.

В 1985 г. Соколов защитил докторскую диссертацию, представленную в форме научного доклада «История русской литературы конца XIX — начала XX века», который базировался на втором, исправленном и дополненном издании созданного им учебника, вышедшего в 1984 г. Курс истории русской литературы конца XIX — начала XX в. он на протяжении почти 30 лет читал студентам МГУ, во время своих командировок в Сорбонну, Страсбург, Лидс, Варшаву.

Созданный А.Г. Соколовым учебник пришел на смену написанному в конце 1930-х годов учебнику Б.В. Михайловского и выпущенному в 1960-е годы учебнику А.А. Волкова. В 2000 г. вышло его 4-е издание, и стало ясно, что освоение материала продолжается. И оно не экстенсивное, так как не просто включаются новые имена и исключаются иные, а происходит переосмысление концепции, рождается новая подача материала. Но подлинный прорыв был осуществлен уже в пятом издании учебника (2012), подготовленном

им незадолго до ухода из жизни. Деятельность художников слова оказалась вписана в широкую панораму художественной и театральной жизни предреволюционных десятилетий (о связях литературы и театра, литературы и живописи читались им специальные курсы на филфаке), подробно разбиралась поэзия и проза «сатириконцев», появилось представление о «неореализме» (с подробными характеристиками его представителей) и «литературе, сочетающей реалистические и модернистские принципы художественного творчества». В последний раздел вошел разбор творчества Б.К. Зайцева (акцент сделан на импрессионистических элементах), Л.Н. Андреева (экспрессионизм увиден как центральная проблема), А.М. Ремизова (его метод письма назван «сновидческим»).

О желании А.Г. Соколова воссоздать целостную картину предреволюционных десятилетий свидетельствовала задуманная им в конце 1980-х энциклопедия русской культуры рубежа XIX–XX вв., где должны были быть представлены все сферы гуманитарной деятельности человека: философия, музыка, изобразительное искусство, театр, а также отражены ключевые эпизоды общественно-политической, религиозной и культурной жизни этого периода. В том виде, в каком энциклопедия была задумана А.Г. Соколовым, она не осуществилась, но надеемся, что хотя бы отчасти реализацией его замысла стала интернет-энциклопедия филологического факультета, где представлены в том числе материалы, подготовленные под его руководством. Сейчас, как и осенью 1987 г., когда он предложил своим ученикам принять участие в осуществлении этого проекта, обращает на себя внимание прежде всего масштабность замысла. И здесь следует упомянуть еще об одной характерной черте А.Г. Соколова — умении организовать системную, несуетную работу над крупным проектом. Это свое качество он проявил, когда с 1961 по 1974 г. был деканом филологического факультета. Работающие в то время с ним коллеги вспоминают в первую очередь его неконфликтность и органическое неприятие интриг, разного рода закулисных игр. Кажется, ему просто жалко было тратить на это жизнь. Он предпочитал отпущенное ему судьбой время отдавать делу — еще одна привычка фронтовика, которого война научила отличать главное от второстепенного.

Алексей Георгиевич умел дружить. Особенно теплые отношения связывали его с русистами Польши, где его работы появлялись в периодических изданиях. А еще он был замечательным наставником, воспитавшим более 100 кандидатов наук, которые до сих пор преподают в разных уголках страны и мира. Не поддается исчислению количество иностранных стажеров из США, Японии, Австрии,

Швейцарии, Италии, Франции, Турции, Ирана и др. И надо сказать, что на определенном этапе изучение литературы Серебряного века в стенах высших учебных заведений соотносилось почти исключительно с его именем. Еще когда ни И.Ф. Анненский, ни Андрей Белый не входили в обязательную программу, а в филологических кругах имели определенную коннотацию, он дал своим аспирантам темы по этим авторам. Чуть позже его аспиранты защитились по творчеству М.А. Кузмина и «сатириконцев». До последних дней он не выпускал из поля зрения своих учеников, как мог, опекал их, интересовался их делами. Не забудутся дни рождения А.Г. Соколова, которые собирали у него дома за одним столом учеников и Учителя (эта традиция сохраняется и сейчас, когда многие из них навещают его вдову Марианну Александровну Соколову). Они же в память о своем учителе организовали на филологическом факультете МГУ Соколовские чтения, которые проходят раз в два года и собирают лучших ученых-филологов. С каждым годом тематика Чтений становится шире и разнообразнее. И думается, что это очень бы радовало АГ.

Maria Mikhaylova, Elena Pevak

ALEKSEY SOKOLOV

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Silence is Sometimes Louder Than Words

This is a brief outline of the personal and academic life of the late Alexey Sokolov, a former dean of the Faculty of Philology, and a veteran of the Second World War. The paper salutes his military service and pinpoints his contributions to the life of the faculty as a researcher, teacher, and manager.

Key words: Second World War; Faculty of Philology; Russian Silver Age literature; Russian émigré literature.

About the authors: *Maria Mikhaylova* — Prof. Dr., Department of Modern Russian Literature and the Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mary1701@mail.ru); *Elena Pevak* — PhD, Senior Research Fellow, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: epevak@yandex.ru).

Н.Т. Пахсарьян

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВИЧ АНДРЕЕВ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Нам дороги эти позабыть нельзя

Ветеран Великой Отечественной войны Леонид Григорьевич Андреев (1922–2001) — известный ученый-литературовед, доктор наук, профессор, много лет возглавлявший кафедру истории зарубежной литературы филологического факультета и декан факультета в 1974–1980 гг., не только был добровольцем и участником боевых сражений, но и автором записок, сделанных им в 1941–1944 гг. Искренние воспоминания молодого человека, вместе со своей страной переживающего драматический момент жизни, были изданы в 2005 г. под заглавием «Философия существования».

Ключевые слова: Великая Отечественная война; доброволец; лыжный батальон; воспоминания.

Среди деканов филологического факультета МГУ участником Великой Отечественной войны был Леонид Григорьевич Андреев (16 июня 1922, Смоленск — 13 декабря 2001, Москва) — профессор, доктор наук, замечательный филолог, блестящий педагог, более 50 лет работавший в Московском университете, в том числе заведующий кафедрой истории зарубежной литературы. Закончив в 1940 г. с отличием 13 образцовую среднюю школу Смоленска, молодой Леонид Андреев поступил в МВТУ им. Баумана. Поняв, что ошибся с выбором специальности, что его больше, чем технические науки, привлекает филология, юноша вернулся в Смоленск и стал готовиться к поступлению в ИФЛИ. Однако война изменила его планы: в начале августа 1941 г. он ушел добровольцем на войну, став рядовым 269 отдельного лыжного батальона 1-й ударной армии. Батальон формировался в Казани и после нескольких месяцев учебы был переброшен на Северно-Западный фронт, принимал участие в нескольких военных операциях, в частности — в обороне Москвы. Солдаты воевали в трудных условиях: в сводках начала войны указывалось, что в батальоне нет ни одного автомата, надежда на то,

---

Пахсарьян Наталья Тиграновна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: npakhsarian@gmail.com).

что оружие добудут в бою. 12 декабря 1941 г. 269 отдельный лыжный батальон принял тяжелый бой под Старой Руссой, после которого от батальона в 900 человек осталось только 18. Получив пополнение, батальон воевал до 27 мая 1942 г. Однако рядовой Андреев в ночь с 13 на 14 марта 1942 г. получил тяжелое ранение и был отправлен в эвакогоспиталь в Кургане; после выписки уволен в запас, став инвалидом 3 группы. За боевые заслуги Л.Г. Андреева наградили Орденом Славы III степени, Орденом Отечественной войны I степени, 12 медалями и 8 почетными знаками.

Вся дальнейшая жизнь Леонида Григорьевича была связана с филологией. Поступив в сентябре 1942 г. на филологический факультет Ярославского пединститута, в 1944 г. он был переведен в МГУ, окончил его в 1948 г., став аспирантом кафедры истории зарубежной литературы. В 1951 г. Андреев защитил кандидатскую диссертацию, в 1968 — докторскую, работал доцентом, а затем — профессором кафедры. В 1974—1997 гг. возглавлял кафедру истории зарубежной литературы, с ноября 1974 по август 1980 был деканом филологического факультета. За это время он создал научную школу, вырастил более 50 кандидатов и докторов наук, выпустил 13 учебников, семь монографий и более 200 научных статей по проблемам истории французской и бельгийской литератур.

На фронте и в госпитале, с 1841 по 1844 г., Леонид Григорьевич вел дневник, который затем не редактировал и не дополнял. Это не написанные задним числом воспоминания, а непосредственные, свежие впечатления молодого человека, столкнувшегося с драматическими событиями, обрушившимися на его Родину, и одновременно — глубокие размышления над судьбой человека, проживающего опыт боли, потерь, смерти и жизни в трудных обстоятельствах истории. В 2005 г. записки фронтовика Л. Андреева были опубликованы под заголовком «Философия существования» (М.: Гелеос). Отрывки из этой книги мы сочли необходимым привести здесь:

«Разрыв между мирной и военной жизнью был настолько неожиданным, что мы во многом еще продолжали жить по-прежнему. К вечеру следующего дня я надел свой парадный костюм, захватил привезенные мною из Москвы подарки и направился к брату в прекрасном настроении. На улице, однако, моя прыть сразу приуменьшилась. Заметно было, как увеличилось всеобщее беспокойство, появилось много людей с узлами и чемоданами. Мне стало неудобно за свой неуместно праздничный вид. У брата почти не взглянули на мои конфеты, а стали расспрашивать о настроении в Москве. Позже прошел слух об очищении ряда улиц, среди которых была и наша. Мы позвонили в милицию, где разговоры подтвердили. Захватив

несколько чемоданов, мы вновь вернулись к брату. У него собрались почти все родственники. С тревогой ждали чего-то, разговаривали вяло и тихо. Я лег на диван, не раздеваясь. Разбудили залпы батарей. Было ровно час ночи. Завыла серена. Я подошел к двери, и в это мгновение раздался содрогнувший дом взрыв, нечистый какой-то, с треском, шумом, шорохом. Замерло сердце, стало жарко. Второй взрыв — в нашем районе. Мы бросились на пол. Третий взрыв рванул двери, задребезжали стекла. Казалось, что следующий накроет нас. И мы поползли к дверям.

Было страшно. Очень страшно! Что-то ярко горело в верхней части города. За Днепром кверху поднимался огромный клок пламени, который содрогался весь от частых взрывов, разбрасывая вихри искр. Мы выползли в сад. Стало тише. Края неба освещались вспышками стреляющих орудий, несколько прожекторов ощупывали небо. Было сыро, я начал дрожать от холода и от пережитого волнения. Но страха уже не было. Лишь пусто и одиноко в городе, ставшем вдруг чужим...

Послышался нарастающий глухой, прерывистый гул. Торопливо забегали прожектора. Самолеты пролетели над Заднепровьем, гул стих. Я подошел к берегу и уставился в черную воду. Грязно-кровавые блики пожара преградили ее течение. Они чуть-чуть колыхались. Ни о чем не думалось, ничего не хотелось. Противоположный берег реки был темен, лишь светились окна, обращенные к пожару. Там чуть заметно мелькнул огонек. Потом еще. Еще. Не было сомнений в том, что это — сигнализация. Я быстро поднялся, дошел до ближайшего телефона. Мне сказали, чтобы я перешел на другую сторону. Повсюду в городе стояли посты, на каждом шагу останавливали; порядок, спокойствие вокруг успокаивали и вызывали желание помогать всем, чем-то участвовать в общем деле. На другой стороне реки мы никак не могли найти милиционера, потом нужного места, а ленивые поиски ничего нам не дали. Зато расспросы о названиях улиц, которыми досаждал встречным увязавшийся со мною подвыпивший родственник, вызвали подозрение, и вскоре целая толпа, подозрительно и зло посматривающая на нас, сопровождала наше движение. Милиционер предложил зайти в отделение. Проверив документы, меня отпустили. Злополучного родственника задержали. Я вышел на улицу. Дальше не пропускали, и я остался ждать отбоя, присев на крыльце. Сырой редкий туман таял между застывшими домами. Всё утро в отделение подвозили и подвозили пойманных парашютистов. Их было пугающе много. Выгрузили целый грузовик наряженных в военную форму, группа летчиков привела человек 50

в форме милиции; подъехала телега с людьми в белье; человек в штатском вел другого, в кожаном длинном пальто, последний надменно и презрительно смотрел на нас светлыми, ледяными глазами.

Утром, возвращаясь домой, я увидел первые разрушенные войной дома. Знакомая улица стала неузнаваемой. Целый ряд деревянных домов исчез. На их месте лежали груды досок, бревен, кирпичей, в которых рылись люди. Мелкие капли дождя оседали на них, прибывали пыль, покрывавшую тротуар. Большой фикус стоял посреди мостовой, а рядом на сломанном листе сидел маленький светлый котенок. Облизываясь и потряхивая головой, он смотрел на кашу из нескольких домов (с. 13–17).

[ПУТЬ НА ФРОНТ]

Я закрываю глаза: многообразные, как неповторим каждый бугорок земли, похожие друг на друга, как одноликая ее гладь, встают передо мною *дороги*. Кажется — была одна дорога, начало ее затерялось, где-то там была маленькая первая радость облегчения, а конца не было. И согнув голову, уставясь в серую, коричневую, желтую, зеленую, грязную землю, я переживал свою жизнь вновь. На пустое место настоящего и будущего явилось прошлое. В памяти своей я вызывал всё, что могло сохраниться в ней от первых запомнившихся дней до последних, каждую мелочь, каждую деталь прожитого. Картины, образы проходили через мою душу и вызывали сладкую, волнующую боль — единственное мое чувство в неделе животного существования человека, превращенного в нечто, которое идет. А то, что было благополучием, покоем, сытостью, свободой, — переживалось мною по несколько раз, со сладострастием. Впрочем, всё в прошлом казалось счастьем. *Моей жизни не хватало на солдатский путь*, и я начинал вспоминать сначала, потом вновь и вновь.

Каждую ночь мы останавливались ночевать в деревнях, и каждую ночь другие избы, другие люди и одинаковые слова, похожие, как слезы оплакивающих одно и то же.

Сотни крестьянских лиц прошли в те дни передо мною — и я не помню ни одного из них: все окрашиваются в один цвет моим состоянием, все затянута темной, сотканной усталостью, голодом и холодом. Некоторые были скупы, жадны, другие добры, жалостливы; одни грели и кормили, другие косились, ворчали, и тогда после сна на грязном, холодном полу — голодная дорога дня. Нас почти не снабжали, и мы ели только то, чего не жалела тупая (?) мужицкая доброта. И были на нашем пути крестьянки — дай Бог им счастья! — они могли вместить в своем сердце миллионы исстрадавшихся, обогреть

и накормить всех замерзших, всех голодных сыновей, на короткие часы напоминая им их матерей. Я не помню лиц, — но я и сейчас ощущаю тепло, которое исходит от этих неведомых, далёких, чужих людей. Дай Бог, чтобы к ним вернулись их сыновья, — это будет лучшей наградой истинному материнскому чувству (с. 84—86)

[ФРОНТ]

Нас было 24, растерявших, изломавших в дороге свои лыжи. Большинство — наш первый взвод.

Батальон слился с белой равниной. Мы шагали быстро, стараясь усиленной ходьбой рассеять охватившее нас напряжение. Сегодня, вот сейчас, через один-два часа в бой. Страх не было — слегка беспокойное ожидание приблизившейся вплотную, физически ощутимой опасности.

— Сунут нас — и всё, — заговорил шагавший рядом со мною ком [андир] 1 отд [еления] Филиппов, парень лет 25, с добрым русским лицом и большой сильной фигурой. Я любил беседовать с ним в дороге. Было легче шагать, слушая его рассказы, его простые умные слова.

— Почему?

— Молодые. Очень молодые. Первый огонь всегда ловит таких.

— Страшно? — спросил я, косясь на его широкую надежную спину.

— Нет. Чего бояться?

И немного подумав:

— Всё равно меня убьют в первом бою.

— Брось ты ерунду говорить!

— Увидишь, Лёня, первым пошлют в разведку. Убьют.

Он сказал это просто, немножко тише, чем всегда, поглаживая белой от инея перчаткой кожух автомата. Голубовато-серые глаза его смотрели на меня спокойно и уверенно.

— Подожди. Халат развязался, — сказал он. Мы остановились.

Филиппов нагнулся и стал завязывать лопнувшую подвязку халата.

Как не смешно было его предвидение, мне стало немножко жутко и неожиданно жалко этого большого доброго парня.

Мы пошли быстрее, нагоняя ушедшую вперед группу.

— Плохо тут воевать, — сказал я, спеша отвлечь Филиппова от его мрачных мыслей и отогнать охватившее меня чувство тревоги. — Равнина, голо, ни дерева, ни оврага.

— Да, наступать плохо, как на ладони.

— У тебя есть родные?

— Мать есть.

— А отец?

— Отца нет. Замерз он. Давно это было. Лет десять, может больше — не помню уж. Поехал за дровами и не вернулся. Потом ездили и нашли его. Я тоже ездил. Видел...

Он умолк. Я не решался спросить его, почему замерз отец. Помолчав с минуту, Филиппов продолжал:

— Снегу в тот год много было... Завяз, видно, его деревом и задело. Нogu расковыряло. Потом полз... И замерз... Страшно потом было. Всё батя в снегу снился.

Вдруг широко улыбнувшись, он сказал:

— А вчера сидел у окошка, так спину пригрело. Март, брат, скоро валенки тяжелые станут. И ходить труднее будет. Хорошо скоро станет, тепло.

Через каждые несколько километров пути нам встречались деревеньки. Они были все целые, нетронутые и привычно пустые — всё живое пряталось от самолетов. Мы спрашивали, далеко ли до немцев. До ближайшей занятой немцами деревни Б.Б. [Быстрый Берег] оставалось 79 километров. Мы боялись сбиться с дороги, отстать от быстро уходящего по целине батальона, поэтому торопились, привалы делали редко.

Когда мы вышли из маленькой деревушки, в которой дорога наша, вообще очень извилистая, делала крутой поворот и где нам сказали, что до Б [ыстрого] Б [ерега] осталось по прямой километров 5 (на самом деле было больше), то увидели в поле, рядом с дорогой, странную своей одинокой чернотой массу. Это был немецкий грузовик, большой, мощный, как и все немецкие машины, осевший набок, засыпанный наполовину снегом.

Кто-то предложил сделать привал. По глубокому снегу мы добрались до грузовика, и я, опершись спиной о борт его, с наслаждением растянулся на снегу. Ноги заныли приятно и привычно.

— Андреев! — закричали с другой стороны.

— Что?

— Ходи сюда!

Вставать не хотелось. Я лениво оперся о борт машины рукой и чуть приподнялся.

— Ну, что?

— Иди, иди!

Увязая в снегу, я подошел к группе ребят, что-то окруживших. Изпод снега чуть высовывался столбик с повешенной на него каской, ниже каски была прибита дощечка.

— Переведи, тут что-то написано.

На дощечке аккуратно было выведено:

Gefreiter

— Это кладбище. Крест на могиле ефрейтора.

Крестов оказалось много, и, хотя интересно было посмотреть надписи, но усталость снова положила меня на снег около машины. В эту же минуту послышался близкий, ясный рокот моторов. Кто крикнул:

— Немцы!

Мы прижались к снегу. Низко — за стеклами окошек были видны люди — пролетели 3 транспортных самолета с крестами на крыльях (с. 139–143)

Natalia Pakhsarian

LEONID ANDREEV

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Each and One of Those Roads We Must Not Forget

The Second World War veteran Leonid Andreev (1922–2001) was saluted as a literary critic, researcher, head of the Philology Faculty's Department of Foreign Literatures, and dean of the faculty from 1974 to 1980. He joined the army in 1941, and between 1941–1944, wrote notes about the war, which later became recollections of a young man, who had suffered a dramatic period of his life together with his country. They were published in 2005 under the title *The Philosophy of Existence*.

Key words: Leonid Andreyev; Second World War; recollections.

About author: *Natalia Pakhsarian* — Prof. Dr., Department of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: npakhsarian@gmail.com).

А.Л. Крупчанов

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ВОЛКОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена памяти И.Ф. Волкова — фронтовика, переводчика, теоретика и историка литературы, в течение 10 лет (с 1981 по 1991 г.) возглавлявшего филологический факультет. Прослеживается жизненный путь — от крестьянского мальчика, школьника, офицера-минометчика, переводчика, студента МГУ до преподавателя, ученого и администратора, прошедшего первые в новейшей истории факультета выборы декана.

Ключевые слова: И.Ф. Волков; декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; 75-летие победы в Великой Отечественной войне; сотрудники МГУ — участники Великой Отечественной войны.

И.Ф. Волков — декан филологического факультета с 1981 по 1991 г. — участник Великой Отечественной войны. Родился 27 апреля 1924 г. в с. Поим Пензенской области и стал восьмым ребенком в старообрядческой семье крестьянина-сапожника. Дату рождения в церкви записали по старому стилю, поэтому в документах значится 14 апреля 1924. Отец Ивана Федоровича за отказ вступить в колхоз был выслан с семьей под Челябинск. Оттуда малолетнего брата вывезла старшая сестра Вера, которая забрала Ивана в свой дом. Но беда не приходит одна: через несколько месяцев случился пожар. Оставшись без крова, сестра уехала на заработки в Москву. Жить в родном селе стало невозможно. Пришлось скитаться, просить милостыню, голодать. Как-то одному из подростков-беспризорников из компании, к которой примкнул малолетний Иван, удалось украсть каравай хлеба. Одну половину парень разделил между младшими, а вторую съел сам и умер в страшных мучениях. Эту смерть и смерть младшей сестренки Тоси, за которую он «отвечал», Иван Федорович запомнил на всю жизнь. Но, несмотря ни на что, судьба не ожесточила его. «Люди делятся на тех, кто умеет, и тех, кто не умеет страдать», — говорил он много позже, но о своих бедах рассказывать не

Крупчанов Андрей Леонидович — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: krupchanov@rambler.ru).

любил, и вообще в жизни себя пострадавшим не считал. Был уверен, что только человек, хлебнувший лиха, способен почувствовать чужую боль. Воспоминания о голоде переводил в воспоминания о сельской школе. Учиться очень хотелось, тем более что учительница сказала, что его сразу можно направить в 3-й класс, но приходилось добывать пропитание, а не сидеть за партой. Помогла бежавшая из ссылки мама, Аграфена Григорьевна. Через несколько месяцев удалось вернуться в школу. В 1936 г. старший брат Михаил выслал денег и забрал младшего в Ташкент. Там И.Ф. Волков окончил школу, хотя учиться перебравшийся в Узбекистан отец попытался запретить. Вырвал из рук сына и бросил в печь роман «Анна Каренина», но сын всё-таки стал литературоведом... хотя до этого было еще очень далеко и судьба Ивана Федоровича могла сложиться совсем иначе. В 1942 г. он поступил в Воронежский авиационный институт, эвакуированный к тому моменту в Ташкент. Но учебу пришлось отложить: отправили работать на завод боеприпасов. Шел 1943 год. Статус студента и работа на оборонном заводе обеспечивали бронь, но оставаться в тылу было невыносимо. Фронту нужны были грамотные офицеры, и 17 августа добровольца Волкова направляют на учебу в эвакуированное в Туркмению Гомельское пехотное училище. Именно здесь происходит поворот в его судьбе — он увлекается немецким языком. На вопрос начальника, зачем он изучает немецкий, курсант Волков ответил: «Надо знать своего врага». Но на самом деле в этом выборе определяющую роль сыграли новые друзья-курсанты. Один из них, Н. Комаров, мог цитировать «Фауста»; другой, Г. Хованский, отлично знал немецкий, а вот со строевым шагом у него были проблемы. Тогда курсанту Волкову было дано поручение «подтянуть» друга. Так и стали они друг друга обучать — один маршировке, другой — языку. После выпуска из училища И.Ф. Волков — младший лейтенант, минометчик — отправляется на фронт.

По словам дочери Елены, Иван Федорович не любил рассказывать про войну, считал, что «зло не достойно слова». Но своим студентам он говорил, что ходил в разведку, командовал минометным взводом, что он был молодой, энергичный и сильный. Впрочем, говорил он о войне очень скупно, иногда одной фразой. Так, проф. М.М. Голубкову запомнились слова: «мясом воевали».

«Я слишком хорошо всё помню», — сказал Иван Федорович о своей молодости. «В его словах было столько боли, что я и сейчас ее чувствую», — написала в своей книге об отце дочь Елена.

Иван Федорович не считал себя героем. Он даже удостоверение участника войны не счел нужным оформлять. Но мы, дети, внуки и правнуки фронтовиков обязаны им своей жизнью. Для нас они, безусловно, герои.

Когда война закончилась, ему был лишь 21 год. В марте 1945 И.Ф. Волкова откомандировали в Московский военный институт иностранных языков, по окончании которого назначили переводчиком при коменданте в г. Ной-Вельцов, а затем — в г. Калау округа Нойбранденбург земли Макленбург-Передняя Померания в Германии. Поскольку русский комендант практически совсем не владел немецким языком, то вести диалог, а подчас и организовывать послевоенную жизнь приходилось Ивану Федоровичу. Он вспоминал, что почти всегда был в разъездах, перемещаясь на своем мотоцикле от одного учреждения до другого.

Иван Федорович был участником Парада Победы. Получив, как и все, пакет с подарком от союзников, он, конечно, захотел проверить его содержимое. Накрапывал мелкий дождь, от которого надо было где-то укрыться, и младший лейтенант Волков свернул в ближайший дворик. Это был университетский садик на Моховой. Ивана Федоровича ждало огромное разочарование, поскольку в союзническом пакете оказался набор для рукоделия. На скамейке под навесом сидел военный. Разговорились. Новый знакомый, Александр Сергеевич Дмитриев (будущий автор «Проблем йенского романтизма»), поделился своей бедой: приехал записаться на историко-филологический факультет, да надо было сдать две контрольные — по русскому и иностранному. В русском Дмитриев был уверен, а вот немецкий вызывал серьезные опасения. Иван Федорович предложил помочь с немецким и, в свою очередь, попросил помощи с русским, поскольку сильно стеснялся своего деревенского говора. Так определилась судьба двух фронтовиков — они стали студентами Московского университета.

Однако Иван Федорович — действующий офицер — должен был вернуться к месту службы, учиться в МГУ стал заочно. Пришлось сделать важный выбор, поскольку совместить службу и учебу не удалось: «Я понял тогда, что со временем прибавляться будут только звездочки на погонах, и испугался». Он написал рапорт о демобилизации, но начальство не хотело его отпускать: энергичный, работоспособный, знающий язык офицер был очень нужен. И тогда лейтенант И.Ф. Волков решил написать маршалу Жукову. Маршал Победы направил в военную администрацию Германии приказ, и 4 февраля 1947 г. И.Ф. Волков был уволен в запас для продолжения учебы в Московском университете.

Отец, узнав, что сын пошел учиться в университет, публично отрекся от него в церкви. Не отеклась мама, которая тихо сказала: «Смотри, Иван... Но только не вверх, а вниз». Опять все пришлось начинать заново. Лекции и семинары, чтение книг в библиотеке днем, работа ночью. Вдобавок туберкулез.

В конце 1940-х был арестован один из знакомых по общежитию. Через некоторое время пришли и за Иваном Федоровичем. Его привезли на Лубянку, несколько часов допрашивали, стремясь получить показания на его приятеля, однако И.Ф. Волков стоял на своем: подследственный — честный советский человек, которого оговорили. Следователь отправил И.Ф. Волкова в одиночную камеру подумать. Прошло еще несколько часов, наступила глубокая ночь, пришла мысль, что из этих стен уже не выбраться, тогда он начал стучать в дверь, кричать и требовать, чтобы ему принесли закурить, но ответом была полная тишина. Через некоторое время дверь внезапно отворилась и его снова повели на допрос. Следователь был уже другой. Он раскрыл дело, посмотрел на Ивана Федоровича и сказал: «Я тут прочитал твои показания о приятеле. Какой-то он у тебя идеальный получается. Неужели у него нет ни одного недостатка?» «Ну как же, товарищ капитан, — ответил студент Волков, — конечно, есть». Следователь взял ручку и спросил: «Какой?» «Вы знаете, мы иногда скидываемся по рублю... Так вот у него никогда не бывает рубля!» Следователь бросил ручку на стол, захлопнул дело и сказал: «Ну, иди отсюда!» Так посреди ночи «свидетель» И.Ф. Волков вышел с Лубянки и пошел на Стромынку — в университетское общежитие. Через некоторое время выпустили и его приятеля. Не нашлось никого, кто подтвердил бы лживый донос. К доносам Иван Федорович всегда относился с презрением. Рассказывал он и историю о том, как фронтовики сумели вычислить такого доносчика и выбросили его из поезда на ходу. Несколько позже, когда после 1956 г. начали рассекречивать дела осужденных по политическим статьям, стали всплывать фамилии некоторых «товарищей Искаритовых». Тогда они поспешили уехать далеко и надолго. Один такой тип через много десятилетий оказался в приемной Ивана Федоровича, приехав с Дальнего Востока в конце 1980-х годов защищать диссертацию. Оба мгновенно узнали друг друга. «У меня даже в глазах потемнело», — вспоминал Иван Федорович. — «Я развернулся и, ни на кого не глядя, ушел с факультета». Тот человек еще приходил потом на филологический факультет, однако разговор с деканом у него «не получился». Но все это произойдет существенно позже. А в конце 1940-х И.Ф. Волков — студент романо-германского отделения, занимается в семинаре Р.М. Самарина, углубленно изучает зарубежную литературу, специализируясь на немецкой. Его друзьями-однокурсниками были Ю.Б. Рюриков, Г.А. Гачев, П.Е. Селигей. Ученикам, став уже профессором, деканом и заведующим кафедрой, Иван Федорович с присущим ему юмором скажет: «Я до 4-го курса никак не мог понять, чем же они все тут на факультете занимаются. А на 4-м понял и решил — ну, это и я могу».

Летом 1949 г. И.Ф. Волков приезжает в Ташкент и женится на своей однокласснице Л. Мартыновой, которая и станет судьбой на всю жизнь и подарит дочерей Ирину и Елену и сына Владимира.

В 1951 г., буквально за месяц до защиты дипломной работы, немецкий писатель, о творчестве которого И.Ф. Волков писал свою работу, уехал из ГДР в ФРГ. Новая тема, предложенная И.Ф. Волкову, звучала так: «Немецкая революционная антифашистская сатира». Очень помогли друзья, создавшие «комиссию по содействию Ване Волкову в написании диплома». Они ходили в библиотеки, собирали материалы — книги, журналы, делали выписки, даже приносили еду. А И.Ф. Волков, практически никуда не выходя, писал дипломную работу, которая была защищена на «отлично», а ее автор получил рекомендацию в аспирантуру.

В течение последующих четырех лет И.Ф. Волков пишет и защищает кандидатскую диссертацию «Творческий путь И.Г. Зейме». Это была одна из самых первых научных работ о служившем в конце XVIII — начале XIX в. в России и писавшем о ней немецком демократическом поэте и публицисте. Впереди будет время, когда Иван Федорович в Марбурге прочтет на немецком языке лекцию о забытом у себя на родине авторе.

С середины 1950-х по 1958 г. И.Ф. Волков — старший преподаватель Таганрогского педагогического института. Приходилось читать лекции и вести семинары по всему курсу истории мировой литературы — от античной до современной.

В 1960 г. на филологическом факультете МГУ создается новая кафедра — кафедра теории литературы. Ее руководитель проф. Г.Н. Пospelов пригласил И.Ф. Волкова стать одним из первых сотрудников. Так Иван Федорович снова оказался связан с Московским университетом. «Сделай шаг в сторону», — скажет он позже своей дочери, — «и сразу поймешь ценность университета».

Путь на электричке из подмосковного Дедовска, где жене, инженеру-технологу Л. Волковой, выделили квартиру, до Москвы занимал более полутора часов, но Иван Федорович и в этом находил своего рода пользу, готовя в пути лекции, книги и даже докторскую диссертацию («Проблема художественного метода и “Фауст” Гете», 1970). Надо отметить, что домашние всячески пытались способствовать творчеству главы семейства. По воспоминаниям дочери Елены, в первой квартире кухня была преобразована в рабочий кабинет, а готовили в ванной. Ваш покорный слуга застал уже последнюю «творческую лабораторию» И.Ф. Волкова в Олимпийской деревне. Разумеется, кругом были книги, но центром интерьера был даже не массивный письменный стол, а возвышавшаяся слева от него,

высотой около метра и диаметром примерно метра два, «пирамида» из рукописей, версток, журналов, книг и т.п. Эту «пирамиду» Иван Федорович называл кучей. Когда мне пришлось столкнуться с серьезной научной проблемой при подготовке диссертации — нужно было создать классификацию для 150 поэм — Иван Федорович сказал: «Поезжай ко мне, вот тебе ключ, увидишь “кучу”, подойди к ней справа. Где-то в середине должна торчать рукопись, называется “Типы художественного содержания”. Возьми, почитай. Думаю, тебе пригодится». Если кто-нибудь из учеников начинал сетовать на отсутствие вдохновения, Иван Федорович с доброй улыбкой отвечал: «Когда у меня есть вдохновение, я пишу 10 страниц в день, когда у меня нет вдохновения — только две страницы. А вот когда я смотрю на законченную рукопись, я уже не могу определить, какие страницы были написаны под воздействием вдохновения, а какие — нет». Он писал о немецкой, французской и русской литературах, творческих методах и художественных системах, деревенской прозе, Е.И. Замятине, М.А. Булгакове. Иван Федорович и сам попробовал написать пьесу, вот только не закончил. Она называлась «Конкурс». По сюжету, главного героя, вузовского преподавателя Ивана Медведева (заметьте, не Волкова!) обвинили в том, что он «очень близок со студентами». У начальства появилось подозрение, что у Медведева всегда наготове «было 2 вида лекции — одна для студентов, а другая обычная, на случай проверки...» Поэтому решено было избавиться от чересчур популярного лектора, для чего был объявлен конкурс на два года раньше срока. Интересно, что бы написал Иван Федорович по поводу нынешней системы контрактов?

В 1973 г. И.Ф. Волкова включили в состав комиссии, которая должна была дать заключение о новой постановке Ю. Любимова «Товарищ, верь...» Хотя спектакль был посвящен Пушкину, слишком очевидными были аллюзии. Большинство членов комиссии под разными предлогами ушли с просмотра. А Иван Федорович, когда спектакль закончился, выступил в защиту постановки. Режиссер пригласил И.Ф. Волкова на все спектакли Таганки. Пересмотрев весь репертуар, Иван Федорович отметил, что главная отличительная черта любимовских постановок — это их злободневность. В связи с этим, например, Высоцкий в роли Гамлета мог довольно невнятно проговаривать большие фрагменты шекспировских монологов, но очень четко, даже подчеркнуто ударно звучала в устах актера реплика о гнили в Датском королевстве.

В 1981 г., став деканом, Иван Федорович отправил в конце лета молодых студентов-филологов на «картошку» в Клементьево. А 1 сентября, выступив перед первокурсниками, сел в машину и

поехал посмотреть, как обустроились студенты в совхозе. Мы как раз возвращались с поля. Перед столовой была огромная лужа. Посредине этой лужи остановилась подъехавшая черная «Волга», в открывшейся двери мелькнули ослепительно белые кроссовки, и через долю секунды они погрузились в коричневую глинистую жижу. Однако вместо выражения неудовольствия раздался громкий хохот. Иван Федорович, смеясь, вылез из машины и прямо через лужу пошел к нам. Подойдя и окинув взглядом наши измазанные глиной телогрейки, произнес: «Ну вот — сразу видно людей труда». Иван Федорович всегда беспокоился о студентах и поэтому пользовался их уважением. Кроме того, он никогда не боялся попасть в нелепую ситуацию, показаться смешным. Только человек с сильным характером может позволить себе посмеяться над собой. Смех у Ивана Федоровича был искренним, заливистым и заразительным. Он как-то сразу превращал Ивана Федоровича из большого начальника в озорного студента. Так и стали его называть: «смеющийся декан».

Так же непринужденно и свободно он общался и с преподавателями. Веселая самоирония была не только его органичным состоянием, но и частью образа, позволявшего выходить из непростых психологических ситуаций. После одного из годовых отчетов о работе на посту декана профессор В.А. Белошапкова задала вопрос: «Иван Федорович, в Италии был семинар для лингвистов-русистов. Почему Вы поехали туда?» Ответ, который, казалось, лежал на поверхности: «Требовался соответствующий уровень представительства» — декана не устроил. Он на несколько секунд задумался, а потом с обезоруживающей искренностью сказал: «Был у меня друг — Михаил Федотович Овсянников, специалист по эстетике, который сказал мне: “Ваня, не умирай, пока не увидишь Италию”». Аудитория взрывается от смеха. Коллеги начинают аплодировать.

Не менее важной задачей, чем отношения с коллегами, было создание своей команды. Это должны были быть люди, понимавшие и жизнь, и учебный процесс схожим образом. Профессор М.Л. Ремнева спустя несколько десятилетий рассказывала, как Иван Федорович уговаривал ее стать заместителем декана по учебной работе. И ведь добился-таки согласия. Она часто вспоминала, как однажды сказала Ивану Федоровичу, что очень расстроена гуляющими по факультету сплетнями. Иван Федорович ответил: «Марина Леонтьевна, давайте не будем обращать никакого внимания на то, кто, что и про кого говорит, иначе мы просто не сможем нормально работать».

Вместе с тем И.Ф. Волков всегда выслушивал чужие мнения, давал высказываться практически всем. Для него важно было найти оптимальное решение, даже если оно было предложено не им. И при

этом любой дискуссией управлял он. «Начинаем обсуждать, коллеги», — говорил он. Выступающие, сменяя друг друга, говорили час, полтора... и вдруг Иван Федорович заявлял: «Ну, это мы уже какую-то ерунду начинаем говорить, коллеги. Заканчиваем обсуждать». Это означало, что декан уже пришел к какому-то решению.

Не считая нужным прислушиваться к сплетням, он обладал огромными способностями чувствовать и понимать людей, и свое понимание формулировал в кратких и емких характеристиках. Так, например, об одном коллеге он сказал: «Этот человек, о чем бы он ни выступал, говорит только о себе».

Иван Федорович никогда не пытался перекладывать ответственность за то, что происходило на факультете, на своих подчиненных. За всё он отвечал сам. Так, например, когда несколько студентов-выпускников решили пойти в семинарию и принять сан (это в 1980-е годы!), от Ивана Федоровича потребовали противодействовать. Он отказался, так как считал, что выбор жизненного пути и веры — личное дело каждого человека. Это решение дорого стоило декану, но сохранило уважение коллег.

В 1986 г. коллектив кафедры истории русской литературы XX в. пригласил его, теоретика литературы, стать заведующим. Под руководством И.Ф. Волкова были созданы принципиально новые программы и концепция учебника по русской литературе XX в. Ивану Федоровичу и его коллегам было совершенно ясно, что настало время возвращать из «литературного небытия» произведения таких авторов, как Е.И. Замятин, А.П. Платонов, А.А. Ахматова.

В 1991 г. Иван Федорович решил, что больше не будет деканом факультета. Он организовал первые выборы в новейшей истории факультета и предложил возглавить его М.Л. Ремневой. Получив отказ, он встал перед ней «на коленку» и заявил, что не поднимется до тех пор, пока она не примет его предложение. Когда и это не возымело действия, он сказал: «Ну что ж, в таком случае мне придется просить стать деканом профессора...» и назвал фамилию. «Вы что, с ума сошли? Тогда уж лучше я», — воскликнула Марина Леонтьевна. Умел Иван Федорович найти подход к людям... На общефакультетском собрании он представил Марину Леонтьевну как свою преемницу и выдвинул ее кандидатуру. За нее проголосовало более двухсот человек.

Через три года, осенью 1994 г., собрав коллектив кафедры, Иван Федорович сказал: «Коллеги, вам нужно подумать о новом руководителе. В сентябре будущего года будете выбирать нового заведующего». Все попытки уговорить его остаться на должности были безрезультатными. Осуществить задуманное он не успел. Видимо, он

уже чувствовал острую нехватку времени. А к окружающим людям его отношение совсем не изменилось. «Надо любить людей!» — как-то сказал он после обсуждения рассказа В.Г. Распутина «Век живи — век люби». «Всех?» — спросил я. «Да, всех». «Даже тех людей, которые преднамеренно совершают низости?» На секунду задумавшись, он ответил: «Знаешь, столько сил уходит на борьбу с ними, что лучше любить даже их». Но я не унимался: «А как быть, если тебя ругают очень близкие люди?» Ответ оказался неожиданно простым: «Иногда не имеет никакого значения то, что близкие люди в сердцах могут наговорить друг другу».

В конце февраля 1995 г. состоялась (если бы знать тогда!) наша последняя встреча. Он сказал мне: «Проводи меня. Надо поговорить». Мы шли с ним по коридору девятого этажа первого гуманитарного корпуса до лифтового холла, и в этот момент к нему обратилась студентка: «Иван Федорович, мне нужно сдать задолженность». Профессор посмотрел мне в глаза и сказал: «Примите у коллеги передачу, пожалуйста. Мы с Вами после поговорим». Но этого «после» не было. Я так и не узнал, что он хотел мне сказать.

Накануне смерти Иван Федорович закончил статью о М.А. Булгакове. Потом позвонил дочери и сказал: «Теперь я абсолютно свободен. Всё сделал. Буду жить как мальчишка». На следующий день, 22-го февраля, его не стало. Он умер на улице, рухнул, когда оторвавшийся тромб перекрыл кровоток. Наверное, только так и мог умереть человек огромной духовной и физической мощи, заботившийся о других, но никогда не щадивший себя. Пришедшая в квартиру отца дочь Лена увидела на столе рукопись. Последние слова, написанные Иваном Федоровичем, были: «... чтобы соединиться с ним навсегда в ином мире».

Когда сестра Ивана Федоровича обратилась в старообрядческий храм с просьбой об отпевании, ей был задан вопрос: «А покойный бороду носил?» Нет, не носил Иван Федорович бороды, поэтому и отпевать его пришлось в храме Михаила Архангела в Тропареве. Попрощаться в фойе конференц-зала первого гуманитарного корпуса пришло огромное количество людей, причем не только филологов. С.И. Кормилов сказал: «...Иван Федорович был человеком необычайной широты души и редкой доброты. Казалось, он источал из себя доброту: чем больше отдавал, тем больше оставалось... Многих он поддержал, многим помог, даже, может, спас... Мы много будем писать об Иване Федоровиче как о человеке, ученом, педагоге. Это нужно, должно, необходимо, прежде всего нам самим. А вот другое труднее — быть на него похожим. Хотя очень бы хотелось...» А Н.И. Толстой, процитировав есенинское «Мы теперь уходим по-

немногу...», подчеркнул: «Иван Федорович принадлежал к поколению, которое поднимало из руин полстраны, к поколению, которое еще с юности и с детства помнило и 1937, и 1941, и 1945 годы. Это поколение никто никогда не называл “потерянным”. Оно и не было потерянным... Царствие Небесное рабу Божьему Иоанну».

Похоронили Ивана Федоровича Волкова на Востряковском кладбище, недалеко от могил его друзей.

Через 11 лет дочь Ивана Федоровича Елена выпустила пронзительную книгу об отце «Отче мой» (2005).

Со времени ухода из жизни Ивана Федоровича прошло уже 25 лет. На факультете появились поколения студентов и преподавателей, никогда не видевших И.Ф. Волкова, но они узнают о нем от его учеников и коллег, которые передают молодым всё то, чему смог научить их Наставник, воистину Настоящий Ученый и Настоящий Человек.

Основные труды профессора И.Ф. Волкова:

1. «Фауст» Гёте и проблема художественного метода. М., 1970.
2. Партийность искусства и социалистический реализм. М., 1974.
3. Творческие методы и художественные системы. М., 1978; 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.
4. Литература как вид художественного творчества. М., 1985.
5. Теория литературы. М., 1995.
6. Об И.Ф. Волкове:
7. Памяти Ивана Федоровича Волкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 2.
8. *Умеров Ш.* Иван Федорович Волков // Филологические науки. 1995. № 3.
9. *Кормилов С.И.* Универсализм и самоценность в литературной теории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 5.
10. *Волкова Е.И.* Отче мой. М., 2005.
11. *Крупчанов А.Л., Кормилов С.И.* Иван Федорович Волков — ученый, педагог, руководитель, личность // К 90-летию со дня рождения И.Ф. Волкова // Дела и люди Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 2.
12. *Колобаева Л.А.* Замечательный русский человек // К 90-летию со дня рождения И.Ф. Волкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 2.
13. *Октябрьская О.С.* Он помогал всегда и всем // К 90-летию со дня рождения И.Ф. Волкова // Дела и люди Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 2.
14. *Недзвецкий В.А.* Крестьянский сын. Ученый. Личность: К 90-летию со дня рождения И.Ф. Волкова // Дела и люди Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 2.

Andrei Krupchanov

IVAN VOLKOV

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a brief outline of the personal and academic life of the late Ivan Volkov, a veteran of the Second World War, an interpreter, literary theorist and historian, head of the Faculty of Philology from 1981 to 1991. The paper salutes his military service and pinpoints his contributions to the life of the faculty as a researcher, teacher, and manager.

Key words: Ivan Volkov; Dean of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

About the author: *Andrey Krupchanov* — PhD, Associate Professor, Department of the History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: krupchanov@rambler.ru).

СТАТЬИ

А.В. Архангельская

ПРИХОДИТ ЛИ ПАРМЕН? ОБ ОДНОЙ РЕМАРКЕ В ТРАГЕДИИ А.П. СУМАРОКОВА «ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются особенности использования ремарок в последнем явлении V действия трагедии А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» как характерологического приема, раскрывающего специфику системы персонажей пьесы. Для эпизода значимо противопоставление пассивного действия активному. В центре сценической композиции оказывается Димитрий, относительно которого определяются перемещение и действия всех остальных персонажей, Шуйский и Ксения статичны, Георгий совершает активные движения, но они не приводят его к желаемому результату, так что в результате ключевым персонажем эпизода оказывается наперсник Димитрия Пармен. Образ Пармена в пьесе в целом отчасти нейтрализует эффект неправдоподобия, возникающий от идеального злодейства Димитрия. И в финальной сцене в стремительной череде порывов, которые не достигают цели, Пармен сразу оказывается там, где надо, чтобы осуществить то, что никто, кроме него, осуществить не может. Самоубийство Димитрия подразумевается самой логикой этого характера, в котором Сумароков стремится показать трагедию абсолютного тирана, который сам для себя — еще худший злодей и мучитель, чем для любого из посторонних, пусть даже и зависимых от него людей. В этих условиях смерть Димитрия от руки Георгия, Шуйского, любого из воинов не давала бы необходимого для трагедии эффекта катарсиса. Но в сложившейся к началу последнего явления последнего действия ситуации никакое другое событие, кроме появления Пармена, не могло расставить все на места именно таким образом, чтобы необходимая развязка реализовалась именно так, как была задумана.

Ключевые слова: русская литература XVIII в.; трагедия; А.П. Сумароков; «Димитрий Самозванец»; ремарки.

Архангельская Анна Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: arhanna@mail.ru).

Трагедия А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» неоднократно привлекала пристальное внимание исследователей. Б.Н. Асеев обращал внимание на то, что «эта трагедия отличается предельной для Сумарокова заостренностью тираноборческой темы» [Асеев, 1977: 206]. Ю.В. Стенник отмечал, что центральный вопрос в этой пьесе — «о долге и обязанностях монарха перед подданными и государством» [Стенник, 1981: 69], конфликт «заключается в противоречии между абстрактным идеалом государя и реальным монархом, пребывающим во власти низких страстей и потому становящимся тираном» [Стенник, 1981: 69], а «главный предмет обличения в трагедии — неограниченный деспотизм монарха, при котором следование законам подменяется личным произволом» [там же]. Одним из важных аспектов изучения трагедии стал вопрос о шекспировских традициях в «Димитрии Самозванце» и параллелях между образами Димитрия и Ричарда III (см., например: [Алексеев, 1965: 18–34; Асеев, 1977: 208–209; Стенник, 1981: 71–72; Бочкарев, 1988: 140–142; Вишневская 1996: 155–206]).

Обращаясь к анализу характеров в этой трагедии, исследователи концентрировались главным образом на фигурах Самозванца и его антагониста Шуйского. Интерес к этим персонажам обусловлен не только их более подробной выписанностью в пьесе, но и тем, что оба они перейдут в пушкинского «Бориса Годунова», что придает любому разговору о них заманчивый смысл историко-литературной перспективы. Неоднократно поднималась в научной литературе и проблема реализации в трагедии Сумарокова темы народа — главным образом в связи с пушкинским «Борисом». Так, И.Л. Вишневская обозначала как основное сумароковское достижение то, что в «Димитрии Самозванце» все время слышен глас народа — впервые в русской трагедии XVIII в. — и из этого достижения парадоксальным образом выводила контрастное, но одновременно немислимое без этого предшествующего опыта безмолвие, а точнее — безмолвствование — народа у Пушкина, которое называла «вершиной философско-трагического в мировой трагедии всех веков и народов» [Вишневская, 1996: 201].

Применительно же к другим героям отмечают главным образом самые общие признаки. Так, в фигуре Ксении, на самом деле бывшей дочерью Годунова, а не Шуйского, и в реальной истории сподобившейся гораздо более трагической судьбы, чем сумароковская героиня на трагедийной сцене, обычно подчеркивается антиисторизм. Георгий и Пармен характеризуются как герои-резонеры, озвучивающие разные аспекты сумароковской концепции государственной власти, в которой для Георгия в большей степени значимы основы самодер-

жавного правления как государственной системы, а для Пармена — личные качества самодержавного государя. Пармена — согласно списку действующих лиц пьесы, «наперсника Димитриева», чаще всего определяют как мудрого и добродетельного наставника правителя [Бочкарев, 1988: 117]. Более пристальное внимание к этой, на наш взгляд, весьма примечательной фигуре — редкость, хотя некоторые наблюдения на этот счет все же были сделаны. Например, для И.Л. Вишневской было значимо, что Самозванец враждует со своим наперсником.

В этом исследователь видела элемент размывания чистоты жанра («Эта вражда с наперсником уже и совсем нечто дисгармоническое для трагедии, бывшее доселе лишь уделом комедии, где слуга и хозяин состоят в вечных раздорах» [Вишневская, 1996: 191]), а также деталь, глубже характеризующую заглавного героя («Этому Димитрию не на кого опереться, отсюда его злодейство еще мрачнее, оно не разделено даже со слугами, которые обычно в трагедиях бывают верными исполнителями любой, пусть даже и чудовищной, воли хозяина» [Вишневская, 1996: 191–192]).

В качестве своеобразного следствия, вытекающего из постепенной драматизации сценического действия, отмечается, что в «Димитрии Самозванце» усиливается роль и значение авторских ремарок. Б.Н. Асеев в качестве авторской новации отмечал «закрытие занавеса между действиями трагедии», которое он характеризовал как «новый для “классического” театра прием», поскольку «обычно между действиями трагедии занавес не опускался, и каждое действие начиналось с выхода актеров на сцену» [Асеев, 1977: 207]. Здесь же «таким приемом зритель вводится в трагическую атмосферу сцены, рисующей последнюю ночь властолюбивого злодея» [там же: 208]. Исследователь также обращал внимание на введение в трагедию звуковых эффектов, в частности, звона набатного колокола в последнем действии, трактуемого как средство «расширения места действия за пределами дворца» [там же].

Развивая эту тему, И.Л. Вишневская констатировала принципиально новый характер авторских ремарок именно в «Димитрии Самозванце» и считала, что интерес драматурга к ним «вызван необычным драматургическим характером, переполняющие Димитрия противоестественные страсти должны сопровождаться естественным авторским комментарием, вероятно, именно это понял Сумароков, когда снабдил свою трагедию о Самозванце ремарками, как бы житейским контекстом почти фантастического текста» [Вишневская, 1996: 192].

Мы попытаемся обратиться к одной ремарке финального явления последнего — пятого — действия трагедии «Димитрий Самозванец», но прежде рассмотрим сценическую схему явления в целом. Насыщенность именно этого фрагмента пьесы ремарками бросается в глаза: всего их в нем семь, тогда как обычно на явление приходится от одной до четырех, причем четыре — только в первом явлении пятого же действия, в уже упоминавшейся сцене с поднятием занавеса, пробуждением Димитрия, звуком колокола и вставанием героя с кресел. Видимо, финалу пьесы Сумароков придавал особое значение, и в данном случае его волновало не только то, что будут говорить его герои на сцене, но и то, какими жестами и движениями будут сопровождаться эти слова.

Первая ремарка традиционна, она обозначает действующих лиц эпизода: «Димитрий, Ксения, Шуйский, Георгий и воины» [Сумароков, 1771: 72]. Дальше — три ремарки, характеризующие перемещения по сцене Георгия, причем именно относительно Димитрия. Сначала он говорит, «несколько приближаясь к нему» [там же], потом — когда выясняется, что тот не готов принять его жертву и убить его вместо Ксении, он, «отступив и обратясь ко народу» [там же: 73], произносит не совсем естественную в этом контексте, но показательную реплику «Спасения лишен на смерть лечу к нему» [там же]. На наш взгляд, упоминание «народа» — остается не совсем понятно, имел ли в виду здесь Сумароков зрительский партер или воинов, замерших, видимо, по периметру сцены и долженствующих олицетворять народ сценический — в еще большей степени подчеркивает декларативный характер этой реплики. Сразу после этого следует еще одна ремарка: «Бросаясь на него» [там же]. Таким образом, отчетливо видно, что в центре сценической композиции в этом эпизоде оказывается Димитрий, относительно которого определяется перемещение и активное действие всех остальных участников эпизода (любопытно, что ни в одной из ремарок Димитрий не назван по имени, всегда используется местоимение — «к нему», «на него», «из рук его»). При этом и перемещаются, и активно действуют не все: статичен Шуйский, функция которого в этом эпизоде — говорение, причем максимально декларативное, а потому чуждое движения («За град отеческий вкушай, княжна, смерть люту!» [там же]); статична Ксения — объект приложения чужих волей и действий — которую Димитрий пытается убить, Георгий пытается спасти, а Пармен действительно спасает; и уж тем более статичны «воины», присутствие которых на сцене обозначено только в начальной ремарке и которые ничем иным в этом явлении себя не выдают. А вот Георгий, напротив, максимально подвижен и, как маятник, оказывается то ближе,

то дальше от Димитрия; более того, для этих колебательных движений по сцене Сумароков выбирает три разных глагола: герой «приближается», когда речь идет о попытке договориться, «отступает» для того, чтобы декларировать переход от переговоров к активному противостоянию, и «бросается», когда осуществляет этот переход не на словах, но на деле. При том, что ремарка «Бросаясь на него» вроде как предполагает быстрое, стремительное перемещение в пространстве, Георгий, успевая произнести одну реплику и услышать в ответ две, произносимые последовательно Ксенией и Димитрием, все-таки не успевает достичь цели, т.е. добежать до Димитрия, на которого «бросается». Точно так же и Димитрий, несмотря на обозначенный в относящейся к нему ремарке переход от слов также к активному действию («устремився Ксению заколоть» [там же: 74]), не успевает реализовать свое намерение, хотя ему для этого даже не нужно двигаться: их с Ксенией расположение на сцене друг относительно друга задано пространной ремаркой в конце предыдущего явления: «Хватает ее за руку: вынимает кинжал и подымает на нее» [там же: 72]. Таким образом, и Георгий (явно намеренный причинить вред Димитрию), и Димитрий (явно намеренный причинить вред Ксении) имеют, но не осуществляют замыслы, которые могли бы усугубить трагедийную развязку дополнительными смертями. При этом не осуществляют не по причине каких-то очевидных помех извне, а неким загадочным образом оказавшись чуть ли не в какой-то временной петле, где время течет иначе — в данном случае — медленнее.

Именно в этот момент в тексте появляется интересующая нас — и, несомненно, ключевая в этом эпизоде — ремарка: Пармен «с обнаженным мечем, вырывая Ксению из рук его» [там же: 74]. Именно это появление Пармена решает судьбу Самозванца: Пармен освобождает Ксению, лишая Димитрия возможности ее убить и одновременно лишая Георгия основания мстить Димитрию за Ксению. После этого Димитрий уже не может излить свою злобу ни на кого, кроме самого себя (показательно, что как ранее только Пармену, и никому более, было позволено говорить тирану правду о его тирании, так же теперь именно Пармену, и, опять-таки, никому кроме него, позволено лишить тирана власти над жизнями других людей, чтобы тот наконец распорядился единственно возможным для него способом своей собственной).

По поводу последней ремарки В.А. Бочкарев писал: Димитрий «ударяет себя в грудь кинжалом». Конечно, этот традиционный для классицистической трагедии способ наказания героя-злодея лишь условно (с учетом законов жанра) соответствует финалу жизненной драмы Отрепьева» [Бочкарев, 1988: 121]. Как нам кажется, дело здесь

не только лишь в условности театра классицизма и в неприятии массовых сцен и грубых натуралистических эффектов. Самоубийство Димитрия подразумевается самой логикой этого характера, в котором Сумароков стремится показать трагедию абсолютного тирана, который сам для себя — еще худший злодей и мучитель, чем для любого из посторонних, пусть даже и зависимых от него людей, поскольку каждый из них все-таки может от него спастись (и финал пьесы показывает, что каждому из тех, кому Димитрий готовил муки и смерть, именно что удается спастись), а вот ему самому от себя никуда не деться, не убежать, не уйти от убийства самого себя, как он сам и говорил — словами шекспировского Ричарда III: «Беги! — куда бежать! — твой ад везде с тобою./Убийца здесь; беги! — но я убийца сей» [Сумароков, 1771: 31] (ср. у У. Шекспира: «Is there a murderer here? No. Yes, I am:/Then fly: what! from myself?» [Shakespeare, 1954: 632]; в переводе А.Д. Радловой: «Убийца здесь? Нет! Да! Убийца я!/Бежать? Но от себя?» [Шекспир, 1993: 661]). Очевидно, что в этих условиях смерть Димитрия от руки Георгия, Шуйского, любого из воинов не давала бы необходимого для трагедии эффекта катарсиса. Но в сложившейся к началу последнего явления последнего действия ситуации никакое другое событие, кроме возникновения Пармена, не могло расставить все на места таким образом, чтобы необходимая развязка реализовалась именно так, как была задумана.

При этом действие Пармена, на которое обращается внимание в ремарке — «вырывая» — помещает осуществляющего это действие героя сразу в центр сцены, в то время как, на самом деле, не совсем понятно, каким именно способом Пармен оказывается рядом с Димитрием: его имя не упоминается в перечне действующих лиц в начале явления, следовательно, он не находится на сцене в этот момент, и в то же время его появление никак не обозначено. Это нехарактерное для Сумарокова умолчание, поскольку в других эпизодах этой же трагедии момент, когда то или иное действующее лицо появляется на сцене, всегда маркирован: («Стражи вступают» [Сумароков, 1771: 24]; «Шуйский пред последним стихом приходит» [там же: 27]; «Пармен приходит» [там же: 55]). Таких эпизодов, как мы видим, в принципе немного: как правило, по ходу явления новые действующие лица в сценический процесс не включаются, а смена участников действия совпадает в подавляющем большинстве случаев с границами явления (такая ситуация в целом типична для драматургии того времени). Более того, в первом случае приход стражей мотивирован сюжетной ситуацией и служит ответом на фразу Димитрия: «Вступите стражи!» [там же: 24] — когда он собирается заточить не вынесшего притворства и заговорившего с ним начи-

стоту Георгия, а в двух других ремарка о приходе героя завершает явление, т.е. действовать и/или говорить он все равно начинает в следующем явлении, хотя Шуйский возникает чуть раньше, чтобы услышать последнюю реплику Ксении, адресованную Димитрию, и начать новое явление с реакции на нее.

В рассматриваемой же ремарке ситуация оказывается практически противоположной: герой не входит, чтобы бездействовать, а сразу начинает с активного действия — вырывает Ксению из рук Димитрия. Именно на констатации этого активного действия Сумароков сразу сосредотачивает все внимание: в стремительной череде порывов («бросаясь», «устремився»), которые тем не менее не достигают цели, Пармен вроде как и не движется даже, а загадочным образом сразу оказывается там, где надо, чтобы осуществить то, что никто, кроме него, осуществить не может.

Образ Пармена, в частности, нужен Сумарокову еще и для того, чтобы отчасти нейтрализовать эффект неправдоподобия, возникающий от идеального злодейства Димитрия, характер которого слишком однозначен. Наперсник одновременно оказывается и как бы отделенной от героя и материализованной в самостоятельном персонаже его совестью, которая на протяжении пьесы не устает взывать к рассудку и здравому смыслу, пытаться нейтрализовать исходящие от тирана угрозы и т.д., и в данном случае не нуждается в специальном физическом действии для того, чтобы оказаться рядом с тем, чьим alter ego является. Причиной может быть и желание драматурга не снижать стремительность разворачивающихся перед зрителем событий: в условиях, когда один «бросается», а другой «устремляется», «приходить» (да и даже «прибегать») уже поздно. Для должного участия в этом эпизоде Пармен должен моментально оказаться рядом с Димитрием и одновременно не может просто находиться там с начала явления, так как его пассивность по ходу разворачивающегося действия была бы неправдоподобна.

Таким образом, данный эпизод — ключевой в трагедии и в силу этого наиболее детально разработанный — явно свидетельствует о том, что сумароковская трагедия в заключительный период его творчества действительно приобретает в том числе и качественно новые признаки: ремарки перестают быть простыми характеристиками действий персонажей или способов произнесения отдельных реплик, а становятся характерологическими, оживляют и драматизируют собственно сценическое действие, организуют сценическое пространство, так что речь, поза, жест и движение начинают работать как единое целое — разумеется, пока еще не без некоторой условности.

Список литературы

1. *Алексеев М.П.* Первое знакомство с Шекспиром в России // Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 18–34.
2. *Асеев Б.Н.* Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. М., 1977.
3. *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. М., 1988.
4. *Вишневская И.Л.* Аплодисменты в прошлое: А.П. Сумароков и его трагедии. М., 1996.
5. *Стенник Ю.В.* Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. Л., 1981.
6. [*Сумароков А.П.*] Димитрий Самозванец: Трагедия Александра Сумарокова. СПб., 1771.
7. *Шекспир В.* Ричард III // Шекспир В. Полн. собр. соч.: сочинений: В 14 т. Т. 3. М., 1993. С. 417–674.
8. *Shakespeare W.* The Complete Works Of William Shakespeare / Ed. with a Glossary by W.J. Craig. Oxford, 1954.

Anna Arkhangelskaia

WHERE IS PARMEN? THE CASE OF A STAGE DIRECTION IN A. SUMAROKOV'S DIMITRI SAMOZVANETS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses stage directions in the last scene of Act V in A. Sumarokov's tragedy 'Dimitri Samozvanets' (*Dimitry the Pretender*) as a characterological technique that specifies the system of characters in the play. Forasmuch as this episode is rich in stage directions, it becomes clear that, in this case, Sumarokov deemed it important to specify not only the actual words his characters say on stage, but also the gestures and movements accompanying these words. The passive-to-active action juxtaposition is significant for the episode. Dimitry is placed in the center of the scenic composition, and his position determines the movement and actions of the rest of the characters. While Shuysky and Kseniia are static, Georgy performs active movements; however, these movements do not bring the desired effect, so, as a result, it is Parmen, Dimitry's confidant, who turns out to be the key character of the episode. In a rapid series of impetuses that do not help to reach the goal, Parmen immediately finds himself in the position most suitable for accomplishing things that can be handled by him alone. Dimitry's suicide is predetermined by the very logic of this character, in whose portrayal Sumarokov seeks to show the tragedy of an absolute tyrant, the one who is a crueller villain

and tormentor to himself than to any of the outsiders, even those dependent on him. In these circumstances, Dimitry's death at the hand of Georgy, Shuysky or any of the soldiers would not have brought the cathartic effect necessary to a tragedy. Therefore, in the situation preceding the last scene of the final act no other event, apart from Parmen's appearance on stage, could put everything in its rightful place in such a way that the expected denouement is implemented exactly as intended.

Key words: 18th-century Russian literature; tragedy; A.P. Sumarokov; 'Dimitry the Pretender'; stage directions.

About the author: *Anna Arkhangel'skaia* — PhD, Associate Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: arhanna@mail.ru).

References

1. Alekseev M.P. *Pervoe znanomstvo s Shekspirom v Rossii* [The First Acquaintance with Shakespeare in Russia] *Shekspir i russkaya kul'tura* [Shakespeare and Russian Culture]. M.; L., *Nauka Publ.*, 1965, pp. 18–34.
2. Aseev B.N. *Russkii dramaticheskii teatr ot ego istokov do kontsa XVIII veka*. [Russian Drama Theater from its Origins to the End of the 18th cent.] M., *Iskusstvo Publ.*, 1977. 575 p.
3. Bochkarev V.A. *Russkaya istoricheskaya dramaturgiya XVII–XVIII vv.* [Russian Historical Drama of 17th–18th cent.]. M., *Prosveshchenie Publ.*, 1988. 244 p.
4. Vishnevskaya I.L. *Aplodismenty v proshloe: A.P. Sumarokov i ego tragedii*. [Applause to the Past: A.P. Sumarokov and his Tragedies] Moscow, *Izdatel'stvo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo Publ.*, 1996. 266 p.
5. Stennik Yu.V. *Zhanr tragedii v russkoi literature: Epokha klassitsizma*. [Tragedy in Russian Literature: The Era of Classicism] L., *Nauka Publ.*, 1981. 168 p.
6. [Sumarokov A.P.] *Dimitrii Samozyanets: Tragediya Aleksandra Sumarokova* [Dimitri the Pretender: Aleksander Sumarokov's Tragedy]. Saint-Petersburg, *Imperatorskaia Akademia Nauk Publ.*, 1771.
7. Shekspir W. *Richard III. Polnoe sobranie sochinenii* [Shakespeare W. Richard III. Complete Works] In 14 Vol. Vol. 3 Moscow, *TERRA*, 1993, pp. 417–674.
8. Shakespeare W. *The Complete Works*. Ed. with a Glossary by W.J. Craig. *Oxford Univ. Press*, 1954. 1166 p.

Е.М. Чекалина

СУДЬБА И СТАТУС КОНЪЮНКТИВА В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
19991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются особенности употребления отдельных форм презенса и претерита конъюнктива в современном шведском языке, сохранившихся лишь у некоторых лексем в виде реликтов утратившей продуктивность грамматической категории косвенного наклонения с гипотетической семантикой. В истории шведского языка формы презенса конъюнктива имели семантику оптатива и использовались для выражения пожелания в речевых формулах благословений, а также обращенного к неопределенному или обобщенному третьему лицу косвенного побуждения. Пожелания с формами презенса конъюнктива в результате лексикализации приобрели характер устойчивых фразеологических словосочетаний, наиболее употребительным из которых стала речевая формула с застывшей формой *leve* ‘да здравствует’ от глагола *leva* ‘жить’. В отдельных случаях в результате стяжения словосочетания с формой презенса конъюнктива перешли в разряд междометий. Употребление со значением косвенного побуждения изначально было ограничено жанрово-стилистическими особенностями языка законов и Библии; во второй половине XX в. в обоих случаях оно было устранено как устаревшее. В претерите конъюнктива, который имелся только у сильных глаголов, по-прежнему остается употребительной только форма *vore* от глагола *vara* ‘быть’, которая встречается в различных типах текстов и в разговорной речи. Однако ее употребление часто носит клишированный характер, особенно заметный в экспрессивных конструкциях с формальным подлежащим *det* и именным предикативом с оценочной семантикой. Другие формы претерита конъюнктива сильных глаголов встречаются редко и спорадически используются носителями современного шведского языка в экспрессивно-стилистических целях с различной степенью частотности. Наиболее употребительными из них, по мнению шведских лингвистов и данным корпуса современного шведского языка, являются формы *bleve* от глагола *bli* ‘становиться’ и *finge* от глагола *få* ‘получать’.

Ключевые слова: шведский язык; косвенное наклонение; конъюнктив; оптатив; устойчивое фразеологическое словосочетание; лексикализация; речевая формула; язык законов.

Чекалина Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской и кельтской филологии (e-mail: etchl@yandex.ru).

Введение. В парадигме древнешведского глагола были представлены два ряда форм конъюнктива, образованных от презентных и претеритальных основ. Они имели общие согласовательные показатели, отличные от индикатива, но значительно различались своими значениями. Формы презенса конъюнктива были достаточно продуктивными; однако их употребление ограничивалось определенными жанрами и стилями речи и носило клишированный характер. Формы претерита конъюнктива с особой огласовкой имелись только у сильных глаголов, в то время как у слабых глаголов они совпадали с претеритом индикатива, различаясь только согласовательным показателем 3 лица единственного числа. Изменения в системе глагольного спряжения, обусловленные ликвидацией согласовательных категорий лица и числа, привели к тому, что окончание единственного числа *-i* > *-e* стало грамматическим показателем конъюнктива. В современном шведском языке формы конъюнктива утратили продуктивность и сохранились лишь у отдельных лексем, изменив при этом функционально-семантический потенциал [Sundqvist, 1958: 72–80; Ewerth, 1993: 9; Rothstein, 2010: 76].

1. Эволюция форм презенса конъюнктива. Начиная с древнешведского периода, употребление презенса конъюнктива было ограничено определенными функциональными стилями. Уже в поздних рунических надписях эти формы встречались в речевых формулах, выражавших пожелание, обращенное к Богу или к неопределенно-обобщенному лицу: *Guþ hialpi and hans. Rapi sag kunni* [Wessén, 1965: 134] ‘Да поможет Бог его душе. Пусть толкует, кто может’, поэтому в шведской грамматической традиции с опорой на семантический критерий они стали чаще называться формами опатива.

Употребление форм презенса конъюнктива с увещательным значением предписания было характерной приметой языка и стиля законов. Они встречаются уже в древнешведских областных законах чаще всего в главной части после бессоюзного придаточного условия с инверсией: *Brister at eþe, böte fiuratighi markär* [Wessén, 1965: 134] ‘Коли отсутствует поручительство, пусть платит сорок марок’. Использование презенса конъюнктива сохранялось в языке шведских законов до середины XX в.: *Den som berövar annan livet, dömes för mord till fängelse i tio år eller på livstid* [Hellquist, 1967: 12] ‘Тот, кто лишает другого жизни, осуждается за убийство на тюремное заключение сроком на десять лет или пожизненно’; *I häradsrätt säge ordföranden först sin mening och inhämta därefter nämndens* [Hellberg, 1991: 96] ‘В уездном суде председатель первым сообщает свое мнение, после чего запрашивает мнение судебной коллегии’. Однако к концу 1950-х годов в процессе создания новой

редакции законов происходил полный отказ от их употребления [Hellquist, 1967: 9–16].

Формы презенса конъюнктива с увещательной-побудительной семантикой использовались также в библейских текстах, начиная с первого полного перевода с латыни на шведский язык Библии Густава Васы 1541 г.:

Hwar nu någhor talar med tungomål/thet *göre* han sielff annan/eller på det mesta sielff tridie/och tå ymsom/och en *tydhe* thet vth. Är han icke en vtthtydhare/så *tiye* i Församlingenne/Men *tale* widh sigh sielff och til Gudh [Hellberg, 1980: 91] ‘Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу’ (Первое послание к коринфянам Святого Апостола Павла, гл. 14, 27–28) [Апостол, 2003: 340].

К началу XX в. они также стали выходить из употребления. Если в Библии 1883 г. они еще были частотными, то в существенно переработанном издании 1917 г. их количество сильно сократилось, а в современном переводе 1981 г. они полностью вышли из употребления [Hellberg, 1991: 95–96].

Со значением пожелания формы презенса конъюнктива употреблялись в обращенных к Богу устойчивых речениях, которые входили в общелитературный и разговорный язык. При этом они изменяли прагматическую семантику и приобретали характер заклинаний, выражавших благословение [Hellberg, 1991: 92], о чем свидетельствуют примеры диалогической речи из художественных текстов: *Gud givе deras själar frid* (Lagerkvist) ‘Господи, упокой их души’; *Kristus vare med dig* (Sandgren) ‘Христос с тобой’ [Чекалина, 1993: 244–245]¹. В современном шведском языке некоторые словосочетания полностью утратили семантику обращенных к Богу молитвенных речений и приобрели экспрессивную функцию выражения эмоций субъекта речи: *Gud ske lov att pojkarne inte var hemma när det började brinna* [Språkbruk, 2005: 586] ‘Слава Богу, что мальчиков не было дома, когда начался пожар’.

Фразеологическая устойчивость синтаксических оборотов с отдельными формами презенса конъюнктива привела к их частичной или полной лексикализации. Так, фразеологические обороты с формой *vete* от глагола *veta* ‘знать’ *det vete fåglarna/katten* ‘кто его знает’ (букв. ‘знать бы это птицам’/‘знать бы это кошке’) приобрели идиоматический характер: *Men vad resten av världen tycker det vete*

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся фамилии шведских писателей, примеры из произведений которых использованы в докторской диссертации автора статьи.

*fåglarna*² ‘А что считает остальной мир, кто его знает’; *Om det hjälper eller inte vete katten* ‘Поможет это или нет, кто его знает’. Как показывают данные корпуса современного шведского языка, идиома *vete katten* подверглась лексикализации, в результате которой существительное в ее составе утратило соотношенность с носителем глагольного признака. На это указывает употребление с грамматическим субъектом 1 лица единственного числа для выражения прагматической установки говорящего в предложениях с косвенным вопросом: *Jag vete katten vad det är* ‘По мне так кто его знает, что это’.

Отдельные идиоматические словосочетания приобрели в шведском языке функцию междометий: — *Ska du ha en fest på din födelsedag?* — *Nej, bevare mig väl* [Språkbruk, 2005: 120] ‘Ты собираешься праздновать свой день рождения? — Нет, боже меня сохрани’. Полностью в разряд междометий перешла стяженная форма *gubevars* ‘право слово’ с прагматическим значением неохотного признания, образованная от словосочетания (*Gud*) *bevare oss* ‘(Боже) сохрани нас’: *Han har blivit bensinmacksägare i byn nu, gubevars* [NEO, 1995: 1, 581] ‘А он стал теперь владельцем бензоколонки в деревне, право слово’.

Функцию междометия приобрела также застывшая форма презенса конъюнктива *nåde* от устаревшего глагола *nåda* ‘миловать’ [SAG, 1999: 2, 768]; пример ее использования с прагматическим значением предупреждения об угрозе приводится в современном шведском словаре словоупотреблений: *Nåde den som skämtar om honom idag* [Språkbruk, 2005: 824] ‘Не приведи бог шутить о нем сегодня’. В обиходно-разговорной речи употребляется также междометие *gunås* ‘право, действительно’, образованное в результате стяжения фразеологического оборота с той же формой конъюнктива *Gud nåde oss* ‘Боже, помилуй нас’ [Hellquist, 1980: 313]: *Någon nöjesresa var detta gunås inte* ‘Никакой развлекательной поездкой это, право же, не было’ [NEO, 1995: 1, 586].

Наиболее употребительной в современном шведском языке является застывшая форма презенса конъюнктива *leve* ‘да здравствует’ от глагола *leva* ‘жить’, которая образует фразеологические словосочетания с семантикой здравицы: *Leve fotbollen!* [Hultman, 2008: 153–154] ‘Да здравствует футбол!’ Отмечаются случаи ее употребления с объектной формой местоимения 3 лица, что дает основание видеть в этом переход в разряд междометий: *Leve henne!* букв. ‘Да здравствует ей!’ [Teleman, 1991: 97–98; SAG, 1999: 2, 768]. Кроме того, эта форма подверглась субстантивации и может употребляться

² Здесь и далее без указания на источник приводятся примеры из корпуса современного шведского языка, составляемого на Отделении компьютерной лингвистики Гётеборгского университета [www.spraakbanken.gu.se].

как существительное среднего рода *ett leve*: *Efter kaffet föreslog hon ett fyrfaldigt leve för födelsedagsbarnet* [Språkbruk, 2005: 696] ‘После кофе она предложила четырехкратную здравицу за новорожденного’.

В устойчивых словосочетаниях с формой *vare* от глагола *vara* ‘быть’ наблюдается переход в служебные части речи при употреблении в составном предлоге *tack vare* ‘благодаря’, а также в разделительном союзе *vare sig... eller...* ‘ни... ни...’: *Tack vare att två anställda lämnade företaget har ingen behövt sägas upp* [Språkbruk, 2005: 1184] ‘Благодаря тому, что два сотрудника ушли с предприятия, никого не пришлось увольнять’; *Hon bad mig att inte döma vare sig henne eller dig för hårt* ‘Она просила меня не судить ни ее, ни тебя слишком строго’.

Таким образом, формы презенса конъюнктива сохранились лишь в составе устойчивых фразеологических словосочетаний или вошли в состав других частей речи в результате лексикализации.

2. Эволюция форм претерита конъюнктива сильных глаголов.

Претерит конъюнктива сильных глаголов имел модальное значение нереальности и сохранился в современном шведском языке несколько лучше. Особенно устойчивой оказалась форма *vore* от глагола *vara* ‘быть’ [Ewerth, 1993: 9; Pihlström, 1994: 21]. По данным корпуса современного шведского языка, число ее употреблений в текстах различной жанрово-стилистической принадлежности и в художественной литературе составляет более 1900 тыс., в том числе более 60 тыс. в языке печатной прессы и более 200 тыс. в официальных документах — законопроектах и заключениях экспертных и государственных комиссий. При этом наблюдается тенденция к клишированному употреблению, особенно заметная в экспрессивно насыщенных конструкциях с формальным подлежащим *det* и именным предикативом с оценочной семантикой: *Det vore vansinne att stänga Bromma flygplats* ‘Было бы безумием закрыть аэропорт в Бромме’; *Det vore en katastrof för Sverige* ‘Это было бы катастрофой для Швеции’. Особенно часто *vore* встречается в именном сказуемом с экспрессивно-оценочными прилагательными и инфинитивом.

Конструкции с оценочными прилагательными могут употребляться в простом предложении, а также в главной или придаточной части сложноподчиненных предложений различных структурно-семантических типов: *Om det stämmer så vore det förfärligt* ‘Если всё действительно так, то это было бы ужасно’; *Vänsterpartiet tycker att det vore dumt att sälja SAS nu när bolaget är i kris* ‘Партия Левых считает, что было бы глупо продавать SAS сейчас, когда компания переживает кризис’; *Det vore farligt för Sverige om de rödgröna fick styra Sverige efter valet* ‘Было бы опасно для Швеции, если бы красно-зеленые стали править страной после выборов’.

В экспрессивно насыщенных высказываниях с эмфазой возможна инверсия с постановкой предикатива перед глаголом-связкой: *önskvärt vore* ‘желательно было бы’, *lämpligast vore* ‘уместнее всего было бы’, а также с вынесением инфинитива в начальную позицию: *Att vinna över Kanada i OS-final vore fantastiskt* ‘Выиграть у Канады финал Олимпийских игр было бы великолепно’. Формальное подлежащее *det* при этом опускается.

В Шведской Академической грамматике отмечается, что в составе речевой формулы-вопроса *hur vore det* (букв. ‘как было бы это’) эта форма образует идиоматическое словосочетание: *Hur vore det att ringa på?* ‘А что если позвонить в дверь?’; *Hur vore det med en liten middag?* ‘А что если съесть легкий обед?’ [SAG, 1999: 4, 274].

Формы претерита конъюнктива других сильных глаголов встречаются в современном шведском языке с различной степенью частотности. В работах шведских лингвистов отмечается, что относительно более частотными являются формы *bleve* от глагола *bli* ‘становиться’, *finge* от глагола *få* ‘получать’ и *ginge* от глагола *gå* ‘идти’, хотя, по сравнению с *vore*, они употребляются значительно реже [Ewerth, 1993: 11; Hultman, 2008: 154]. По данным корпуса шведского языка, наиболее употребительной является форма *finge* от глагола *få* ‘получать’ с общим количеством употреблений 28 200, в том числе 24 500 в официальных документах³ и 400 в печатной прессе. Она часто употребляется с модальным значением внешне обусловленной возможности при выражении нереального пожелания, чаще всего в речи от первого лица: *Ifall jag finge leva om mitt liv...* [Ewerth, 1993: 9] ‘Если б мог я заново прожить свою жизнь...’; *Om jag finge önska något mer vore det mer tid* ‘Если бы у меня была возможность желать чего-то еще, то только больше времени’.

Для формы претерита конъюнктива *bleve* от глагола *bli* ‘становиться’ в корпусе зафиксировано 19700 употреблений, в том числе 19500 в официальных документах и 150 в печатной прессе: *Då bleve det hela än mer obegripligt* ‘Тогда все стало бы еще более непонятным’; *Det bleve revolution* ‘Произошла бы революция’.

Реже встречается форма *funnes* от депонентного глагола *finnas* ‘иметься’, которая насчитывает 10800 употреблений, в том числе 8900 в официальных документах и 270 в печатной прессе. Она также используется с экспрессивно-оценочной коннотацией как в главной, так и придаточной части сложноподчиненных предложений: *Non skulle välja hästpartiet, om det funnes något* ‘Она бы выбрала партию лошадей, если бы таковая имелась’; *Vore det annorlunda funnes*

³ Нужно подчеркнуть, что приведенные в корпусе употребления претерита конъюнктива сильных глаголов в официально-деловой документации относятся к 1920–1960-м годам XX в. и являются приметой канцелярского стиля.

det heller ingen anledning att dagligdags försäkra EU-medborgarna om motsatsen ‘Если бы это было иначе, также не имелось бы повода изо дня в день убеждать страны-члены ЕС в обратном’.

Еще реже используется форма *toge* от глагола *ta* ‘брать, взять’, которая насчитывает всего 3650 употреблений, в том числе 3600 в официальных документах и 21 в печатной прессе. Она встречается в экспрессивно-насыщенной и стилистически маркированной речи: “Den av eder som är utan synd, han *kaste* första stenen”, säger Jesus, och *toge* vi det på allvar, skulle det inte bli särskilt många stenar *kastade*⁴ ‘«Тот из вас, кто без греха, пусть бросит первый камень», говорит Иисус, и если бы мы восприняли это всерьез, было бы брошено не особенно много камней’.

Для формы *stode* от глагола *stå* ‘стоять’ в корпусе зафиксировано 3246 употреблений, в том числе более 3000 в официальных документах и 33 в печатной прессе. Судя по данным корпуса, эта форма встречается в современной прессе преимущественно в составе фразеологически устойчивого риторического вопроса *var stode...* букв. ‘где бы стояли...’, который употребляется в экспрессивной речи: *Var stode den svenska arbetarrörelsen? Var stode den moderna Sverige?* [Dagens Nyheter, 2006] ‘Где находилось бы шведское рабочее движение? Где находилась бы современная Швеция?’

Форма *funne* от глагола *finna* ‘находить’ значительно менее частотна, чем образованный от нее депонентный глагол *finnas* — в корпусе современного шведского языка зафиксировано всего 2750 употреблений, большая часть которых встречается в официальной документации (2670) и всего девять в печатной прессе, где ее использование носит экспрессивный характер: *Jag ville jag funne en oväntad hamn, vars gatunät vore som nytt, och parker och torg bure okända namn* ‘Мне хотелось бы, чтобы я нашел неожиданную гавань, сеть улиц которой была бы как новая, а парки и площади носили неизвестные названия’. Для выражения повышенной экспрессии здесь использован претерит конъюнктива сразу трех сильных глаголов, в том числе частотная форма *vore* от глагола ‘быть’ и малоупотребительная форма *bure* от глагола *bära* ‘носить’.

Для формы *ginge* от глагола *gå* ‘идти’ в корпусе зафиксировано всего 2050 употреблений, также преимущественно в официальной документации (1990) и лишь 68 в языке печатной прессы, хотя в современных шведских грамматиках она относится к наиболее частотным [Bolander, 2004: 120; Hultman, 2008: 164]: *Jag ginge nog*

---

⁴ Здесь приводится ставшая крылатой цитата из Библии с формой презенса конъюнктива, что делает стилистически маркированным употребление формы претерита конъюнктива *toge*, зафиксированное в корпусе современного шведского языка в 2012 г.

sväldöden till mötes ‘Мне ведь грозила бы голодная смерть’ (букв. ‘Я шла бы навстречу голодной смерти’). Как и в ряде приведенных нами примеров, благоприятным контекстом, определяющим выбор в целом мало употребительных в современном шведском языке форм претерита конъюнктива сильных глаголов, является параллельное использование *vore*: Om hon så *vore* miljonär, *ginge* hon ändå till arbetet varje dag [Bolander, 2004: 120] ‘Даже если бы она была миллионером, то ходила бы на работу каждый день’; Om Gud *vore* vår egen konstruktion, *ginge* det utmärkt ‘Если бы Бог был нашим собственным изобретением, было бы замечательно’; Om bara kunskaper om historien *vore* bättre, om bara informationen *ginge* fram... [Dagens Nyheter, 1997] ‘Если бы только знание истории было лучше, если бы только поступала информация...’ Как показывают приведенные примеры, форма *ginge* может использоваться как в придаточной, так и в главной части нереального условного периода.

Форма *fölle* от глагола *falla* ‘падать’, по данным корпуса, насчитывает 705 употреблений, из них 669 в официальных документах. Благоприятным контекстом для употребления в других стилях речи здесь также является форма *vore*: Det *vore* tråkigt om ett ord som *tadla* alldeles *fölle* ur bruk [Williams, 1996: 10] ‘Было бы скучно, если бы такое слово как *porицать* полностью вышло из употребления’.

Форма *såge* от глагола *se* ‘видеть’ встречается еще реже и насчитывает всего 580 употреблений, преимущественно в официальных документах (545) и только 14 в языке печатной прессы: Det finns en del andra partier att fundera över. Jag *såge* gärna att vi ägnar litet uppmärksamhet åt dem också ‘Но есть и другие партии, о которых следует подумать. Мне бы очень хотелось увидеть, что мы обращаем больше внимания и на них тоже’.

Претерит конъюнктива сильных глаголов используется для выражения экспрессивно-стилистических функций и, как отмечают шведские лингвисты, относится к скрытым, «более или менее дремлющим» ресурсам образной выразительности современного шведского языка. Подтверждением этому служит шуточный пародийный стишок с 13-ю формами, написанный известным шведским сценаристом, поэтом, писателем и журналистом Альфом Хенриксоном (1905–1995), автором многочисленных стихов на актуальные темы, которые регулярно публиковались в газете “Dagens Nyheter”: Om alla *finge* vad alla borde och saker *ginge* som saker torde och tygen *hölle* och trägen *vunne* och skatten *fölle* och sökarn *funne* vad sökarn sökte och livet lekte och friden ökte och ingen nekte och maten *sjönke* och lönen *stege* och jorden *prönke* och ingen *krege*, o ja du store så bra det *bleve* i fall det *vore* som vi *beskreve* ‘Если бы все получали то, что им положено, и если бы дела шли так, как надо, и если бы ткани были прочными, и упорный

побеждал бы, и налог бы снижался, и ищущий находил бы то, что искал, и жизнь бы играла красками, и умиротворение росло бы, и никто бы не говорил «нет», и еда бы дешевела, а зарплата бы росла, и земля бы хорошела, и никто бы не воевал, о да, ты, великий, как хорошо стало бы, если бы было так, как мы бы описали'. Примечательно, что для достижения шутивно-пародийного эффекта автор, используя игру слов, образует по модели претерита конъюнктива сильных глаголов не существующие формы слабых глаголов *kriga* 'воевать' и *prunka* 'пестреть красками'.

Заключение. Формы конъюнктива утратили морфологическую продуктивность, но не вышли из употребления, а приобрели в современном шведском языке статус особых выразительных средств. При этом судьба их оказалась различной. Формы презенса конъюнктива перешли из области грамматики в область лексики, что находит проявление не только в прагматической риторике экспрессивно-насыщенных фразеологических оборотов, но и в лексикализации наиболее употребительных словоформ, значительная часть которых приобрела функцию междометий. Относительная устойчивость претерита конъюнктива сильных глаголов поддерживается экспрессивно-стилистическими функциями в целях эмфазы. Примером этого может служить название заключительной главы в книге известного специалиста в области шведского языка Маргареты Вестман "Språkets lustgård och djungel", где использовано условное придаточное предложение с формой претерита конъюнктива от глагола *finnas* 'иметься': Om språket inte *funnes* [Westman, 1998: 117] 'Если бы языка не было'. Выразительные средства шведского языка были бы значительно беднее, если бы в нем не сохранялись реликтовые формы нереального наклонения.

Список литературы

1. Чекалина Е.М. Система форм и грамматические категории шведского глагола: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993.
2. Bolander M. Funktionell svensk grammatik. Falköping, 2004.
3. Ewerth Sten. Har vi konjunktiv i svenskan? // Språkvård. 4. 1993. S. 9–14.
4. Hellberg S. Optativen är död. (Leve optativen!) // Studier i svensk språkhistoria 2. Utg. av Sven-Göran Malmgren och Bo Ralph. (Acta Universitatis Gothoburgensis. Nordistica Gothoburgensia; 14) Göteborg, 1991. S. 90–99.
5. Hellquist C.G. Lagspråk // Språkvård. 1967. № 3. S. 9–16.
6. Hultman T.G. Svenska Akademiens språklära. Stockholm, 2008.
7. Nationalencyklopedins Ordbok (NEO). Utarbetad vid Språkdata Göteborgs universitet. Band 1. Göteborg, 1995.
8. Pihlström S. Konjunktiv i nutida svenska // Språkvård. 3. 1994. S. 20–21.

9. *Rothstein B.* Mood in Swedish // Mood in the Languages of Europe/Ed. By Björn Rothstein and Rolf Tieroff. John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 71–84.
10. *Sundqvist A.* Något om presens konjunktiv i nysvenskan // Lundastudier i nordisk språkvetenskap. 14. Lund, 1958. S. 72–80.
11. *Svenskt språkbruk.* Ordbok över konstruktioner och fraser. Stockholm, 2003.
12. *Teleman U.* Guds ord och människornas meningar // Språket i bibeln — bibeln i språket. Red. Christer Åsberg. Skrifter utgivna av svenska språknämnden, 76. Arlöv, 1991. S. 86–105.
13. *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik (SAG). Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999. Band 2. Ord. 768 s. Band 4. Syntax. 977 s.
14. *Wessén E.* Svensk språkhistoria. III. Grundlinjer till en historisk syntax. Andra upplagan. Lund, 1965.
15. *Westman M.* Språkets lustgård och djungel. Skrifter utgivna av svenska språknämnden, 79. Stockholm, 1998.
16. *Williams H.* Vikingasvenska // Svenskan i tusen år. Glimtar ur svenska språkets utveckling. Red. Lena Moberg och Margareta Westman. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 81. Falun, 1996. S. 1–10.

Elena Chekalina

THE STATUS OF THE SUBJUNCTIVE IN MODERN SWEDISH

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses Present and Preterite Subjunctive forms in modern Swedish which only remain preserved with certain verbs as relics of a grammatical category expressing an oblique mood with hypothetic semantics and which has ceased to be productive. Historically, in Swedish, present subjunctive forms have had the semantics of optative, denoting a wish in blessing speech formulas, and serving as oblique imperative directed towards an indefinite or a collective third person. Wishes with present subjunctive forms have become fixed phraseological word combinations as a result of lexicalization, of which the most widely used is the speech formula with the petrified form *leve* ‘long live’ of the verb *leva* ‘to live’. In certain cases, as a result of contraction, present subjunctive forms have become interjections. Their use with oblique imperative semantics was originally limited by the genre-stylistics of the language of law and the Bible; in the second half of the 20th century in both cases it was dismissed as obsolete. In the preterite subjunctive, which was only a feature of strong verbs, the only form still in use is *vore* of *vara* ‘to be’, which can still be found in texts of various types and in colloquial speech. However, its use is often clichéd, especially in expressive constructions with

the formal subject *det* and a nominal predicative with evaluational semantics. Other forms of preterite subjunctive of strong verbs are rare and are used sporadically by speakers of modern Swedish for emphatic-stylistic purposes with varying frequency. The most widely used of them, according to Swedish linguists and data from the corpus of modern Swedish, are forms *bleve* of *bli* ‘to become’ and *finge* of *få* ‘to get’.

Key words: Swedish; irrealis mood; subjunctive; optative; fixed phraseological word-combination; lexicalization; speech formula; legal language.

About the author: *Elena Chekalina* — Prof. Dr., Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: etch1@yandex.ru).

References

1. Bolander M. *Funktionell svensk grammatik* [Functional Swedish grammar]. Falköping, Liber Publ., 2004. 191 p.
2. Chekalina E.M. *Sistema form i grammaticheskie kategorii shvedskogo glagola* [The system of forms and grammatical categories of the Swedish verb]: Дисс. ... докт. филол. наук [Dr. philol. sci. diss]. Moscow, 1993. 475 p. (In Russ.)
3. Ewerth S. Har vi konjunktiv i svenskan? [Do we have a subjunctive in Swedish?]. *Språkvård* [Language purity preservation], № 4, 1993, pp. 9–14.
4. Hellberg S. Optativen är död. (Leve optativen!) [The optative is dead. (Long live the optative!)] *Studier i svensk språkhistoria 2*. [Studies in Swedish language history 2]. Utg. av Sven-Göran Malmgren och Bo Ralph [Ed. by Sven-Göran Malmgren and Bo Ralph]. (Acta Universitatis Gothoburgensis. Nordistica Gothoburgensia; 14). Göteborg, 1991, pp. 90–99.
5. Hellquist C.G. Lagspråk [Legal language]. *Språkvård* [Language purity preservation], № 3, 1967, pp. 9–16.
6. Hultman T.G. *Svenska Akademiens språklära* [The Swedish Academy grammar]. Stockholm, Norstedts Akademiska Förlag Publ., 2008. 342 p.
7. *Nationalencyklopedins Ordbok* [Dictionary of the national encyclopedia] (NEO). Utarbetad vid Språkdata Göteborgs universitet [Prepared at Språkdata, the Department of Computational Linguistics, University of Gothenburg]. Band [Vol.] 1. Göteborg, Bokförlaget Bra Böcker Publ., 1995. 654 p.
8. Pihlström S. Konjunktiv i nutida svenska [The subjunctive in Swedish]. *Språkvård* [Language purity preservation], № 3, 1994, pp. 20–21.
9. Rothstein B. Mood in Swedish. *Mood in the Languages of Europe* / Ed. By Björn Rothstein and Rolf Tieroff. Studies in language companion series, 120. John Benjamins Publishing Company, 2010, pp. 71–84.
10. Sundqvist A. *Något om presens konjunktiv i nysvenskan* [On the present subjunctive in modern Swedish]. Lundastudier i nordisk språkvetenskap [Lund studies in linguistics]. 14. Lund, 1958, pp. 72–80.
11. *Svenskt språkbruk* [Swedish language usage]. Ordbok över konstruktioner och fraser [Dictionary of constructions and phrases]. Utarbetad av Svenska språknämnden [Prepared by the Swedish Language Council]. Stockholm, Norstedts ordbok Förlag Publ., 2003. 1433 p.

12. Telemann U. Guds ord och människornas meningar [God's words and people's sentences]. *Språket i bibeln — bibeln i språket* [Language in the Bible — the Bible in language]. Red. [Ed.] Christer Åsberg. Skrifter utgivna av svenska språknämnden [Essays published by the Swedish Language Council], 76. Arlööv, Norstedts Förlag Publ., 1991, pp. 86–105.
13. Telemann U., Hellberg S., Andersson E. *Svenska Akademiens grammatik* [The Swedish Academy grammar]. (SAG). Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag Publ., 1999. Band [Vol.] 2. Ord [Words]. 768 p. Band [Vol.] 4. Satsor och meningar [Clauses and sentences]. 977 p.
14. Wessén E. Svensk språkhistoria [The history of Swedish]. III. Grundlinjer till en historisk syntax [An outline of a historical syntax]. Andra upplagan [Second edition]. Lund, Almqvist & Wiksell Publ., 1965. 346 p.
15. Westman M. *Språkets lustgård och djungel*. [The garden and the jungle of the language] Skrifter utgivna av svenska språknämnden [Essays published by the Swedish Language Council], 79. Stockholm, Norstedts Ordbok Förlag Publ., 1998. 218 p.
16. Williams H. Vikingasvenska [The Swedish of the Vikings]. *Svenskan i tusen år. Glimtar ur svenska språkets utveckling* [Swedish in the last thousand years. Glimpses from the development of the Swedish language]. Red. [Ed.] Lena Moberg och Margareta Westman. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden [Essays published by the Swedish Language Council], 81. Falun, Norstedts Förlag Publ., 1996, pp. 1–10.

О.В. Кукушкина, Чжао Цзяи

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ УЗУС ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ: ПРОБЛЕМА ВНУТРИМОРФЕМНОГО УДВОЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Удвоение согласных в морфемах не несет в русском языке какой-либо очевидной функциональной нагрузки. Тем не менее русская орфография не идет по пути других славянских языков и сохраняет такое удвоение в большом числе морфем. Чтобы понять причины этого явления, необходимо изучение истории русского орфографического узуса. В статье излагаются некоторые результаты исследования орфографии первой половины XIX в. Оно проводилось с помощью электронного Корпуса текстов А.С. Пушкина, созданного в ЛОКЛЛ филологического факультета МГУ. В статье описываются обнаруженные в Корпусе немногочисленные несuffixальные случаи написания двойных согласных в русских морфемах (*Россия, истинна, прочий* и др.) и обсуждаются возможные причины появления таких написаний. При этом используются данные о вариантах написания, зафиксированных историческими словарями русского языка. На этом основании делается вывод о том, что к появлению таких написаний могли привести факторы двух типов: а) восприятие нечленимой на морфемы основы как членимой (под влиянием существующих словообразовательных связей); б) потребность различения лексических омонимов. Во второй части статьи обсуждается вопрос о написании согласных в заимствованных морфемах. Здесь на основе полученных результатов анализа Корпуса обосновывается идея о том, что удвоение согласных регулировалось в пушкинский период нормой особого, тернарного типа, связанной с устойчивой традицией выделения в особую подсистему книжной и иностранной лексики. Важным отличием этой нормы от современной является разделение заимствованных морфем не на два, а на три орфографических типа: пишущиеся только с удвоением/только без него/допускающие свободное написание.

Кукушкина Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: ovkukush@mail.ru); *Чжао Цзяи* — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zhaojiayi@mail.ru).

Ключевые слова: формальная адаптация заимствований; удвоение согласных; корпус текстов; язык Пушкина; орфографическая норма.

Как известно, для русских морфем не характерны сочетания согласных фонем. Тем не менее, в отличие от других славянских орфографий, русская орфографическая традиция устойчиво сохраняет внутриморфемное удвоение согласных. Причины этого явления давно и активно обсуждаются. В западноевропейских языках удвоение согласных выполняет определенные графические и/или морфологические функции. В русском же языке таких функций у него нет, да и представлено оно прежде всего в заимствованиях, что подтверждает его чуждость русской языковой системе.

В попытках найти функциональное объяснение этому явлению было установлено, что удвоение согласного может отражать его долгое произношение. Долготе способствует сильная позиция — интервокальное положение после ударного гласного (см. подробный разбор работ, посвященных этой теме, в [Нечаева, 2011: 38 и далее]). Однако долгое произношение в русском языке факультативно, а сильная позиция может меняться на слабую при присоединении форманта с иными акцентными свойствами. Все это делает кодификацию написания на основе долгого произношения согласных невозможной. В связи с этим русские лингвисты (В.И. Даль, Бодуэн де Куртенэ и многие другие) давно и неоднократно предлагали устранить внутриморфемное написание двойных согласных. К этому призывал, например, М.В. Панов, который писал: «все славянские письменности давно избавились от удвоения согласных в заимствованных словах. Пора и нам последовать этому примеру» [Панов, 1964: 156]. Однако это существенно облегчающее русское правописание предложение до сих пор не принято и вряд ли будет принято в обозримом будущем. Причины этого нужно искать в истории русского орфографического узуса.

Орфографический узус, как это было осознано в последние десятилетия, — важный и самостоятельный объект лингвистического исследования. Он является результатом сложного взаимодействия множества факторов, и этот результат часто существенно отличается от рекомендаций ученых. Особый интерес в отношении становления современных норм правописания представляет узус первой половины XIX в. Новые возможности для ее изучения дает корпус текстов Пушкина (далее — Корпус), созданный в ЛОКЛЛ¹ филологического факультета МГУ на основе Полного академического собрания со-

---

¹ Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и орфографии.

чинений (ПСС)². ПСС отражает написания не только автографов, но и копий, а также прижизненных и наиболее ранних изданий текстов Пушкина, поэтому дает возможность изучать орфографию не только самого поэта, но и пушкинской эпохи в целом.

Проведенное нами исследование Корпуса показало, что в пушкинскую эпоху, как и сейчас, написание двойных согласных порождало обширную зону орфографической вариативности. Обнаруженные случаи с удвоением не на морфемном шве можно разделить на две группы: (1) с *незаимствованным* и (2) с *заимствованным* удвоением. Первая группа малочисленна, однако она представляет особый интерес с точки зрения возможных источников и функций. Часть ее составляют слова, которые Г.П. Павский приводил в качестве примеров аномального, нового удвоения и долгого произношения. Он отмечал, что если в старину всячески избегали «стечения двух одинаковых или подобнозвучных букв», то в его время «преступаются пределы умеренности» и удвоение допускается там, «где оно вовсе не должно быть. Напр., говорим: *истинна, драма* (=греч. δραμα), *впрочем, причина, итти*» [Павский, 1850: 116–117]³. Все эти случаи удвоения, кроме *причина*, обнаруживаются и в Корпусе.

У слова *истина* в Корпусе зафиксированы следующие варианты: *истина* (121)⁴/*истинна* (16). Вариант с удвоением имеет давнюю допушкинскую традицию. Он зафиксирован, например, в Грамматике М. Смотрицкого [Грамматики, 2000: 141]. Вероятно, этот вариант имел особую стилистическую окраску — высокую. На это указывает его использование в заглавии, т.е. в сильной текстовой позиции — см. стихотворение Пушкина «Истинна» (ПСС, т. 1, с. 56). Сильной позиции для долготы в данном слове нет, да и сама долгота, без поддержки дополнительных факторов, вряд ли могла породить в пушкинский период устойчивое написание с удвоением. Как показал М.В. Панов, «не любили носители голубой фонетической системы долгих согласных. И Пушкин, видимо, их не любил» [Панов, 2007: 274]. Об этом говорит нередкое устранение удвоения согласных на морфемных швах в русских словах в текстах допушкинского и пушкинского времени. К появлению варианта *истинна* привели, судя по всему, семантические причины, а именно — попытка орфографически отразить связь с прилагательным *истинный*. Такая связь хорошо

² Использовалось Полное академическое собрание сочинений А.С. Пушкина: В 17 т. (1937–1959 гг.) — по переизд.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1994–1999.

³ Цит. по: [Панов, 2007: 229–230].

⁴ В скобках дается количество употреблений варианта, обнаруженное в Корпусе.

знакомы современным носителям русского языка по слову *длина*, где она проявляется в долгом произношении согласного и ошибочном удвоении при написании слова (ср. *длинна). Ее возникновению способствуют два фактора: (1) вторичная, признаковая семантика существительного и (2) наличие в финали основы суффиксального сегмента с *н* (*ин, ен*). Теми же факторами можно объяснить колебание *заутреня* (1)/*заутрення* (2), отраженное в Корпусе. Удвоение в этих случаях должно интерпретироваться не как внутриморфемное, а как отражающее ошибочную морфемную границу.

Правомерность такого объяснения подтверждает наличие вариантов с удвоением у других существительных сходного типа. Так, в Словаре Академии Российской (1789–1794) (САР) находим, помимо *истинна*, еще и вариант *таинна* вместе с прилагательным *таинный*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII) присутствует вариант *сторонна* и прилагательное *сторонний/сторонный*. При этом, в отличие от современного языка, у существительного *сторона* есть признаковые значения, сходные со значениями прилагательного (ср.: *сторона*: 2. ‘одна из боковых сторон’; 5. ‘чужие, посторонние люди, не свои’) (СлРЯ XI–XVII, вып. 28).

Вторая русская морфема с устойчивой, но утраченной традицией удвоения — **проч-** — имеет в Корпусе следующие варианты написания: *прочий* (229)/*прочий* (32)/*продчий* (1), *протчий* (1); *впрочем* (93)/*впротчем* (73). Есть достаточные основания считать, что и здесь мы сталкиваемся с попыткой орфографически обозначить морфемный шов. На это указывают варианты написания с зубными — *протчий* и *продчий*. Важно отметить, что эти два написания принадлежат самому Пушкину — мы находим их в письмах. Вариант с зубным *протчий* имеет длительную традицию использования и, в отличие от *прочий*, фиксируется историческими словарями (см., например, СлРЯ XI–XVII). Более того, он упоминается как качество неправильного в современных справочниках (см., например: [Русская речь, 1967: 110]). На этом основании удвоение *чч* можно считать результатом ассимиляции *тч*→*чч*. Однако сама вставка *т* перед *ч* требует объяснения. Есть основания считать, что она имеет морфонологическую природу и связана с предсуффиксальной позицией корневого <ч>. Это подтверждается ее тесной связью с существительными на *-чик-* и *-ин(а)*. Так, аналогичную вставку мы находим в *табатчик* (‘то же, что *табачникъ*’) (СлРЯ XI–XVII), *поперетчик* (‘кто прекословит, препятствует, мешает кому в чем’) (САР и словарь В.И. Даля); *ясатчик* (САР), а также в современном ошибочном *порутчик* (в СлРЯ XI–XVII, в отличие от САР, этот

вариант отсутствует). Ее функцию хорошо выявляет сравнение зафиксированной в СлРЯ XI–XVII пары *кирпитчик* (‘тот, кто делает кирпичи’) и *кирпичик* (‘ум-л. к *кирпич*’). Вставка *t* обозначает конец корня и фиксирует морфемный шов, что позволяет отнести *ч* к суффиксу и тем самым отличить суффикс деятеля *-чик-* от *-ик-*. Очевидно, язык использует способность аффрикаты <ч> разлагаться на фонемные компоненты, типичные для словообразовательного шва с этим формантом: здесь мы находим именно сочетание *t||ч*. Ср.: *метчикъ, встретчикъ, грамотчикъ, гранатчик, зажетчикъ* и др. (см. СлРЯ XI–XVII). Аналогичное «морфемное разложение» аффрикаты встречается и в существительных на *чин(а)*. Так, в СлРЯ XI–XVII находим: *крутчина* (с отсылкой см. *кручина*) и *опритчина* (с отсылкой см. *опричина*). Здесь же представлены отдельные статьи на *притчина* и *притчинный*⁵. Вставка *t* вписывает эти слова в один ряд с существительными типа *нагодчина* (от *год*), *отчина*, *братчина* и пр. Она позволяет выделить в них составной поконсонантный суффикс *-чин(а)*, а не *-ин(а)*.

Что касается варианта *протчий* и морфемы **проч-**, то здесь, судя по всему, также были условия для суффиксального восприятия <ч> и морфемного разложения аффрикаты. На это указывает ошибочное написание и произношение современного слова *охочий* как *охотчий.

В упомянутом Павским *итти* также нет оснований видеть внутриморфемное удвоение. Написания с зубным являются результатом аналогической вставки консонизатора (*д*) из основы презенса (**и|ти — и(д)|у*; см. об этом, например, [Кукушкина, 2016: 97]). Такая вставка позволила привести древний открытый корень к более типичному, закрытому виду и унифицировать основу глагола. В Корпусе зафиксированы следующие написания этого инфинитива: *идти* (155)/*итти* (29)/*ити* (1). Основным является современный вариант.

Кроме упомянутых Г.П. Павским единиц с незаимствованным удвоением, у Пушкина находим и несколько других. Только с удвоением пишутся в Корпусе морфемы **ссор-** и **ссуд-**: *ссора* (40), *ссорить* (7), *ссориться* (14); *ссуда* (1). По мнению В.Г. Чургановой, геминация в них явилась следствием дестимологизации основы [Чурганова, 1973: 87]. Если видеть здесь исходную приставку, то восстанавливать словообразовательную историю гнезда *ссор-* нужно так: *сора* → *съ+сора* → *съсор+иться*. Глагол должен быть вторичен, по-

⁵ Для *притчина*, однако, можно предположить и наличие корня *тк-*, поскольку в СлРЯ XI–XVII присутствует со сходным значением слово *претка*.

сколькx иначе нельзя объяснить его несовершенный вид. Значение ‘совместность’, передаваемое приставкой *с-*, можно усматривать в этом гнезде до сих пор. Однако словообразовательная мотивация здесь достаточно слабая, а фонетических условий для долгого произношения согласного нет. Поэтому нужно искать другую причину для длительной и устойчивой традиции написания данной морфемы с удвоением. И она достаточно очевидна — это стремление к орфографическому различению омонимов.

Как известно последовательное орфографическое снятие омонимии было одним из важнейших принципов, которым следовали грамматисты при кодификации книжного (церковнославянского) языка в XVI–XVII вв. (см. о принципе *антистиха* в [Кузьминова, 2011]). Для различения омонимов использовались прежде всего синонимичные буквы церковнославянской азбуки (ср. известное различие в написании *миръ* и *миръ*). Однако различительной способностью обладает и удвоение согласных. Ср.: *суда* и *ссуда*, *сор* и *ссор*-. Судя по возникшей еще в допушкинскую эпоху и сохраняемой до сих пор традиции обязательного написания *ссор*- и *ссуд*- с удвоением, эти возможности были использованы русскими книжниками.

В связи со сказанным нельзя обойти вниманием известный вопрос об аномальном написании слова *Россия*. В Корпусе **рос-** всегда пишется с удвоением: *Россия* (398), *российский* (116), *россейский* (3), *росской* (3), *росс* (12), *россиянин* (17), *россиянка* (1), *Россиада* (1); *всероссийской* (8), *славяно-росс* (1), *малороссийский* (28), *малороссияне* (12), *малоросс* (1); *великороссиянин* (1). В огласовке **рус-** этот корень пишется по-разному: *Русь* (53) не имеет варианта с удвоением, а *Белоруссия* (4) пишется только с удвоением. Этноним **рус-**, как и **рос-**, пишется с удвоением: *русс* (1), *славяно-русс* (1). Исключение составляет только производное слово *русак*₁ (1). О том, что Пушкин писал этноним с удвоением осознанно и не под влиянием других языков, говорит следующий контекст употребления: ...*Разница между Руссами и византийскими Ros...* (ПСС: т. 12, с. 207]. Здесь показательно то, что иноязычное вкрапление написано без удвоения.

Удвоение в этнониме позволяет избежать его совпадения с формами других слов (ср. прил. *русъ* и глаг. *росъ*). Учитывая активное и сознательное проведение в жизнь принципа антистиха в книжном языке, закрепление написания *росс* // *русс* в этнониме следует признать закономерным. Это написание хорошо объясняет появление варианта с удвоением и в названии *Россия*. В.И. Даль видел здесь влияние немецкого языка⁶, что вряд ли могло являться главной при-

⁶ «А почему, землячекъ, ты пишешься Рускiй, а не запросто Рускiй? Если тебя и смущаютъ слова: Россiя, росси́йскiй, Екатерининскихъ времянь, то, впервыхъ, [это в] самое слово это [это] высокопарное сочиненiе любителей высокаго слога, взамянь Руси и

чиной закрепления удвоения в официальном названии страны. По мнению И.С. Улуханова, слово *Россия* стали писать с XVII в. через *сс* по аналогии со словом *русский*, где второе *с* принадлежит суффиксу *-ск-* [Улуханов, 2010]. Однако в формальном и смысловом отношении этноним *росс* подходит на роль мотивирующего слова для названия страны больше, чем прилагательное *русский*. Мотивировка '*Россия — страна россов*' достаточно очевидна. Влиянием этнонима можно объяснить и появление у *России* варианта с накоренным ударением. Этот вариант до сих пор сохраняется в словах *Малорóссия*, *Великорóссия*. У М. Смотрицкого находим РѠсс, РѠссїа, правда, с «обратной» мотивацией — *росс* от *России* [Грамматики, 2000: 168]. В «Древнерусском ударении» А.А. Зализняка вариант с ударным корнем тоже зафиксирован и дается с пометой «новый»: *Рóссия*: *Рóссия* (нов.) [Зализняк, 2014: 653].

Как показано нами, все немногочисленные собственно русские случаи удвоения (за исключением правописания суффикса *-енн-*, требующего отдельного рассмотрения) могут быть объяснены функционально: либо попыткой морфемно расчленив нечленимую основу, либо потребностью различить омонимы. Иначе обстоит дело с заимствованиями, выявленными в Корпусе. За исключением единичных случаев, удвоение в них можно объяснить сохранением написания языка-этимона. Это касается и упомянутого Павским варианта *драмма*. Соотношение вариантов написания морфемы **драм-** в Корпусе таково: **драм-** (47): *драма* (30), *драматический* (16), *драматургия* (1)/**драмм-** (39): *драмма* (7), *драmmo-торжественный* (1), *драмматический* (29), *драмматически* (1), *анти-драмматический* (1). Источниками для слова *драма* признаются греческий и французский, в которых удвоения нет (греч. *drama*, фр. *drame*), однако мы находим его в итальянском *dramma*. Комментарий Павского (см. выше) показывает, что этот вариант появился позже и вступил в конкуренцию с уже ставшим традиционным вариантом без удвоения.

В отличие от языка-источника орфографическая связь удвоения с возможным долгим произношением не прослеживается. Анализ показал, что 36 заимствованных морфем пишутся в Корпусе только с удвоением, 26 — только без удвоения⁷, 42 — с колебанием. По-

---

руссаго; ввоторыхъ, сдвоеная буква с забрела и въ слово Россїа изъ нѣмцевъ, гдѣ нѣтъ нашего з, гдѣ/за него отвѣчаетъ/одинокое с (s)...» См.: Даль В. Грамота // Полн. собр. соч. в прижизненных публикациях. <http://philolog.petsu.ru/vdahl/rukopis/hudpub/gramota.htm> (дата обращения: 17.01.2019).

⁷ Их список не может быть получен автоматически, поэтому их число может быть в дальнейшем увеличено.

лученные результаты позволяют говорить об отражении в Корпусе определенной орфографической нормы, а не просто свободного варьирования. На это указывают следующие особенности: (а) устойчивое безвариантное написание значительного числа продуктивных морфем; (б) наличие среди таких морфем хорошо освоенных, но продолжающих писаться «по-иностранному», т.е. только с удвоением (ср., например, *баллад-*, *класс-*, *грамматик-* и др.); (в) последовательное расхождение в написании некоторых единиц в русских и французских текстах Пушкина.

Норму, реализованную в текстах Корпуса, в отличие от современной, можно назвать тернарной. Она является результатом взаимодействия двух факторов: (а) естественного развития письменной традиции и (б) поддержания в ней особого культурного статуса книжной и иностранной лексики. Установка на обозначение такого статуса сдерживает орфографическую адаптацию заимствований и приводит к сохранению «иностраннных признаков» у какой-то части их них, обладающей соответствующей стилистической окраской. Однако строгое бинарное орфографическое распределение на стилистической основе невозможно уже в силу того, что стилистические свойства лексических единиц изменчивы и что значительная их часть остается немаркированной в прагматическом отношении. Поэтому ориентированный на «стиль» орфографический узус неизбежно оставляет большую зону для варьирования написаний.

Потребность в унификации написаний, усилившаяся к середине XIX в., поставила на повестку дня вопрос об устранении орфографической вариативности. Самым простым и эффективным способом решить проблему удвоений был бы отказ от них за пределами круга онимов. Эта идея не только предлагалась русскими грамматистами, но и была реализована В.И. Далем в его «Толковом словаре живого великорусского языка». В.И. Даль не игнорирует современный ему орфографический узус, но последовательно борется с ним посредством комментариев, рекомендующих написание без удвоения. Ср.: «*аллегория, аллегро, аллея* и пр. см. *але*»; «*ассессоръ, ассигнация* см. *асесор, асигнация*»; «*колегия, коллежский* испр. см. *колегия*»; «*корректоръ... — корректоръ* не свойственно нашему языку»; «*корректоръ, корреспондентъ*, см. *коре*» и т.д.⁸ Без удвоения пишет Даль и суффикс *-есса*: *баронеса, принцеса*. Отказ от удвоения позволил В.И. Далю устранить аномальное различие между *грамматика* и *грамота*, сохраняющееся по сей день и соответствующее пушкинской норме: в Корпусе *грамматик-* пишется во всех случаях

⁸ Анализ проводился по тексту «Толковый словарь живого великорусского языка». М., 1978–1980, напечатанному со второго издания 1880–1882 гг.

с удвоением, а *грамот-* без. Однако русская орфография не пошла по пути отказа от удвоения. Она, устранив возможность свободного варьирования, в подавляющем большинстве случаев кодифицировала тот вариант написания, который был единственным или основным в пушкинское время. Подтверждающие это данные о написании в Корпусе конкретных заимствованных морфем будут приведены в следующей статье, являющейся продолжением данной. В ней же будет рассмотрен вопрос о возможных причинах частичного сохранения русской орфографией удвоения согласных в заимствованиях.

Список литературы

1. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелентия Смотрицкого / Сост. Е.А. Кузьминова. М., 2000.
2. *Зализняк А.А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.
3. *Кузьминова Е.А.* Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
4. *Кукушкина О.В.* Морфонология современного русского литературного языка. М., 2016.
5. *Нечаева И.В.* Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М., 2011.
6. *Павский Г.П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 1. О буквах и слогах. СПб., 1850.
7. *Панов М.В.* И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.
8. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 2007.
9. Русская речь. 1967. № 5. С. 109–110.
10. *Улуханов И.С.* Истоки слова Россия // Учительская газета. 2010. 23 марта. URL: <http://www.ug.ru/archive/30547> (дата обращения: 17.01.2020).
11. *Чурганова В.Г.* Очерк русской морфонологии. М., 1973.

Olga Kukushkina, Zhao Jiayi

INTRAMORPHEMIC DOUBLING OF CONSONANTS IN PUSHKIN'S TIME

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Drawing on the Corpus of Pushkin's texts, created at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, the article discusses doubling

consonants in the Russian spelling norm of the first half of the 19th century, or Pushkin's time. The focus is on a few non-suffixal cases of doubling consonants in Russian morphemes. Why are there two 's' in the word *Russia*, and two 'n' in the word *istinna*? Data is checked with the help historical dictionaries of the Russian language. It is claimed that there are two types of factors that can lead to it: a) the perception of the indistinguishable base on morphemes as the distinguishable (under the influence of existing word formation connections); and b) the need to distinguish lexical homonyms. The article explores the spelling of consonants in borrowed morphemes. The doubling of consonants was regulated in Pushkin's time by the special norm of the ternary type, associated with the stable tradition of allocation of book and foreign vocabulary in a special subsystem. The important difference between this norm and the modern norm is the division of borrowed morphemes into three orthographic types: a) writing with doubling only; b) writing without doubling; c) allowing free spelling.

Key words: formal adaptation of borrowings; doubling; corpus of texts; Pushkin's language; orthographic norm.

About the authors: *Olga Kukushkina* — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ovkukush@mail.ru); *Zhao Jiayi* — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zhaojiayi@mail.ru).

References

1. Churganova V.G. *Ocherk russkoj morfonologii* [Essay of the Russian morphonology]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1973. 239 p.
2. Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Melentiya Smotriczkogo / *Sost. E.A. Kuz'minova* [Grammar of Lavrentiy Zizaniy and Meletiy Smotrytsky/Compiled by E.A. Kuzminova]. Moscow, *Moscow University Press*, 2000. 528 p.
3. Russkaya rech' [Russian Speech], 1967, № 5, pp. 109–110. (In Russ.)
4. Kukushkina O.V. *Morfonologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Morphonology of the modern Russian literary language]. Moscow, *Moscow University Press*, 2016. 337 p.
5. Kuz'minova E.A. *Princip antistixa v slavyanskoj grammaticheskoj tradicii* [The principle of anti-poem in the Slavic grammatical tradition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University, ser. 9. Philology], 2011, № 5, pp. 36–55. (In Russ.)
6. Nechaeva I.V. *Aktual'ny'e problemy' orfografii inoyazy'chny'x zaimstvovanij* [Actual problems of orthography of the foreign borrowings]. Moscow, *Azbu-kovnik Publ.*, 2011. 168 p.
7. Panov M.V. *I vse-taki ona horoshaya! Rasskaz o russkoj orfografii, ee dostoinst-vax i nedostat-kax* [And still she is good! A story about Russian orthography, its advantages and disadvantages]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1964. 167 p.
8. Panov M.V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. Moscow, *Komkniga Publ.*, 2007. 456 p.

9. Pavskij G.P. *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazy'ka. Ras-suzhdenie I: O bukvax i slogax* [Philological observations on the composition of the Russian language. First Reason: about letters and syllables]. Saint Petersburg, *Tip. Imp. Akad. Nauk Publ.*, 1850. 141 p.
10. Ulukhanov I.S. *The origins of the word "Russia"* // Teacher's newspaper, No. 12 of March 23, 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.ug.ru/archive/30547> (accessed: 17.01.2020).
11. Zaliznyak A.A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshhie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General information and dictionary]. Moscow, *LRC Publ.*, 2014. 728 p.

Т.И. Шевченко, Е.А. Бурая

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В ПЯТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: РИТМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»
119034, Москва, ул. Остоженка, 38*

Работа содержит краткий обзор исследований словесного ударения в пяти национальных вариантах английского языка, выполненных авторами на протяжении десяти лет. Сравнительный анализ места ударения в британском, американском, канадском, австралийском и новозеландском вариантах английского языка основан на национальных словарях и корпусах. Влияние контакта с французским языком в Канаде и ритмом маори в Новой Зеландии проявилось в увеличении дополнительных ритмических ударений, в то время как их отсутствие особенно характерно для австралийского варианта. Кроме того, пропорции британских и американских черт в ударении значительно варьируются в разных странах в зависимости от истории и окружения, что вместе со специфическими характеристиками создает национальную идентичность.

Ключевые слова: ударение; британский, американский, канадский, австралийский, новозеландский варианты английского языка; языковой контакт; ритм.

1. Введение. В данном исследовании впервые предпринимается попытка сопоставить локализацию словесного («лексического», по современной терминологии) ударения английского языка, т.е. структуру и частотность акцентных моделей слов по данным лексикографических источников и корпусов, в пяти странах «внутреннего круга», где английский является родным языком большинства населения: в Великобритании, США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Предлагаем обзор проделанной авторами работы за несколько лет и выводы, которые можно было сделать только по завершении всего цикла частных исследований.

Шевченко Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка МГЛУ (e-mail: tatashevchenko@mail.ru).

Бурая Елена Анисимовна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка МГЛУ (e-mail: helen812@list.ru).

История распространения английского языка по разным континентам с последующим образованием его национальных вариантов произношения сопряжена с периодом развития английского языка во время его переноса на новую территорию, с социальным составом его носителей–переселенцев и с языковыми контактами на новых территориях [Шевченко, 2016]. Рост национального самосознания проявлялся, в частности, в создании словарей, в которых была отражена специфика словоупотребления и произношения в каждой стране, т.е. кодифицированы нормы новых типов английского языка. Вместе с тем норма произношения в самой Англии постоянно изменялась, что находило свое отражение в орфоэпических словарях. Самый авторитетный словарь, составленный Д. Джоунзом в 1917 г., обновлялся разными редакторами девять раз в течение XX в., и на рубеже столетия в его 15 издании (часть изданий были стереотипными) благодаря участию американских фонетистов появилась норма американского произношения. Именно это издание, содержащее много нового в описании произносительной, включая акцентную, нормы английского языка, взял за основу Дж. Уэллз, подготавливая аналогичный словарь для издательства Лонгман. Новым было то, что составитель включил в него данные опроса жителей Великобритании (200 человек) относительно их выбора варианта произнесения примерно ста слов; к третьему изданию [Wells, 2008] число участников опроса достигло 2000, к тому же появились новые данные по американскому типу произношения, а также CD-ROM и иллюстрации, демонстрирующие некоторые возрастные и национальные предпочтения. Отметим, что метод опроса носителей языка путем анкетирования не предполагает сбор данных о реальном фонетическом употреблении акцентных моделей слов; это вопрос о ментальных репрезентациях слов, т.е. когнитивный аспект сохранения акцентной нормы в сознании носителей языка. Метод массового опроса помогает составителю избежать субъективности в принятии решения относительно вариантов произношения; тем не менее авторская позиция неизменно отражается в словаре, в связи с чем мы проверяли ряд выявленных тенденций по двум словарям, Д. Джоунза [Jones, 2011] и Дж. Уэллза [Wells, 2008], и таким же образом по двум канадским словарям — Оксфордскому [Barber, 2004] и Гейдж [Gage, 2003].

Характерно, что термин «норма» в английских словарях не употребляется: отмежевавшись от орфоэпистов XVIII в., т.е. от прескриптивистов периода становления английского произносительного стандарта, избравших в качестве образца язык социальной элиты и усиленно его насаждавших через систему публичных школ,

современные авторы под влиянием демократических настроений в обществе называют в качестве образца речь дикторов, читающих новости на серьезных каналах радио и телевидения. Это относится и к американскому стандарту, который ассоциируется с медийными голосами, хотя этот тип сложился как «мейнстрим» среднего класса белого населения в условиях межъязыкового общения. Соответственно, в Великобритании «не-стандарт» — это речь рабочего класса, в основном на севере страны, а в США «не-стандарт» — это речь национальных меньшинств [Milroy, 2010], среди которых наиболее многочисленные группы — испаноговорящие, афро-американцы и азиаты, владеющие разными языками.

Важным принципом организации нашего исследования следует признать наблюдение за изменениями в акцентной норме, отраженными в самых последних изданиях словарей Д. Джоунза и Дж. Уэллза [Jones, 2011; Wells, 2008]. В данной статье мы сосредоточим внимание на специфике акцентных норм разных вариантов английского языка, вызванных к жизни контактами с другими языками, имеющими иную ритмическую природу.

Как известно, в английском языке ударение выполняет организующую функцию на уровне слова (словесное ударение) и на уровне фразы (фразовое ударение, или акцент), в отличие от французского ударения, которое является только фразовым и выражается в акцентной группе, где оно фиксируется на последнем слоге. Самое значительное влияние французского языка начиная с XI в., в период трехсотлетнего Норманнского завоевания, когда английский язык обогатил свой лексикон, до сих пор составляющий, по разным источникам, 40–60% словарного состава, привело к столкновению двух ритмических тенденций: рецессивной (ударение на первом слоге корневой основы) и ритмической (чередование ударных слогов: на первом слоге по «германскому правилу» и на последнем слоге по «романскому правилу»). Кроме того, английский ритм — тактосчитающий, а ритм французского, как и многих других языков мира, — слогосчитающий; язык коренного населения Новой Зеландии — моросчитающий.

Британская лексикографическая традиция, как показывает наше исследование, развивается, обеспечивая весь мир продукцией, устанавливающей нормы произношения в двух основных вариантах английского произношения, британском и американском. Во всех остальных странах «внутреннего круга» появились только толковые национальные словари, которые включают транскрипцию части, но не всех слов. Тем не менее, несмотря на эти ограничения, основные тенденции в национальной специфике локализации словесного уда-

рения можно выявить путем сплошного и сопоставительного методов анализа. Специфика проявляется в доли британских или американских акцентных моделей, а также в обнаружении уникальных черт, не совпадающих ни с одним из основных вариантов.

Привлечение данных обширных корпусов речи дает представление о том, в какой степени частотны слова, в которых мы установили акцентные модели по данным словарей в разных вариантах английского языка [Shevchenko, Pozdeeva, 2017; Pozdeeva, Shevchenko, Abyzov, 2019]. Фактор частотности слов изучаемых вариантов будет способствовать отбору самых типичных, реально употребляемых слов и их акцентных моделей. Частотные слова, как известно, быстрее извлекаются из памяти и способствуют взаимопониманию в общении [Bybee, 2010].

Цель настоящего анализа состоит, таким образом, в поиске акцентных моделей пяти национальных вариантов, употребляемых в частотных словах английского языка, обнаруженных в лексиконе всех вариантов методом сплошного анализа лексикона национальных словарей. Специфика каждого национального варианта, согласно нашей *гипотезе*, может быть связана с ритмическими тенденциями контактирующих языков на различных территориях.

2. Методы и материал. Поэтапное изучение акцентуации в пяти национальных вариантах английского языка включало следующие шаги:

- 1) изучение специальной литературы по сопоставительной акцентуации;
- 2) квантитативно-сопоставительный анализ британо-американских различий на основе лексикона Кембриджского произносительного словаря Д. Джоунза [Jones, 2011]. Найдено 1390 слов из 80 000 слов;
- 3) поиск специфики канадского варианта на основе списка британо-американских различий (1390), Оксфордского канадского словаря английского языка (90 000 слов) [Barber, 2004] и Краткого канадского словаря Гейдж (95 000) [Gage, 2003];
- 4) выявление частотности слов из списка британо-американских различий (1390) в трех национальных корпусах: британском [British National Corpus], американском [Corpus of Contemporary American English] и канадском [Canadian English Corpus] Найдено 89 слов средней частотности в каждом корпусе;
- 5) сопоставление данных по ударению всех многосложных слов (всего 12 648 с транскрипцией) канадского словаря Гейдж (95.000 слов) [Gage, 2003] и корпусу канадской звучащей речи [Canadian English Corpus]. Найдено 3813 слов с второстепен-

ным ударением; корреляция между словарем и корпусом порядка ($r = 0,95$);

- 6) квантитативно-сопоставительный анализ многосложных слов в австралийском словаре [Butler, 2013] с британскими и американскими данными (1390). Найдено 1075 слов;
- 7) квантитативно-сопоставительный анализ многосложных слов в новозеландском словаре [Deveson, Kennedy, 2005] с британскими и американскими данными (1390). Найдено 873 слова;
- 8) отбор и сопоставление акцентных моделей по списку британских, американских и канадских среднечастотных слов (89), которые встречаются в словарях всех пяти национальных вариантов. В австралийском — 82, в новозеландском — 79.

В данном исследовании соблюдался следующий принцип: согласно британской традиции только первый вариант из представленных в словарной статье вариантов считать нормой. Последовательность вариантов, как и их количество, значима для оценки стабильности нормы и потому представляет особый предмет изучения.

3. Сопоставление британской и американской акцентуации. Исходным моментом для сопоставления национальных вариантов, как правило, были сравнения британского и американского вариантов произношения в силу того, что они представляют собой два основных типа произношения, которые признаются в глобальном масштабе как определяющие выбор всех остальных носителей и так называемых не-носителей английского языка. Этому способствовало появление орфоэпических словарей, в которых были отмечены оба варианта для каждого слова. Американский исследователь Т. Берг путем сложных математических вычислений выявил, что около 1,7% единиц в словаре Дж. Уэллза имеют различные акцентные модели многосложных слов в двух основных типах произношения — британском и американском. Исключая из расчетов односложные слова, Т. Берг установил, что межвариантные расхождения в многосложных словах составили 2,4%. Автор также провел анализ собранного материала (932 слова) с точки зрения лексического состава слов (доля имен собственных), этимологии (опираясь на свою лингвистическую интуицию носителя языка, разделил слова на французские и «не-французские»), частотности в словаре в зависимости от длины слов (количества слогов в слове). Все наблюдаемые характеристики слов с девиантными ударениями оказались статистически значимыми. К ним относятся: низкая частотность, большая концентрация имен собственных, большая доля слов, воспринимаемых носителем как французские, уменьшение количества слов в словаре по мере

увеличения длины слова [Berg, 1999]. Однако неполнота полученных данных состоит в том, что автор интересовался только местом *главного* ударения, игнорируя присутствие второстепенных, в том числе так называемых третичных ударений, которые и создают ритмическую картину чередования ударных и безударных слогов в многосложных словах.

Исследование, выполненное через 11 лет [Бурая, 2010], подтвердило относительно низкую частотность слов с различающейся акцентуацией в лексиконе двух национальных вариантов (2,5%), преимущественно романского происхождения. Особо отмечено, что в двухсложных словах американский вариант следует ямбической модели, в отличие от хорейческой модели в британском. Например: *'detail-de'tail*, *'ballet-ba'llet*, *'buffet-bu'ffet*. Новым оказалось наблюдение, указывающее на то, что подобная модель распространяется на заимствованные слова не только из французского, но и других языков, т.е. оказывается продуктивной для новых заимствований из других источников: *dik'tat* (нем.), *ko'i'ne* (греч.) *di'nar* (араб.) *lan'gur* (хинди). Отмечена зависимость размещения ударения от их морфологической структуры [Бурая, 2010; Постникова и др., 2012].

Существенным оказался вывод о том, что по данным 18 издания можно судить о признаках *конвергенции* британского и американского типов произношения: ритмическая тенденция в равной степени присуща этим вариантам. Это связано с тем, что третичное ударение, с которым до сих пор ассоциируется американское произношение, не отмечено в двух десятках суффиксов, указанных ранее [Шахбагова, 1992], хотя качество гласных в них сохраняется, в отличие от редуцированных гласных британского варианта, например в *-ary*, *-ery*, *-ory*, *-ony*: *'territory*, *'dictionary*, *'laboratory*, *'ceremony*. Стабильно отмечено ударение только перед *-berry*: *'straw,berry* и вариативно — перед *-bury*: *'Woodbury*, но *'Kings,bury*, *-body*: *'nobody*, но *'some,body*. Дискуссионным остается вопрос о том, является ли полное качество гласного единственным признаком ударения.

Таким образом, в словаре Д. Джоунза квантитативно-сопоставительным методом Е.А. Бурая обнаружила 1390 слов, в которых британское и американское ударение различаются; американское произношение сохранило ударение на последнем слоге в двухсложных словах, как во французском языке, но утратило часть ритмических «третичных» ударений [Бурая, 2010].

4. Специфика канадского варианта по данным корпусов, словарей и восприятия носителей языка. Канадский вариант определяют как североамериканский вариант, сочетающий черты американского и британского вариантов английского языка, поэтому выявление

его специфики начинают с сопоставления ударений по списку слов с ранее указанными британо-американскими различиями (1390) в Оксфордском словаре канадского английского [Barber, 2004]. Д.Т. Поздеева выявила следующее соотношение: 20,14% британских моделей, 22,8% американских моделей и 13,7% специфических канадских (в то время как 20,7% не были снабжены транскрипцией и 22,7% слов отсутствовали в словаре). Искомую специфику составляют, в большинстве случаев, дополнительные, так называемые «третичные», ударения, которые отличаются от второстепенных ударений позицией после главного ударения. Например: 'dia,lect, 'cata,logue, 'Otta,wa, 'every,body, 'no,where [Поздеева, 2016; Бурая, 2019]. Согласно теории ван дер Хульста [Hulst, 2014], локализацию ударения необходимо начинать с главного ударения (Primary Stress First theory), а место второстепенных ударений определяется по отношению к главному благодаря ритмическому чередованию ударных и безударных слогов. Все дополнительные ударения, следовательно, являются ритмическими, и различаются они только тем, что одни оказываются *перед* главным — «предтонические ритмические», а другие — *после* главного — «посттонические ритмические». Мы приняли эту классификацию, потому что в ней отражена позиционная дифференциация второстепенного и «третичного» ударений, которой нет в едином термине, принятом в современной англоязычной литературе (secondary); в то же время снимается третьестепенность посттонического ударения по отношению к другим типам, до сих пор никем не доказанная; [Shevchenko, Pozdeeva, 2017; Шевченко, Поздеева, 2019].

Дальнейший анализ специфики канадского ударения, выполненный Д.Т. Поздеевой, подтвердил, что носители языка выбирают модель с посттоническим ударением в ходе экспресс-опроса, в перцептивном слуховом анализе как аудиторы и в реальном дискурсе, о чем свидетельствовал материал корпусов канадской речи, как подготовленной, так и неподготовленной. Просодическим акустическим «ключом» ритмического посттонического ударения оказалась увеличенная длительность финального слога [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]. Сравнение региональных черт канадского ритмического ударения в провинциях Онтарио и Квебек привело авторов к выводу о том, что это явление связано с языковым контактом долговременного сосуществования с французским языком в Канаде, характерной чертой которого является ударение на финальном слоге акцентной группы и слоговой ритм. Например: 'de,tail, 'sub,way, 'no,where [Шевченко, Поздеева, 2019].

В процессе изучения канадской специфики было сделано еще одно важное открытие: в первоначальном списке британо-американских

отличий (1390), как показал корпусный анализ, содержался ряд слов (89), которые имеют не низкую, а среднюю частотность, измеряемую как 50 слов на миллион. При этом было установлено, что во всех трех национальных корпусах, т.е. в британском [British National Corpus], американском [Corpus of Contemporary American English] и канадском [Canadian English Corpus], частотность этих слов совпадает [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]. Этот факт дает основание предположить, что именно такое ядро слов с одинаковой частотностью способствует успешной межнациональной коммуникации и, вероятно, будет значимым для двух других вариантов, австралийского и новозеландского.

Канадский материал более надежно разработан не только по первоначальному списку британо-американских соответствий, но и методом сплошного анализа словаря Гейдж [Gage, 2003; Шевченко, Абызов 2019], а также путем выявления корреляции данных словаря и звучащего корпуса [Pozdeeva, Shevchenko, Abyzov, 2019]. Гораздо меньше данных собрано по странам южного полушария.

5. Австралийский и новозеландский варианты в сопоставлении с британским и американским. Изучая межвариантные различия в словесном ударении, можно проследить, как они отражаются на австралийском и новозеландском материале, и в какой степени в них проявляется влияние двух ведущих типов произношения, британского и американского.

Австралийский словарь С. Батлер [Butler, 2013] и электронная версия Новозеландского оксфордского словаря Т. Деверсона и Г. Кеннеди [Deverson, Kennedy, 2005], как показало исследование Е.А. Бурой, обработанные методом квантитативно-сопоставительного анализа на основе ранее установленного списка британо-американских различий, дали возможность установить, что эти варианты южного полушария значительно ближе к британскому варианту (47%), чем к американскому (29%); более того, в каждом из новых типов английского языка выявлена специфика, не совпадающая ни с каким другим вариантом (24%) [Бурая, 2016].

Характерной особенностью австралийского ударения оказалось отсутствие второстепенных ударений, в то время как в новозеландском варианте именно дополнительные ударения, в основном посттонические, составляют специфику ударения многосложных слов.

Например: (австр) *back'side*, *up'state*, *balu'strade*, *head'master*, *black'currant*. Если типично австралийские акцентные модели — это одноударные модели, содержащие только главное ударение на третьем, четвертом или пятом слоге, то в новозеландском такие многосложные слова содержат главное и ритмическое ударение.

Например: (австр) *Paki'stan, ciga'rette; acade'mician, repeti'teur, cinemato'graphic, volatilli'sation*; (нзед) *'Pakis,tan, ciga'rette, a,cade'mician, re,peti'teur*.

В процессе обработки лексиконов пяти национальных словарей исходный список слов, которые подлежат сопоставлению, сокращался по нескольким причинам: отсутствие слов, отражающих социокультурную тематику определенной страны, неповторимую в другой стране (имена собственные, географические названия и проч.); несовпадение количества слогов в словах по причине разной степени редукции. Так, количество 1390, установленное по 18 изданию Кембриджского произносительного словаря [Бурая, 2010], в ходе сопоставительного анализа пяти вариантов сократилось до 1075 в австралийском и 873 слов в новозеландском словарях [Бурая, 2016]. В некоторой степени сократился и список частотных слов, установленный по трем корпусам [Shevchenko, Pozdeeva, 2017], с 89 единиц до 82 в австралийском и 79 в новозеландском. Тем не менее все характерные черты австралийского и новозеландского вариантов отразились в списке частотных слов, только с большей ясностью и выразительностью. Так, например, в австралийском:

- полностью совпадают с британским — 56%
- главное ударение по британскому, но без второстепенного — 13,4%
- полностью по американскому — 26,8%
- главное ударение по американскому, но без второстепенного — 1,2%
- нет слова в словаре — 2,4%.

Аналогичным образом частотные слова новозеландского варианта демонстрируют сходную тенденцию в отношении британского и американского вариантов, но обратную тенденцию относительно присутствия второстепенного ударения:

- полностью совпадают с британским — 61%
- главное ударение по британскому плюс второстепенное — 4,9%
- главное по британскому, но без второстепенного — 4,9%
- полностью по американскому — 12%
- главное по американскому плюс второстепенное — 4,9%
- два главных ударения — 1,2%
- нет в словаре — 11%

Ударение в новозеландских словах, таким образом, в еще большей степени, чем в австралийских, совпадает с британскими, а не с американскими моделями. Вместе с тем проявляется ритмическое своеобразие в дополнительных ударениях; увеличена доля

слов, отсутствующих в новозеландском словаре, из общего списка среднечастотных. Изменению ритма английской речи переселенцев в Новой Зеландии под влиянием моросчитающего ритма языка маори посвящены большие корпусные исследования, основанные на аутентичных записях разных эпох [Nokes, Hay, 2012; Vowell, 2012], что дает нам основание предполагать, что ритмические ударения в новозеландском варианте английского языка — это свидетельство контакта с языком маори.

6. Заключение. Сопоставительный анализ словесного ударения, впервые охватывающий все пять национальных вариантов английского языка, в том числе новозеландский, который стал интенсивно изучаться только в последние десятилетия, оказался возможным благодаря появлению национальных словарей, частично включающих транскрипцию произношения, и обширных корпусов звучащей речи. Специфика каждого варианта, связанная с социокультурными и природными условиями бытования языка на разных территориях в течение трех веков, обусловлена и межвариантными контактами, и языковыми контактами с другими языками.

На североамериканском континенте, где воздействие языков коренного населения минимально, проявились влияния междиалектных и межъязыковых контактов с другими европейскими языками в период формирования американского стандарта; в последние десятилетия наметились признаки конвергенции по отношению к британскому стандарту, несмотря на сохранение ямбической модели в двусложных словах и качества гласного на месте ритмических ударений. Наиболее выразительно долговременное влияние французского языка отмечено в канадском варианте, что проявилось в увеличении доли посттонического ритмического ударения.

Австралия и Новая Зеландия характеризуются большей изолированностью и удаленностью от внешних влияний при сохранении авторитета Великобритании в области образования, культуры и управления. Вместе с тем социолингвисты отмечают растущее самосознание и протесты австралийцев, которые испытывают большое воздействие американского произношения через СМИ и мультимедийную продукцию. Тем не менее устоявшиеся речевые навыки австралийцев создают своеобразие в области акцентуации — сокращение ритмических ударений.

Различие в социальном составе первых поселенцев и большое влияние моросчитающего ритма коренного народа маори сказалось на такой ритмической тенденции, как появление дополнительных ударений в новозеландском варианте. В меньшей степени, чем в Австралии, отмечено влияние американского произношения и соответственно американских акцентных моделей.

Таким образом, все акцентные модели рассматривались в плане конкурирующих британской и американской акцентных норм, которые по-разному проявились в обновлении британских норм, а также на североамериканском континенте и в южном полушарии. Только долговременное присутствие контактирующего французского языка в Канаде и языка народности маори в Новой Зеландии смогло вмешаться в это противоборство. Растущее присутствие азиатских языков в Новой Зеландии, а также испанского языка и афро-американского диалекта в США в силу значительной сегрегации и социальной изоляции носителей этих языков и диалектов не отражено в национальных словарях, ориентированных на произносительный стандарт.

В целом акцентная система английского языка проявляет устойчивость и резистенцию к изменениям, особенно в отношении частотных слов, необходимых для междиалектного общения. Вместе с тем долговременные языковые контакты создают почву для восприимчивости к новым явлениям. Сочетание специфических национальных акцентных моделей и определенной пропорции британских и американских характеристик создает исковую национальную идентичность каждого народа в словесном ударе.

Список литературы

1. *Бурая Е.А.* Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. 2010. № 1 (580). С. 23–41.
2. *Бурая Е.А.* Словесное ударение австралийского варианта английского языка в мультикультурном мире (электронный ресурс) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. 2016. № 1 (740). С. 19–34. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z (дата обращения: 25.09.2019).
3. *Бурая Е.А.* Словесное ударение в канадском варианте английского языка в мультикультурном мире (электронный ресурс) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 5 (821). С. 9–23. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest19-821z (дата обращения: 27.09.2019).
4. *Поздеева Д.Т.* Ритмическая тенденция словесного ударения в канадском варианте английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. 2016. № 1 (740). С. 125–135. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z (дата обращения: 20.09.2019).
5. *Постникова Л.В., Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И.* Типология вариантов фонологической системы английского языка. Тула, 2012.

6. *Шахбагова Д.А.* Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). М., 1992.
7. *Шевченко Т.И.* Социофонетика: национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М., 2016.
8. *Шевченко Т.И., Абызов А.А.* Канадское ударение: от специфики ко всему лексикону // Учен. зап. Петрозаводского государственного университета. Серия Языкознание. 2019. № 1 (178). С. 57–61.
9. *Шевченко Т.И., Поздеева Д.Т.* Фонетическая форма и частотность «третьичного» ударения в британском, американском и канадском вариантах английского языка (электронный ресурс) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 5 (821). С. 259–269. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest19-821z (дата обращения: 30.09.2019).
10. *Barber K. (ed.)*. Canadian Oxford Dictionary. 2nd ed. Toronto, 2004.
11. *Berg T.* Stress Variation in British and American English // World Englishes. 1999. Vol. 18 (2). P. 123–143.
12. *British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (last accessed 2015/12/05).
13. *Butler S. (ed.)*. Macquarie Concise Dictionary. 6th ed. Sydney, 2013.
14. *Bybee J.* Language, Usage and Cognition. Cambridge, 2010.
15. Canadian English Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/can> (last accessed 2015/12/05).
16. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca> (last accessed 2015/12/05).
17. *Deverson T., Kennedy G. (eds.)*. The New Zealand Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005. Current online version. URL: [oxfordreference.com>view/10.1093/acref/...](http://oxfordreference.com/view/10.1093/acref/...) (last accessed 2019/01/15).
18. Gage Canadian Concise Dictionary. Toronto, 2003.
19. *Hulst H. van der.* Word Stress: theoretical and typological issues. Cambridge, 2014.
20. *Jones D.* English Pronouncing Dictionary/Ed. by P. Roach, J. Setter and J. Hartman. 18th ed. Cambridge, 2011.
21. *Milroy L.* Britain and the United States: two nations divided by the same language (and different language ideologies) // Journal of Linguistic Anthropology. 2010. Vol. 10 (1). P. 56–69.
22. *Nokes J., Hay J.* Acoustic Correlates of rhythm in New Zealand English: A diachronic study // Language Variation and Change. 2012. Vol. 24 (1). P. 1–31.
23. *Pozdeeva D., Shevchenko T. and Abyzov A.* New Perspectives on Canadian English Digital Identity Based on Word Stress Patterns in Lexicon and Spoken Corpus. 2019. LNAI 11658. P. 401–413.
24. *Shevchenko T., Pozdeeva D.* Canadian English Word Stress: A Corpora-Based Study of National Identity in a Multi-Lingual Community // LNAI 10458. 2017. P. 221–232.

25. *Vowell B.* The English of Maori speakers: changes in rhythm over time and prosodic variation by topic. Unpublished Master's thesis. University of Canterbury. 2012. URL: <https://ir.canterbury.ac.nz/.../BiancaVowellMSLTThesi...> (last accessed: 2017/10/25).
26. *Wells J.C.* Longman Pronunciation Dictionary. 3rd ed. Pearson Longman. 2008.

Tatiana Shevchenko, Elena Buraya

WORD STRESS IN FIVE NATIONAL VARIETIES OF ENGLISH: RHYTHM TRENDS

*Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka, Moscow, 119034*

This is a brief outline of ten years' long research into word stress in five national varieties of English. Stress placement in British, American, Canadian, Australian, and New Zealand varieties of English is compared through national dictionaries and corpora. The impact of French contact in Canada and Maori rhythm in New Zealand is evidenced by secondary rhythmic stresses, while their absence is most noticeable in Australian English. Additionally, the proportions of British and American features in stress placement vary considerably from country to country due to their history and environment, creating national identities.

Key words: stress; British, American, Canadian, Australian, New Zealand varieties of English; language contact; rhythm.

About the authors: *Tatiana Shevchenko* — Prof. Dr., Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University (e-mail: tatashevchenko@mail.ru); *Elena Buraya* — PhD, Professor, Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University (e-mail: helen812@list.ru).

References

1. Buraya E.A. Aktsentuatsiya v britanskom i amerikanskom variantakh angliyskogo yazyka: konvergentsiya ili divergentsiya? In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya yazykoznaniye. 2010. № 1 (580)*, ss. 23–41. (In Russ.)
2. Buraya E.A. Slovesnoye udareniye avstraliyskogo varianta angliyskogo yazyka v multikulturnom mire (Elektronnyy resurs). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya yazykoznaniye. 2016. № 1 (740)*, ss. 19–34. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z (last accessed 2019/09/25). (In Russ.)
3. Buraya E.A. Slovesnoye udareniye v kanadskom variante angliyskogo yazyka v multikulturnom mire (Elektronnyy resurs). In: *Vestnik Moskovskogo gosu-*

- darstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2019. № 5 (821). Seriya gumanitarnyye nauki, ss. 9–23. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest19-821z (last accessed 2019/09/27). (In Russ.)
4. Pozdeyeva D.T. Ritmicheskaya tendentsiya slovesnogo udareniya v kanadskom variante angliyskogo yazyka (*Elektronnyy resurs*). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. № 1 (740). Seriya yazykoznaniye. 2016, ss. 125–135. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z (last accessed 2019/10/01). (In Russ.)
  5. Postnikova L.V., Buraya E.A., Galochkina I.E., Shevchenko T.I. *Tipologiya variantov fonologicheskoy sistemy angliyskogo yazyka*. Tula: izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo. 2012. (In Russ.)
  6. Shahbagova D.A. *Foneticheskaya sistema angliyskogo yazyka v diahronii i sinhronii* (na materiale britanskogo, amerikanskogo, avstraliyskogo, kanadskogo variantov angliyskogo yazyka). M.: Folis, 1992. (In Russ.)
  7. Shevchenko T.I. *Sociofonetika: nacional'naya i social'naya identichnost' v angliyskom proiznoshenii*. Izd. 2-e, dop.M.: LENAND, 2016. (In Russ.)
  8. Shevchenko T.I., Abyzov A.A. Kanadskoye udarenije: ot specifiki ko vsemu leksikonu. In: *Uchenye Zapiski Petrozavodskogo gos. Universiteta. Seriya Yazykoznanie*. 2019. № 1 (178), pp. 57–61. (In Russ.)
  9. Shevchenko T.I., Pozdeeva D.T. Foneticheskaya forma i chastotnost' "tre-tichnogo" udareniya v britanskom, amerikanskom i kanadskom variantah angliyskogo yazyka (Elektronnyy resurs). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2019. № 5 (821). Seriya Gumanitarnyye nauki, ss. 259–269. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest19-821z (last accessed 2019/09/30). (In Russ.)
  10. Barber K. (ed.). *Canadian Oxford Dictionary*. 2nd ed. Toronto: Oxford University Press, 2004.
  11. Berg T. Stress Variation in British and American English. In: *World Englishes*. 1999. Vol. 18 (2), pp. 123–143.
  12. *British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (last accessed 2015/12/05).
  13. Butler S. (ed.). *Macquarie Concise Dictionary*. 6th ed. Sydney: Macquarie Dictionary Publishers, 2013.
  14. Bybee J. *Language, Usage and Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
  15. *Canadian English Corpus*. URL: <http://corpus.byu.edu/can/> (last accessed 2015/12/05).
  16. *Corpus of Contemporary American English*. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (last accessed 2015/12/05).
  17. Deverson T., Kennedy G. (eds.) *The New Zealand Oxford Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2005. Current online version. URL: [oxfordreference.com>view/10.1093/acref/...](http://oxfordreference.com/view/10.1093/acref/...) (last accessed 2019/01/15).
  18. *Gage Canadian Concise Dictionary*. Toronto: Gage Learning Corporation, 2003.
  19. Hulst H. van der. *Word Stress: theoretical and typological issues*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

20. Jones D. *English Pronouncing Dictionary*, ed. by P. Roach, J. Setter and J. Hartman. 18th ed. Cambridge: *Cambridge University Press*, 2011.
21. Milroy L. Britain and the United States: two nations divided by the same language (and different language ideologies). In: *Journal of Linguistic Anthropology*. 2010. Vol. 10 (1), pp. 56–69.
22. Nokes J., Hay J. *Acoustic Correlates of rhythm in New Zealand English: A diachronic study*. In: *Language Variation and Change*. 2012. Vol. 24 (1), pp. 1–31.
23. Pozdeeva D., Shevchenko T. and Abyzov A. *New Perspectives on Canadian English Digital Identity Based on Word Stress Patterns in Lexicon and Spoken Corpus*. 2019. LNAI 11658, pp. 401–413.
24. Shevchenko T., Pozdeeva D. *Canadian English Word Stress: A Corpora-Based Study of National Identity in a Multi-Lingual Community*. In: LNAI 10458. 2017, pp. 221–232.
25. Vowell B. *The English of Maori speakers: changes in rhythm over time and prosodic variation by topic*. Unpublished Master's thesis. University of Canterbury. 2012. URL: <https://ir.canterbury.ac.nz/.../BiancaVowellMSLTThesi...> (last accessed 2017/10/25).
26. Wells J.C. *Longman Pronunciation Dictionary*. 3rd ed. Pearson Longman. 2008.

И.Б. Качинская

КУЗЕННОЕ РОДСТВО В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ: БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 111991, Москва, Ленинские горы, 1

Настоящая статья посвящена кузенному родству, выявлению особенностей терминологии, обслуживающей двоюродных, а также троюродных братьев и сестер. В русском литературном языке для названия двоюродного брата и двоюродной сестры используются составные наименования: *двоюродный брат*, *двоюродная сестра*. Однословные термины *кузен*, *кузина* являются заимствованиями из французского, однако однословному заимствованному термину не удалось вытеснить двучленное сочетание. Ни русские, ни иноязычные термины не употребляются как вокативы. В архангельских говорах синонимический ряд понятия ‘двоюродный брат’ содержит более 20 однословных лексем и около 20 словосочетаний, понятие ‘двоюродная сестра’ — более 40 однословных лексем и более 10 сочетаний. В статье приводится инвентарь терминов, обозначающих ‘двоюродного брата’ и ‘двоюродную сестру’, исследуется диффузия терминов. Понятия ‘родной’ и ‘двоюродный’ братья (и сестры) часто противопоставляются, для чего используются разные лексемы, однако порой в одной и той же лексеме могут объединяться понятия как ‘родного’, так и ‘двоюродного брата’. То же с ‘родной’ и ‘двоюродной’ сестрами. Слитыми в одной лексеме оказываются не только значения ‘родной’ и ‘двоюродный брат’, но и значения ‘двоюродный’ — ‘троюродный брат’ (то же с ‘двоюродной’ и ‘троюродной’ сестрами). Некоторые термины могут использоваться не только в номинативной, но и в вокативной функциях.

Ключевые слова: термины родства; братья и сестры; кузены; архангельские говоры; русская диалектология.

Термины родства постоянно привлекают внимание лингвистов (см., например, альманах «Алгебра родства» [Алгебра родства]). К сожалению, внимание диалектологов к этой теме в последние десятилетия заметно снизилось: у нас не так много работ, где термины родства были бы представлены хоть в сколько-нибудь в полном объеме по отдельным регионам (см. описание терминов родства

Качинская Ирина Борисовна — кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kacza@yandex.ru).

в Рязанских говорах [Шарапова, 1977]). Практически нет сравнительных и обобщающих работ, в которых бы учитывался широкий диалектный материал — чаще он подается лишь как отдельные иллюстрации. По-прежнему актуальны классические работы Филина [Филин, 1948], Трубачева [Трубачев, 1959], Моисеева [Моисеев, 1963] и др. Сведения об основных терминах родства содержатся в Интернете [Википедия. Семья. Родство].

Настоящая статья посвящена кузенному родству, выявлению особенностей терминологии, обслуживающей двоюродных, а также троюродных братьев и сестер. Исследование основано на материалах вышедших томов «Архангельского областного словаря» [АОС] и его картотеки [КАОС], а также на собственных полевых записях автора.

1. Инвентарь лексем. Если в русском литературном языке для названия двоюродного брата и двоюродной сестры используются составные наименования (*двоюродный брат*, *двоюродная сестра*) и однословные заимствованные термины (*кузен*, *кузина*), то синонимический ряд понятия ‘двоюродный брат’ в архангельских говорах содержит более 20 однословных лексем (и около 20 сочетаний): *братан*, *братанец*, *братанка*, *братанко*, *братанушка*, *братанушко*, *братанчик*, *братанюшко*, *браташа*, *брателко*, *брательник*, *братик*, *братось*, *братуха*; *двоеродник*, *двоюродик*, *двоюродник*, *двоюродничек*, *двуеродник*; *двоюродничей*, *двоюродной*. Как видим, подавляющая часть лексем — суффиксальные дериваты от корня *брат-*, остальные лексемы образованы от сложных основ *дв-+род*.

Понятие ‘двоюродная сестра’ содержит более 40 однословных лексем (и более десятка сочетаний): *сестра*, *сестреенка*, *сестрёна*, *сестрёненка*, *сестрененька*, *сестрёнка*, *сестренница*, *сестрёнонка*, *сестрёнушка*, *сестрениа*, *сестринка*, *сестринница*, *сестрица*, *сестричка*, *сеструнька*, *сеструня*, *сеструнюшка*, *сеструха*, *сеструша*, *сеструшенька*, *сеструшка*; *братанка*, *братынь*; *двоеродница*, *двородница*, *двоюроденка*, *двоюродница*, *двоюрница*, *двоюродничек*, *двоиченница*, *двуеродница*, *двуродница*; *чича*, *чичка*; *двоюродная*, *двухъёродная*. Большинство лексем — суффиксальные дериваты от корня *сестр-*, многие лексемы образованы от сложных основ *дв-+род*, встретились также лексемы с корнем *брат-* и с корнем *чич-*.

Сложные основы представлены прилагательными, субстантивированными прилагательными и образованными от прилагательных существительными и состоят из форм числительного *дв-а* и корня *род-*, к которому в большинстве случаев добавляется суффикс *-н-*. Первый формант (*дв-*) представлен в большом количестве вариантов: *дво-*(*двою-*), *дву-*(*двухъё-*, *двухъю-*). Вариативность *дво-* и *дву-* обусловлена историческими особенностями склонения

числительного *два* [Галинская, 2015: 315–316] и достаточно часто встречается в говорах, в том числе в северных, архангельских (в 2016 г. под руководством автора статьи была защищена выпускная квалификационная работа «Счетные слова в архангельских говорах: грамматика числительных *два — десять*»¹).

Для номинации ‘двоюродной сестры’ используется и корень *брат-* (*братынь, братанка*):

Вы там к братанке нашей ходите, к Василиске. КРАСН.

Двоюродная сестра, значительно старшая по возрасту, — *чича, чичка*:

Цицькой ране звали двоюродную сестру, старшую. Раньше ешо *чичкой* звали, если тебя старше двоюродна сестра. *Цицька* — двоюродна сестра, *цицька* Любка. Вот Порохину тожо *чичкой* зовёт. Это раньше звали, до войны, *чичками*. ПИН.

Синонимический ряд понятия ‘троюродный брат’ содержит четыре лексемы (и 5 сочетаний), все лексемы употребляются в номинативной функции: *братан, троюродник, троеродной, троюродной*. Синонимический ряд понятия ‘троюродная сестра’ содержит две лексемы (и пять аналитических форм), все лексемы употребляются в номинативной функции: *сестрёнка, троюродница*.

2. Аналитические формы. Поскольку конкретная номинация родного и двоюродного (троюродного) брата может совпадать в одной лексеме, частотным является составное наименование, в котором при слове *брат* (и его дериватах) появляются определения *двоюродный (двоюродный), двоеродный, двуеродный, двуродный, двухъюродный*:

О брате: *Ешо там к двоюродному брату приворачивали. ШЕНК. Отцю братики двоюродные. КАРГ. Двоюродных братанов-то много. ПИН. Тебе родня — двоюродной братанушко. КАРГ. Комерсант, мой двоюродный браток. КАРГ. Да двоеродной брат ейной продал половину. МЕЗ. Мамы моей двуеродный брат. ХОЛМ. Братан, брат двухъюродный. МЕЗ.*

О сестре: *Сестреницы они, двоюродны сёстры. КАРГ. Идёт проведывать сеструньку двоюродну. КАРГ. У меня двородная сестра живёт. КАРГ. У меня там двуродные сестреницы, матери-то родны сёстры, а мы уж сестреницы. ПЛЕС. Сестрёнки двухъюродны. В-Т.*

В составном наименовании может содержаться не только существительное и адъектив, но и два существительных:

Они братики двоюродики, там две сестрички. ШЕНК. А у меня сестра двоюродница, она пришла с фронта. ХОЛМ.

¹ Коровина А.А. Счетные слова в архангельских говорах: грамматика числительных *два — десять*. Выпускная квалификационная работа. МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, каф. русского языка. М., 2016.

Адъективы *родной* (*родимый, сродный*) обычно используются для указания на родного брата (сестру), но могут — и на двоюродного брата (и сестру) при суффиксальных дериватах от корней *брат-, сестр-*, обозначающих собственно кузенное родство:

Сима Олёшин, он женится, мне-то братан родной, братья у нас отци. ВИЛ. Родная сестрёнка, не сестра, а сестрёнка. В-Т. Катенька и я — родимы сестрёнки, у нас отци братья были. УСТЬ. Она мне сестрёненка родна, матери сёстры были у нас. ЛЕШ. Она мне родна сестрениця: отци братья, што отци, што матери — всё равно. ЛЕШ. Оне родны братан да сестрениця. ЛЕШ. Пошуметь-то охота шибко, сеструха родная дак, у ней мама, а у мя папа — брат да сестра. ВИЛ. Сродны братья — отци братья, а девки сродны сёстры. ПИН.

Адъектив *родной* может присоединяться и к устойчивому сочетанию *двоюродный брат*:

Тёта говорила, росстрелял родной брат двоюродной. ОНЕЖ.

Допускается уточнение, с чьей именно стороны (отца или матери) наблюдается родство во втором колене, и тогда появляются уточняющие словосочетания *братан по матери, сеструха (сестрениця) по отцу, двоюродник по отцу* и т.д. Возникают и другие аналитические конструкции-пояснения: 'двоюродная сестра' — *дядева (тётина) девушка, сестра от брата* (имеется в виду брат матери или отца) и т.п.:

Сначала большую родню садят, правда, сестра, может, маленька есть, потом дядевых, потом тётиных деушок-та, подпослед — ково попало, и маленьких всех насадит. В-Т. Эта сестра-то от брата ведь была Нинка. ВИЛ.

Может уточняться колено родства: адъектив *второй* обозначает двоюродных брата и сестру, адъектив *третий* — троюродных:

Так всё называют вторые, третьи братаны, всё сродство идёт. ВИЛ. Она мне сестрениця будет, второ колено. ЛЕШ. Сестреницы — то сёстры второго поколения, двоюродны сёстры. ЛЕШ. Это родны братья, а те — братаны, а потом идёт третье колено. ЛЕШ. УК. Сестра есь мне родня в третьем колене, троюродна сестра. ПЛЕС. Вы уж в третьем колене брат да систра. КАРГ. Мне в третьем поколеньи сестрениця. КАРГ.

Более дальнее родство определяется адъективами *четвёртый, пятый, дальний*:

Некотory так гостились, у ково мало своих родных, а другие забрасывали четвёрто колено. ОНЕЖ. Он ему и присвой — и ругается, можот, четвёрто ли пято колено. ПРИМ. Её муж и мой брат — родные братаны, а есть ешишо дальние братаны. ВИЛ.

3. Субстантивация. Прилагательные, используемые как адъективы и входящие в составное наименование родства, могут использоваться и в качестве субстантивов:

Они были двоеродны, а мы вроде троеродны. ОНЕЖ. Двоюродный или там троюродный — то родник. МЕЗ. Я и написала письмо в Москву, там Мария Осиповна-то у меня двоюродна была. В-Т.

4. Номинация и обращение. В архангельских говорах термины, обозначающие кузенное родство, зафиксированы не только в номинативной, но и в вокативной функциях:

Правду сказать, братан, мало она здорова, сеструха-та. ВИЛ. Я щас только, братанушко, и явился. Поменейтесь, братаньцики. ШЕНК. Сестрёнушка, я помираю от ног. В-Т. Вот ходит ко мне: ну давай бат, сестрица, садись, чаю попей. ПИН. Сеструха, опохмелько меня, я тебе што хош сделаю. ПИН. Ой, двоюроденка, у тебя ума палата. ОНЕЖ.

В обращении к брату, сестре (родным и двоюродным) чаще использовалось имя, а не термин. Однако сами термины *брат*, *сестра* (и их дериваты) способны сочетаться с именем собственным (о способности терминов родства сочетаться с именем см. [Качинская, 2012; 2018: 198–202]):

У их эттока Иван Иванович братан проживает. ВИЛ. Дак то и говорю: Офимын братан Витя умер, про него и речь вели. ВИЛ. Брательника Веню застрелили. В-Т. Фёдор братенко помер сколько годов, память завтра. МЕЗ. Мне братик сказал Анатолий Фёдорович — не пей таблетки, а пей изгон или зверобой. ПИН. Мой двуеродник Миша. ХОЛМ. Дунька у ней есть сестреница, да ейна балька (овца). ЛЕШ. Сеструнья Анна-то. КАРГ. Сеструха Талька тожо умерла. ПИН. Всё чичка Маша звали. Чичка Маша была и чичка Оксенья. ПИН.

Примеры на сочетание термина с именем встретились только в номинации, в обращении используется либо только термин, либо только имя.

5. Диффузия терминов. 5.1. Родной ~ двоюродный. ‘Родной’ и ‘двоюродный’ братья (и сестры) часто противопоставляются, для чего используются разные лексемы:

Брат — это родной, а двоюродной — братан. МЕЗ. Они не братья, а братаны. ПИН. Братанко — это не родной брат, двоюродный. КАРГ. Если родной — брат, если двоюродный — братанка. КАРГ. Они не сёстры, а сестрёнки. В-Т. Сеструха — это уже не родная сестра, двоюродна. ПИН. Сёстра́ — родна, а от тётки и от дяди — всё сёстрэница. ЛЕШ. Брат да сестра, а те — братан да сеструха. ПИН.

В то же время разные степени родства могут объединяться одним термином: почти каждый термин родства оказывается многозначным, т.е. употребляется для обозначения разных родственников. Одни и те же лексемы часто обозначают как родного, так и двоюродного брата, иногда в пределах одного говора, поэтому для различения

значений используются адъективы (чаще всего *родной* и *двоюродной*), таким образом, наименование становится составным:

Братан кликнут хоть *родного*, хоть *двоюродного*. ПЛЕС. И *родного*, и *двоюродного* *братаном* зовут. ХОЛМ. *Родного* можно назвать *брателком* и *двуродного*. ПЛЕС. Может и *родново* назвать *брательник*, может ы *двоюродново*. ПИН.

Широко распространенное в говорах слово *братан* имеет оба значения — как *родного*, так и *двоюродного* брата, хотя в значении ‘двоюродный брат’ представлено в большем количестве примеров и зафиксировано в большем количестве говоров. География этих понятий часто совпадает. В «Архангельском областном словаре» значения ‘родной’ и ‘двоюродный брат’ объединены в дефиниции «родной и двоюродный брат и ласк.» в следующих 16 лексемах: *братай*, *браталка*, *братан* в 1 и 2 знач., *брател*, *брателко* в 1 знач., *брательник*, *братёнок*, *братенько*, *братеня*, *братец* в 1 знач., *братечко*, *братилко*, *братило*, *братишко*, *братище*, *братко* ([АОС-2: 102–105], см. словарную статью **брателко**). Унификация произошла, когда точное значение либо невозможно было установить по контексту, либо носители сами объединяли оба значения в пределах одного контекста.

Значения ‘родная’ и ‘двоюродная’ сестра совпали в 10 лексемах: *сестра*, *сестрёна*, *сестрёнка*, *сестренница*, *сестрёнушка*, *сестринка*, *сестрица*, *сестричка*, *сеструха*, *сеструшка*. И в этом случае однозначность дериватам с корнем *сестр-* придает только прилагательное *двоюродный* и его варианты:

Двоюродна сестра *сестрицей* зовёшь, и *родную* зовёшь *сестрицей*. ШЕНК. *Двоюродна* сеструха, а сестра-то *родная*. ВИН. Брат — это *родной*, а *двоюродный* — *братан*, *двоюродна* сестра или *сестреница*, раньше звали *братынь*. МЕЗ.

Чичкой оказывается не только двоюродная сестра, принадлежащая к более старшему поколению, но и родная:

Вот вы две сестры, так младша бы называла тебя *чицькой*, *чичкой*. Это сестра или двоюродна или родна, всё называли *чицькой*. Младша называла *чицька*. ПИН.

Совпадение значений в одной лексеме легко объяснить существованием большой патриархальной семьи, в которой родные и двоюродные братья и сестры жили вместе.

5.2. Двоюродный ~ троюродный. В одной лексеме (*братан*) могут совпадать не только значения ‘родной’ и ‘двоюродный брат’, но и значения ‘двоюродный’ — ‘троюродный брат’. В качестве уточнения значений используются адъективы:

Братан двоюродный *Маши-то*. ПИН. *Братан*, *братом* не звались, *троюродный*. ПИН. Он как *братан* будё *троюродный*. ПИН. Ейный муж *братаном* *троюродным* моему был. ПИН.

Двоюродной сеструхой (сестренницей) может оказаться не только ‘двоюродная’, но и ‘троюродная сестра’:

Ты — это сеструхи, а от нас родяца — это двоюродны сеструхи. ВИЛ. Она мне родная сестренница, а другбё колено, дак троюродна ле двоюродна сестренница. Третье колено — вот та уж двоюродна, троюродна сестренница. ЛЕШ.

Здесь *родная сестренница* — ‘двоюродная сестра’, а *двоюродная и троюродная сестренница* — ‘троюродная сестра’, что подчеркивается сочетанием *третье колено*.

5.3. Сестра — тетка. Понятия ‘двоюродная (троюродная) сестра’ и ‘тётка’ оказались взаимозаменяемыми в зависимости от возрастного соотношения родственниц: если одна из двоюродных сестер оказывается значительно старше, младшая называет ее *тётей*, *тётушкой*:

Дак, поди, по тятэ мне сеструха-то, тётка Федорка. ВИЛ. Жили в Кузнецове, там уменя в Шильде тётушка — не тётушка, двоюродна сестра. КАРГ. Соседка тётка мне доводилась, она троюродна сестра жонке моей, но пожилая, тёткой звали. ШЕНК.

Редкие термины *чича*, *чичка* стали заменять терминами *тёта*, *тётка*, хотя речь по-прежнему шла о кузенном родстве:

Это я нынче тётку Настю стала тёттой звать, а раньше чича Настя, чича Дуня. Чичами неудобно тожо, вот перешла на тёту Настю. Тёта Настя, я пойду. ПИН.

Напротив, если тетка и племянница попадают в одну возрастную группу, они предпочитают считать себя сестрами, хотя знают, что формально это не так:

Ейной отец да мой дедушко — братья, из одного дому, дак мы сестренницы, но в опшем, она мне-ка будёт тёта. ЛЕШ.

5.4. Родство — неродство. Обращения *брат*, *братец*, *братаха* могут быть направлены не только к брату (родному или двоюродному), а к любому лицу мужского пола — неродственнику. В записках попа Ивановского 1851 г. о *братане* сказано так: «Двоюродный брат и вообще тот, у кого хотят что-нибудь спросить, но не знают имени. Например: Ну, братан, ты что скажешь?» Это же обращение может быть употреблено к лицу любого пола и возраста (в том числе к девушке, женщине) и даже к нескольким лицам:

Дак ей, брат, и хорошо с дочерью-то. КАРГ. Да что-то я ленива, брат, два раза валилась. ШЕНК. Сиди, брат, не выкуркивай. ВИН. Написалась ты много, досыта, у тебя, брат, ходит быстро. КАРГ. Будь как дома, Верушка, брат. ОНЕЖ. Братаха, ты што, говорит, братаха! А, здорово, братан — мужики (говорят друг другу). ХОЛМ. Братцы, ну-ко давай спробуем, половину сгребём. МЕЗ.

Имеются и составные обращения, которые могут быть направлены как к одному лицу, так и к двоим и более лицам любого пола и возраста, безразлично — к родственникам или неродственникам: *паря-брат, брат-парень, ребята-братцы, девки-ребята-братцы*:

Я как згляну в телевизор — ох, брат-парень, неважно вам тут бродить-то (в наводнение). ПИН. О, парень-брат, как будешь помогать бабушке, вся жись в учёбе пройдёт. ЛЕШ. Ладно, я, ребята-братцы, принимаюсь за квашню. ШЕНК. Да, такие, паря-брат, дела. Таки дела, девки-ребята-братцы. ПИН.

Обращение может переходить в междометие:

Ой, ни стуку ни грому не боица — братцы мои, какой он смелый, дак ой! ПРИМ. Жила, жила Володя-то (очень жадный), брат ты мой! ХОЛМ.

5.5. Метафорические переносы, характерные для терминов кровного родства [Качинская, 2018], затронули и кузенное родство. В названии мифологического хозяина дома, *домового*, как и для мифологического хозяина бани, в числе прочих терминов родства использованы лексемы *братанко, братанушко*:

Домовой — соседко, суседушко-братанушко. Суседушко-братанушко в каждом доме есть. ВИЛ. Суседушко-братанушко, к чему бы давишь — к худу или добру? ВИЛ. Кошку грех обижать — светушко-братанушко не велел обидеть кошечку, кошечка за скотиной ухажыват. ВИЛ. Скота вот заводишь когда: «Дедушко-братанушко, пой-корми мою скотинушко, не забывай». ЛЕШ. Домовеюшко-братанушко, корми-пой, на меня, хозяйку, не надейся — так конаиссе. ЛЕШ. А в байну идёшь: «Дедушко-братанушко, пусти меня помыть-ся» — это в первый раз. ЛЕШ.

Насекомое сороконожка — тоже *дедушко-братанушко*:

Дедушко-братанушко, как цервяк, ползат, лап много. ВИЛ.

Братанами называют подростков самцов семги:

Которые заходят, которы килограмма полтора, их называют братаны — почему они так называют? У него с нижней губы крюк вырастает как с палец. У малышей тожо есть, которы братаны-то, но они не так видно. ПИН.

6. В третьем колене садись на колени. Интерес к боковым линиям родства во многом связан с институтом брака. В условиях относительной замкнутости северных деревень нередки были кросскузенные браки. Женитьба на двоюродных братьях (сестрах) считалась и считается предосудительной:

Любятсе з двоюродными братьями теперь всё, а раньше грех. ШЕНК. На родной на сеструхе жонился! ПИН.

Запреты на степень родства могли быть самые разные:

У нас родословность-то пошла, до семи колен не разрешается (жениться на родственниках). МЕЗ. До пятого колена родство есть, в пятом колене уж женятся. ЛЕШ.

Иногда даже для третьего колена требовалось согласие священника:

Третье-то колено — к архирею писала. МЕЗ.

Но в большинстве случаев между троюродными братьями и сестрами брак допускался и даже приветствовался:

У них берут в своём колене: троюродных, четверюродных. ОНЕЖ. Поп говорит: третье колено — венчать можно. Третье колено можно венчать. ПРИМ. Третьё-то колено выходили — сестра вышла за троюродно. ПРИМ. Братья — двоюродники, а третье-то колено — женились. ОНЕЖ. В третьем колени садись на колени. КАРГ.

Районы Архангельской области. Список сокращений

В-Т.	Верхнетоемский	МЕЗ.	Мезенский
ВЕЛ.	Вельский	НЯНД.	Няндомский
ВИЛ.	Вилегодский	ОНЕЖ.	Онежский
ВИН.	Виноградовский	ПИН.	Пинежский
КАРГ.	Каргопольский	ПЛЕС.	Плесецкий
КОН.	Коношский	ПРИМ.	Приморский
КОТЛ.	Котласский	УСТЬ.	Устьянский
КРАСН.	Красноборский	ХОЛМ.	Холмогорский
ЛЕН.	Ленский	ШЕНК.	Шенкурский
ЛЕШ.	Лешуконский		

Список литературы

1. АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. М., 1980—2019—. Вып. 1—20— (изд. продолжается). Вып. 2. М., 1982.
2. Алгебра родства. Вып. 1—16. СПб., 1997—2018.
3. Википедия. Семья. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F> (дата обращения: 10.12.2019).
4. Википедия. Родство. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE> (дата обращения: 10.12.2019).
5. Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М., 2015. 416 с.
6. КАОС — Картотека «Архангельского областного словаря». Московский государственный университет, филологический факультет, каф. русского языка, каб. русской диалектологии.
7. Качинская И.Б. Русские термины родства и личное имя (по материалам архангельских говоров) // Алгебра родства. Вып. 13. СПб., 2012. С. 95—110.

8. *Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М., 2018. 288 с.
9. *Моисеев А.И.* Термины родства в современном русском языке // Филологические науки. 1963. № 3. С. 120–132.
10. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
11. *Филин Ф.П.* О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. Т. XI. М., 1948.
12. *Шарапова И.М.* Терминология родства в рязанских говорах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1977.

Irina Kachinskaya

COUSIN RELATIONSHIPS IN ARCHANGELSK DIALECTS: BROTHERS AND SISTERS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Kinship terms have long been undeservedly ignored by dialectologists. Regular focus has been on exoticisms (lexemes in dialects that are absent in the literary language), interest in comparative or generalizing work with an extensive dialectal material has been niggardly. Cousins in the Russian literary language come as compound names: ‘*двоюродный брат*’ (cousin, he) and ‘*двоюродная сестра*’ (cousin, she). The one-word terms ‘*kuzen*’ (cousin) and ‘*kuzina*’ (cousinne) are borrowed from French, but they have failed to displace the word combinations. Neither Russian nor foreign language terms are used as vocatives. In Arkhangelsk dialects, the concept ‘cousin’ (male) has over twenty one-word synonymous lexemes and about twenty word combinations, the concept ‘cousin’ (female) has more than forty one-word lexemes and more than ten word combinations. The article presents an inventory of terms denoting male and female cousins, and explores diffusion of the terms. The concepts ‘cousin’ and ‘brother’ (or sister) are often opposed and different lexemes are used, but the same lexeme sometimes contains the concept of both ‘cousin’ and ‘brother’ (or sister, or second cousin). There can also be a transfer of the terms to non-relatives, and there can be metaphorical transfers. Some terms can be used not only in nominative but also in vocative functions. The interest in the lateral lines of kinship is largely due to the institution of marriage. The marriage between relatives in a second tribe of kinship however was condemned but allowed and even welcomed in a third or fourth tribe of kinship.

Key words: kinship terms; brothers and sisters; cousins; Arkhangelsk dialects; Russian dialectology.

About the author: *Irina Kachinskaya* — PhD, Senior Research Fellow, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kacza@yandex.ru).

References

1. *Arkchangel'sky oblastnoy slovar* [Archangel'sk Region Dialect Dictionary], ed. by O. Getzova, E.A. Nefedova. Moscow, 1980–2018, vol. 1–20—. Vol. 2. Moscow, 1982. (In Russ.)
2. *Algebra of relationship*. Vol. 1–16. Sankt-Petersburg, 1997–2018. (In Russ.)
3. *Wikipedia*. Family. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F> (accessed 10.12.1019). (In Russ.)
4. *Wikipedia*. Relationship. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE> (accessed 10.12.1019). (In Russ.)
5. Galinskaya E.A. *Istoricheskaya grammatika russkogo jazyka: Phonetika. Morfologija* [Historical grammar of the Russian language: Phonetics. Morphology.]. Moscow, URSS, 2015. 416 p. (In Russ.)
6. *The file cabinet of Archangel'sk Region Dialect Dictionary*, Moscow, MSU, philological faculty, Russian language Department.
7. Kachinskaya I.B. Russkije terminy rodstva i lichnoje imja [Russian kinship terms and the personal name (based on the Archangel'sk region)]. In: *Algebra of relationship*. Vol. 13. Sankt-Petersburg, 2012, pp. 95–110. (In Russ.)
8. Kachinskaya I.B. *Terminy rodstva i jazykovaja kartina mira* [The kinship terms and linguistic picture of the world]. Moscow, Indrik, 2018. 288 p. (In Russ.)
9. Moiseev A.I. Terminy rodstva v sovremennom russkom jazyke [Kinship terms in the modern Russian language]. *Filologicheskije nauki* [Philological science], 1963, № 3, pp. 120–132. (In Russ.)
10. Trubachev O.N. *Istorija slavjanskih terminov rodstva i nekotoryh drevnejshih termonov obshhestvennogo stroja* [History of Slavic terms of kinship and some of the oldest terms of the social system]. Moscow, 1959. (In Russ.)
11. Filin F.P. O terminah rodstva i rodstvennyh otnoshenij v drevnerusskom literaturnom jazyke [On the terms of kinship and family relationship in the old Russian literary language]. In: *Jazyk i myshlenie* [Language and intellection] Vol. XI. 1948. (In Russ.)
12. Sharapova I.M. *Terminologija rodstva v r'azanskih govorah* [Terminology of kinship in Ryazan dialects] Abstract of Ph.D. thesis. Moscow, 1977. (In Russ.)

Ю.А. Маслова

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ЕСТЕСТВЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАПИТКОВ: К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ОНТОЛОГИЙ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена исследованию толкового словаря как основы для создания и пополнения онтологии. Рассматриваются особенности структуры толковых словарей, позволяющие использовать их в качестве такого материала, и возникающие при этом проблемы. С этой точки зрения в работе анализируются словарные статьи «Толкового словаря русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой, посвященные напиткам. Анализ показывает, что основной проблемой при попытке переноса толкования в онтологию становится различие между отраженной в словаре классификацией объектов и логической (онтологической) классификацией. Классификация, содержащаяся в словаре, обладает всеми признаками естественно-языковой классификации (в частности, лакунарностью, нестрогостью категоризации и прототипичностью), что противоречит основным требованиям, предъявляемым к онтологии. В то же время указанные особенности делают словарь ценным материалом для когнитивных исследований и могут рассматриваться в рамках когнитивной модели Qualia-структур.

Ключевые слова: онтология; таксономия; категоризация; Qualia-структура.

В связи с возрастающим объемом информации в современном мире все более актуальным становится решение прикладных задач, связанных с поиском, обработкой, представлением данных с использованием современных информационных технологий [Котова, Писарев, 2016: 37]. В качестве одного из методов их решения предлагается построение онтологий — структур, которые содержат знания о взаимосвязях объектов и классов объектов реального мира в формализованном и системном виде, доступные для обработки компьютером, в силу чего могут использоваться в том числе для автоматического анализа текстов на естественном языке [Константинова, Митрофанова, 2008; Богуславский, Диконнов, Тимошенко, 2013].

Маслова Юлия Александровна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: iumasl@yandex.ru).

Онтология как ресурс, включающий структурированные данные об объектах и их отношениях, схожа с традиционными лексикографическими ресурсами (словарями разных типов), но имеет ряд отличий от них. Это высокая степень формализованности; возможность получения логического вывода на основании хранящихся в онтологии аксиом; системность имеющихся в онтологии знаний [Богуславский, Диконов, Тимошенко, 2013]. В то же время такие особенности толковых и энциклопедических словарей, как упорядоченность представленных в них знаний, более формализованная по сравнению с обычными текстами структура словарных статей, наличие в них информации об основных видах отношений между объектами делает возможным привлечение их в качестве материала для автоматического пополнения онтологий. Такая возможность рассматривается, в частности, в [Бочаров, Пивоварова, Рубашкин; Рубашкин, Капустин, 2008; Рубашкин, Бочаров, Пивоварова, Чуприн, 2010]. Исследователи отмечают ряд проблем, возникающих при автоматическом переносе данных словаря в онтологию и связанных с нарушением стандартной структуры дефиниции¹, — появлением в ней разного рода помет, слов с общим значением ‘именование’, ‘принадлежность к классу’ и др. [Рубашкин, Капустин, 2008]. Эти проблемы частично решаются в работе [Алексеевский, 2018], где кластеризация семантических отношений из дефиниций осуществляется на основе применения лексико-грамматических триграмм — лексико-грамматических шаблонов, соответствующих разным типам устройства толкований. В целом, однако, отмечается невозможность полной автоматизации процесса и необходимость ручной работы эксперта, занимающегося разработкой онтологии.

Целью настоящей работы является описание и анализ проблем, возникающих при попытке вручную создать онтологию предметной области напитков на материале «Толкового словаря русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой (далее — Словарь) [Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, 2008]. Материал для исследования избирался с учетом уже описанных в литературе сложностей: именно в Словаре проводилась специальная работа по проверке и корректировке² толкований, поэтому пред-

---

¹ В стандартной структуре дефиниции родовой по отношению к определяемому слову термин представлен первым по порядку существительным (именной группой) в Им.п.

² Словарь является продолжением «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, работа над которым велась параллельно с созданием «Русского семантического словаря»; задачей последнего была подготовка материалов для «Толкового словаря», в том числе обработка всех зон словарной статьи и проверка толкований [Русский семантический словарь, 2002, т. 1: 17].

полагалось, что использование его в качестве материала позволит избежать указанных трудностей.

В начале работы были определены семантические признаки самого понятия «напиток», которое толкуется в Словаре как ‘продукт для питья’. Таким образом, основополагающими признаками класса стали признаки: 1) быть результатом человеческого труда (следует из толкования *продукт*³)⁴ и 2) предназначаться для питья (как следствие — быть жидкостью, см. семантику глагола *пить*). Всего в Словаре было обнаружено 83 лексемы, которые называют объекты, обладающие названными признаками. Обнаружился также синоним слова *напиток* — существительное *питье*.

Затем была составлена классификация напитков на основе отношений типа «род-вид» — типовых отношений, связывающих понятия в любой онтологии [Константинова, Митрофанова, 2008]. Для построения родо-видовой классификации были отобраны гиперонимы, используемые в толковании выявленных единиц (занимающие, как правило, стандартную начальную позицию, см. выше), на основе чего была получена следующая таксономия:

- вина
  - настойки⁵
    - наливки
- водки
- пиво
- ликёры⁶.

Далее, в ходе подробного анализа дефиниций, были реконструированы те отношения (признаки), которые являются специфичными для исследуемого класса. Признаки были разграничены по таксономическим подклассам, выделенным на основе отношений род-вид, а также по подклассам, выявляемым на основе анализа самих специфичных признаков. В качестве основного разделения на подклассы выступил признак «Содержание алкоголя»⁷; следовательно, основными подклассами напитков считались алкогольные/безалкогольные напитки. Те признаки, которые встречались в толкованиях

³ Ср. дефиницию в Словаре: предмет как результат человеческого труда (обработка, переработки, исследования).

⁴ В связи с тем, что напитки рассматриваются именно как подкласс артефактов (искусственно созданных объектов), в этот подкласс не вошла лексика, называющая объекты природного происхождения (например, *нарзан*).

⁵ Представлены в словаре как гипоним слова *вино*.

⁶ Реконструируемая на основе Словаря таксономия охватывает лишь алкогольные напитки; напитки, не содержащие в составе алкоголь, вводятся, как правило, через общий гипероним *напиток* и родо-видового деления не получают.

⁷ Правильность такого решения подтверждается, в частности, данными «Русского семантического словаря», где это разделение также является основным [Русский семантический словарь, 2002, т. 2: 276].

слов, относящихся к разным основным подклассам, признавались общими для всех напитков. Те признаки, которые встречались лишь в толкованиях слов, принадлежащих одному подклассу, признавались специфичными для этого подкласса. Отдельно от них рассматривались признаки, выделяемые для одной конкретной лексемы. Результаты анализа признаков представлены в табл. 1.

Таблица 1

Семантические признаки, обнаруженные в толкованиях лексем, называющих напитки

Класс/ подкласс	Признак	Типичный способ оформления признака	Количество слов, содержащих признак в толковании	Процент слов, содержащих признак в толковании ⁸
Напитки в целом	Сырье	из + род.п. (<i>из винограда, молока...</i>) прил. (<i>виноградный, вишневый...</i>)	69	83%
	Содержание алкоголя	прил. (<i>алкогольный, спиртной...</i>)	44	53%
	Способ изготовления	прич. (<i>настаиваемый/настойный, приготавливаемый на...</i>)	35	42%
	Вкус	прил. (<i>сладкий, пряный...</i>)	15	18%
	Эффект	прил. (<i>тонизирующий, прохладительный...</i>)	12	14,5%
	Наличие пены	прил. (<i>пенистый, игристый...</i>)	6	7%
	Происхождение	прил. (<i>восточный, английский...</i>)	5	6%
	Наличие газов	прил. (<i>газированный, игристый...</i>)	3	3,6%
	Актуальность	прил. (<i>старинный</i>), в + сущ. (<i>в старину</i>)	2	2,4%
	Качество	прил. (<i>прекрасный</i>), нареч. + прич. (<i>плохо очищенный</i>)	2	2,4%
Алкогольные напитки	Крепость (процент алкоголя)	прил. (<i>крепкий, слабоалкогольный, легкий, слабый</i>)	14	31,8%
	Температура	прил. (<i>горячий</i>)	3	6,8%

⁸ Процент употреблений считается относительно количества лексем, содержащихся в классе/подклассе, обладающем названным признаком.

Класс/ подкласс	Признак	Типичный способ оформления признака	Количество слов, содержащих признак в толковании	Процент слов, содержащих признак в толковании ⁸
Алкоголь- ные на- питки	Способ (место) производ- ства ⁹	прил. (<i>домашнее, кустар- ным (способом)</i>)	2	4,5%
Вино	Цвет	прил. (<i>красное, белое</i>)	4	30,8%
	Наличие примесей (в частности, добавленного спирта)	прил. (<i>крепленое, столовое</i>)	4	30,8%
	Вкус/время употребле- ния ¹⁰	прил. (<i>десертное</i>)	2	15,4%
Пиво	Цвет	прил. (<i>темное, светлое</i>)	2	66,7%
Напитки из молока	Животное, из молока кото- рого изготов- лен напиток	из + прил. + <i>молока</i> (<i>из коровьего/кобыльего/вер- блюжьего молока</i>)	3	100%
Одиночные употре- бления	Цена	<i>дешевый</i>	1	1,2%
	Консистен- ция	<i>густой</i>	1	1,2%
	Степень на- сыщенности	<i>крепкий</i>	1	1,2%
	Типичный способ упо- требления ¹¹	<i>используемый для пригото- вления коктейлей</i>	1	1,2%

Именно на этом этапе выявился ряд проблем, связанных не с нарушением формальной структуры дефиниции, но с особенностями ее смыслового наполнения. Рассмотрим их подробнее.

⁹ Имеются в виду различия между домашним способом производства и заводским, промышленным.

¹⁰ Признаки даются через слеш в связи с невозможностью точно определить, какой из них стоит за определением *десертный*. В словаре отсутствует дефиниция этого прилагательного — оно дается лишь как производное от существительного *десерт* со значением 'фрукты или сладкое блюдо, подаваемое в конце обеда, третье'. Таким образом, *десертный* может указывать как на вкус напитка (сладкий), так и на время его употребления (после основной трапезы). Вполне вероятно, что слово вводит сразу два указанных признака.

¹¹ Речь идет о том, используется ли напиток для употребления в чистом виде или же в составе коктейля.

1. Как видно из таблицы, признаки распределены по толкованиям крайне неравномерно. Какие-то из них обнаруживаются в толкованиях большого числа лексем, другие — лишь в нескольких или даже одной дефиниции. Признак «Сырье», например, эксплицируется более чем в половине всех толкований, а признак «Цена» появляется лишь в дефиниции слова *бормотуха*.

2. Экспликация даже тех признаков, которые встречаются наиболее часто, не всегда проводится последовательно. Далеко не все члены парадигмы, могущие заполнять позицию того или иного признака, представлены в толкованиях с одинаковой частотностью. Так, признак «Содержание алкоголя» может быть представлен двумя противопоставленными членами со значениями ‘содержащий алкоголь’ и ‘не содержащий алкоголя’. Реально этот признак представлен в Словаре лишь в толковании напитков, в которых алкоголь содержится, и вводится лексемами с соответствующим значением (*алкогольный, спиртной* и др.). В случаях же с напитками, в которых алкоголь отсутствует, закономерен пропуск указанного признака — слово *безалкогольный* не встретилось в толкованиях ни разу. То же верно и в отношении других признаков, связанных с наличием/отсутствием у объекта чего-либо.

3. Еще одной особенностью является отсутствие унификации на формальном уровне, а именно четкого соответствия между признаком и его формальным показателем. Для ввода одного и того же признака зачастую используются разные слова и синтаксические конструкции (ср.: *кислый/квашеный/заквашенный на/из перебродившего молока* как показатели одного и того же способа изготовления). И наоборот, одно и то же слово может вводить разные признаки (*шипучий* используется для обозначения наличия и пены, и газа).

Отмеченные особенности не соответствуют требованиям, предъявляемым к машиночитаемой онтологии, в числе которых — высокая степень формализации, логическая непротиворечивость, системность данных [Никоненко, 2009: 214]. Пример «идеального» с такой точки зрения толкования (с учетом специфичных для подклассов признаков) выглядел бы следующим образом: *лимонад* — ‘безалкогольный сладкий прохладительный напиток, обычно газированный, без пены, французского происхождения, приготавливаемый из плодов лимона и воды посредством смешивания (как правило, холодным способом), употребляемый в современности, стандартного качества’.

Здесь, однако, возникает другая проблема: такое толкование, очевидно, выглядит избыточным, неестественным, поскольку включает те признаки, которые а) интуитивно понятны носителю языка и б) не обязательны для понимания того, о каком объекте идет речь (т.е. не

являются дифференциальными признаками понятия). Отсюда следует немаловажный вывод: лакуны в толкованиях связаны в первую очередь со строением самого естественного языка, который является объектом описания в толковом словаре. Понятиям естественного языка не свойственны логические дихотомические противопоставления; язык отображает свойства естественной категоризации, важнейшими из которых признаются нестрогость категоризации, возможность объединять члены с не полностью повторяющимися признаками [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996: 46], прототипичность [Абишева, 2013: 21]. Именно эти свойства наблюдаются при анализе имеющихся в Словаре толкований.

Таким образом, построение адекватной онтологии на материале только лишь данных толкового словаря не представляется возможным. Этот материал, однако, может иметь практическую ценность как основа для логической классификации с незаполненными клетками, которую можно использовать, в частности, для разметки корпусов.

В то же время в связи с тем, что толковые словари отображают свойства именно языковой категоризации мира, представленный в них материал особенно важен с когнитивной точки зрения. Это ценный источник информации о том, какие из признаков объектов наиболее важны для носителей языка, а какие, напротив, мыслятся ими как незначительные. Анализ распределения признаков по толкованиям показывает следующие интересные закономерности:

1. Наиболее важные признаки напитков для носителей русского языка — «Сырьё», «Содержание алкоголя» и «Способ изготовления» (табл. 1).

2. Заслуживающим внимания оказывается именно наличие признака, отсутствие же признака выводится лишь из противопоставления первому и никак не маркируется: так, признак ‘содержащий в составе алкоголь’, как правило, эксплицирован в толковании, тогда как противоположный ему признак не встречается ни разу.

3. В толковании эксплицируются те признаки, которые, вероятно, воспринимаются носителями как маркированные относительно нейтральных. Возможно, что в сознании носителя языка одни из признаков объекта — прототипические, «нормальные», в то время как другие принадлежащие той же самой парадигме мыслятся, напротив, как нетипичные для данного объекта, что и обуславливает их частую экспликацию в толковании. Пример такого признака для напитков — признак «утративший актуальность» (норма — «актуальный, употребляемый в настоящее время»), для алкогольных напитков — признак «горячий» (норма — «холодный») и др.

4. Обязательно фиксируется признак, лежащий в основе мотивации: так, появление в толковании слова *самогон* признака ‘изготовленный кустарным способом’ предсказывается тем, что этот признак лежит в основе самой номинации: *самогон* — это то, что гонят (изготавливают путем перегонки) самостоятельно, в домашних условиях.

Информация, содержащаяся в толковом словаре, соответствует и современным идеям о так называемых Qualia-структурах, предложенных Дж. Пустейовским в рамках его теории генеративного лексикона. Под Qualia-структурой понимается основная модель представления знаний в языке, фиксирующая только те аспекты объекта, «которые считаются важными для нашего понимания того, как данные референты, объекты функционируют в окружающем нас мире» [Боярская, 2012: 15]. Это конститутивный атрибут, отображающий взаимосвязь объекта и его частей, формальный, определяющий категориальную принадлежность объекта; целевой, описывающий назначение объекта, и агентивный, фиксирующий информацию о происхождении объекта [Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход, 2015: 87–88, 92]. Анализ показывает, что обнаруженные у напитков признаки могут быть распределены по указанным категориям атрибутов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение признаков напитков по атрибутам Qualia-структуры

Конститутивный	Формальный	Целевой	Агентивный
Сырье, наличие пены, наличие газа, вкус, качество, актуальность, содержание алкоголя	Предмет (материальный объект)	Для питья + эффект	Продукт (сделан человеком) + происхождение, способ изготовления

Таким образом, смысловая структура толкований и выстраиваемая в них классификация соответствуют актуальным когнитивным моделям представления знаний в языке, обладают всеми свойствами естественно-языковой классификации, что подтверждает значимость указанного материала для когнитивных исследований. Вместе с тем указанные особенности препятствуют использованию толкового словаря в качестве материала для создания онтологии, поскольку противоречат выдвигаемым к ней как к логической классификации требованиям. Создание онтологии на базе одного толкового словаря, таким образом, не представляется возможным; для успешного решения задачи требуется синтез разных информационных ресурсов.

Список литературы

1. *Алексеевский Д.А.* Методы автоматического выделения тезаурусных отношений на основе словарных толкований: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.
2. *Абишева К.М.* Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (035). С. 21–30.
3. *Богуславский И.М., Диконов В.Г., Тимошенко С.П.* Онтология для поддержки задач извлечения смысла из текста на естественном языке. URL: <http://iitp.ru/upload/publications/6612/Ontology.pdf> (дата обращения: 17.11.2019).
4. *Бочаров В.В., Пивоварова Л.М., Рубашкин В.Ш.* Логико-лингвистический анализ текстов определений в энциклопедических и толковых словарях. URL: <http://dis.podelise.ru/text/index-49467.html> (дата обращения: 18.08.2019).
5. *Боярская Е.Л.* Qualia-структура Дж. Пустейовского и ее значение для проведения лингвистических исследований // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 2. С. 12–21.
6. *Котова Е.Е., Писарев И.А.* Построение тематических онтологий с применением метода автоматизированной разработки тезаурусов // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2016. № 3. С. 37–47.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
8. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под ред. В.И. Заботкиной. М., 2015.
9. *Митрофанова О.А., Константинова Н.С.* Онтологии как системы хранения знаний. URL: <http://www.ict.edu.ru/ft/005706/68352e2-st08.pdf> (дата обращения: 20.04.2019).
10. *Никоненко А.А.* Обзор баз знаний онтологического типа // Искусственный интеллект. 2009. № 4. С. 208–219.
11. *Рубашкин В.Ш., Капустин В.А.* Использование определений терминов в энциклопедических словарях для автоматизированного пополнения онтологий // «Языковая инженерия: в поисках смыслов». Доклады семинара «Лингвистические информационные технологии в Интернете»: XI Всероссийская объединенная конференция «Интернет и современное общество». СПб., 2008.
12. *Рубашкин В.Ш., Бочаров В.В., Пивоварова Л.М., Чуприн Б.Ю.* Опыт автоматизированного пополнения онтологий с использованием машиночитаемых словарей. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1688/63.pdf> (дата обращения: 19.11.2019).
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений/РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 2002.
14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2008.

Iuliia Maslova

**AN EXPLANATORY DICTIONARY
AS A SOURCE OF INFORMATION
ABOUT A NATURAL CLASSIFICATION
OF BEVERAGES: THE PROBLEM
OF BUILDING ONTOLOGIES**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The research discusses explanatory dictionaries as a basis for building and updating ontologies. Special emphasis is laid on the structure of an explanatory dictionary. The article analyzes definitions of beverages in *The Explanatory Dictionary of the Russian Language* by N. Yu. Shvedova. The analysis shows that the main problem is the difference between object classification in the dictionary and logical (ontological) classification. The dictionary classification has all properties of natural categorization (lacunarity, flexibility of categorization, prototypicality). This is not in keeping with ontology requirements, and thereby complicates the building process on dictionary basis. However, these properties make the dictionary a valuable material for cognitive research and can be considered in the model of Qualia structures.

Key words: ontology; taxonomy; categorization; Qualia structure.

About the author: *Iuliia Maslova* — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: iumasl@yandex.ru).

References

1. Alekseevskii D.A. *Metody avtomaticheskogo vydeleniya tezaurusnykh otnoshenii na osnove slovarnykh tolkovanii*: dis. ... kand. filolog. nauk: 10.02.21 [Methods for automatic wordnet relation extraction from dictionary definitions]. *Candidate's thesis*. Moscow, 2018. (In Russ.)
2. Abisheva K.M. Kategorizatsiya i ee osnovnye printsipy [Categorization and its main principles]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2013, № 2 (035), pp. 21–30. (In Russ.)
3. Boguslavskii I.M., Dikonov V.G., Timoshenko S.P. *Ontologiya dlya podderzhki zadach izvlecheniya smysla iz teksta na estestvennom yazyke* [Ontology to support the task of extracting meaning from natural language text]. URL: <http://iitp.ru/upload/publications/6612/Ontology.pdf> (accessed: 17.11.2019). (In Russ.)
4. Bocharov V.V., Pivovarova L.M., Rubashkin V.Sh. *Logiko-lingvisticheskii analiz tekstov opredelenii v entsiklopedicheskikh i tolkovnykh slovaryakh* [Logical-linguistic analysis of definitions in encyclopedic and explanatory dictionaries]. URL: <http://dis.podelise.ru/text/index-49467.html> (accessed: 18.08.2019). (In Russ.)

5. Boyarskaya E.L. Qualia-struktura Dzh. Pusteiiovskogo i ee znachenie dlya provedeniya lingvisticheskikh issledovaniy [The qualia structure and its role for linguistics research]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2012, 2, pp. 12–21. (In Russ.)
6. Kotova E.E., Pisarev I.A. Postroenie tematicheskikh ontologii s primeneniem metoda avtomatizirovannoi razrabotki tezaurusov [Construction of thematic ontologies using the method of automated thesauri development]. *Izvestiya SPbGETU «LETI»*, 2016, № 3, pp. 37–47. (In Russ.)
7. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Abridged dictionary of cognitive terms]. Kubryakova E.S. (ed.). Moscow, MSU Publ, 1996. 245 p. (In Russ.)
8. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod* [Methods of cognitive analysis of word semantics: computer-aided corpus approach]. Zabotkina V.I. (ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ, 2015. 344 p. (In Russ.)
9. Mitrofanova O.A., Konstantinova N.S. *Ontologii kak sistemy khraneniya znaniy* [Ontology as system of knowledge storage]. URL: <http://www.ict.edu.ru/ft/005706/68352e2-st08.pdf> accessed: 20.04.2019). (In Russ.)
10. Nikonenko A.A. Obzor baz znaniy ontologicheskogo tipa [The ontological knowledge bases review]. *Iskusstvennyi intellect*, 2009, № 4, pp. 208–219. (In Russ.)
11. Rubashkin V.Sh., Bocharov V.V., Pivovarova L.M., Chuprin B.Yu. *Opyt avtomatizirovannogo popolneniya ontologii s ispol'zovaniem mashinochitaemykh slovarei* [The approach to ontology learning from machine-readable dictionaries]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1688/63.pdf> (accessed: 19.11.2019). (In Russ.)
12. Rubashkin V.Sh., Kapustin V.A. Ispol'zovanie opredelenii terminov v entsiklopedicheskikh slovaryakh dlya avtomatizirovannogo popolneniya ontologii [Ontology Learning from Encyclopedia Entries Definitions]. «*Yazykovaya inzheneriya: v poiskakh smyslov*». *Doklady seminarov «Lingvisticheskie informatsionnye tekhnologii v Internete»: XI Vserossiiskaya ob"edinennaya konferentsiya «Internet i sovremennoe obshchestvo»*. SPb., 2008. (In Russ.)
13. *Russkii semanticheskii slovar'*. *Tolkovyi slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znachenii*. T.1, 2 [The Russian semantic dictionary. The explanatory dictionary arranged according to word and meaning classes. Vol. 1, 2]. Shvedova N.Yu. (ed.). Moscow, RAN. In-t rus. yaz. Publ, 2002. 807 p., 762 p. (In Russ.)
14. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language Including Etymological Data]. Shvedova N.Yu. (ed.). Moscow, Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik", 2011. 1175 p. (In Russ.)

В.П. Некрылова

**ИНТЕНСИВНОСТЬ ГЛАСНЫХ КАК ПАРАМЕТР
РЕАЛИЗАЦИИ РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
СЛОВА В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА,
ПРОЖИВАЮЩИХ В ТУРЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье представлены результаты фонетического эксперимента, проведенного в июле—августе 2019 г. В рамках исследования анализировалась ритмическая структура слова в интерферированной речи носителей русского языка, проживающих в Турции. В эксперименте приняли участие 12 представителей русскоязычной диаспоры в Турции. Для разграничения внутри- и межъязыковой интерференции дикторы были разделены на подгруппы по критерию региона происхождения (территория среднерусских говоров, южная территория, территории переселения носителей русского языка, регионы с тюркскоязычным влиянием, контактная зона русского с украинским языком). Осуществлено анкетирование участников записи, составлено три блока экспериментальных материалов для дикторов, проведен аудитивный и акустический анализ записей чтения текстов. В рамках анализа рассмотрен один из потенциальных коррелятов словесного ударения — интенсивность гласных. Выявлено распределение относительной интенсивности гласных для 2-го, 1-го предударного и 1-го заударного слогов контрольных слов, находящихся в сильной и слабой фразовой позиции. Зафиксированы реализации с нормативным для современного русского литературного языка соотношением интенсивности гласных. При этом во всех подгруппах выявлено выделение ударного гласного при помощи интенсивности (преимущественно при размещении контрольных слов в слабой фразовой позиции), следовательно, можно наметить тенденцию к нарушению соотношения параметра интенсивности в слогах, составляющих просодическое ядро. Полученные в результате эксперимента данные указывают на признаки деформации ритмической структуры слова в русском языке, находящемся под влиянием турецкого, где интенсивность является одним из сопутствующих коррелятов словесного ударения.

Ключевые слова: русский язык; турецкий язык; интерференция; словесное ударение; ритмическая структура слова; интенсивность гласных.

Некрылова Виктория Петровна — соискатель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nekrylova@ya.ru).

В статье представлены результаты ряда экспериментов, проведенных в рамках исследовательской работы «Реализация ритмической структуры русского фонетического слова в речи носителей тюркских языков и русского языка в тюркскоязычном окружении», цель которой — описание признаков фонетической интерференции в области просодии в русской речи инофонов (турок, азербайджанцев), а также представителей русской диаспоры в Турции и Азербайджане¹. В связи с отсутствием в настоящий момент комплексного описания фонетических и иных особенностей речи русскоязычного сообщества в тюркскоязычном окружении данная работа представляется актуальной. Выявление признаков интерференции проводилось при помощи анализа ритмической структуры слова (далее — РСС²) — важнейшей типологической особенности русского языка.

Русскоязычная диаспора в Турции начала формирование в XVIII в. и окончательно образовалась в 1920-е годы [Аубак, 2017: 130–131]. Русскоязычное сообщество в Турции демонстрирует чистый образец интеграции и характеризуется как бидоминантное, т.е. способное использовать два языка в зависимости от потребностей и коммуникационного контекста [Antonova-Ünlü, Sağın-Şimşek, Ateşman, Lozovska, 2015: 391].

Русский язык диаспоры в Турции представлен в особых условиях существования (вне метрополии в разноязычном социуме — в тюркскоязычном окружении) и, безусловно, подвержен интерференции вследствие влияния турецкого языка. Одной из областей выражения интерференции в речи русскоязычных эмигрантов является фонетика — отмечаются особенности в вокализме, консонантизме, интонации, возникшие по причине влияния другого языка [Язык русского зарубежья, 2001]. Изменения в механизме редукции гласных, вариативность постановки словесного ударения [там же: 79, 82] указывают на то, что просодия (в том числе РСС) русского языка подвержена интерференции.

Настоящее исследование посвящено анализу соотношения интенсивности гласных ударного и безударных слогов. В турецком языке интенсивность гласного характеризуется как сопутствующий параметр выделения ударного слога (основным при этом считается F0) [Zora, Heldner, Schwarz, 2016], показатели интенсивности гласных 1-го предударного и ударного слогов в сильной фразовой позиции выше, чем показатели интенсивности тех же гласных в

---

¹ Данная работа включает этап акустического анализа, в результате которого получены показатели трех фонетических параметров гласных: а) интенсивности; б) длительности; в) спектра (значения F1 и F2).

² Подробнее об РСС см. [Общая и прикладная фонетика, 1997: 256–302].

слабой фразовой позиции [Vogel, Athanasopoulou, Pincus, 2016: 156]. При этом в настоящее время в современном русском литературном языке (далее — СРЛЯ) интенсивность обычно не рассматривается как параметр для выделения ударного гласного [Князев, Пожарицкая, 2016: 141–142], следовательно, функции данного параметра значительно различаются в исследуемых языках. Сформулирована гипотеза — РСС в речи представителей русской диаспоры в Турции деформируется вследствие выделения ударного гласного при помощи интенсивности, уровень интенсивности гласного 1-го предударного слога ниже, чем уровень интенсивности ударного гласного.

Для большей репрезентативности и корректной сопоставимости с уже имеющимися результатами анализа РСС СРЛЯ выбрана модель эксперимента с сравнением относительных параметров гласных [Общая и прикладная фонетика, 1997; Князев, 2006], где рекомендуется в качестве нормирующей единицы выбрать значение параметров одного из слогов (например, ударного). Выбор модели эксперимента также обусловлен тем, что настоящее исследование является первым опытом изучения фонетических коррелятов ударения в речи представителей русскоязычной диаспоры в Турции и должно базироваться на апробированных методах анализа звучащей речи.

Для проведения эксперимента были подготовлены материалы для чтения, состоящие из трех блоков: 1) 16 фонетических слов³ для изолированного произнесения, включающие трех- и четырехсложные лексемы СРЛЯ с различными РСС; 2) 32 предложения, содержащие эти слова в сильной и слабой фразовых позициях (пример: *Двигатель находится под капотом. Поскольку двигатель находится под капотом машины, к нему сложно подобраться*); 3) связный текст, состоящий из 75 предложений и содержащий данные слова в сильной и слабой фразовых позициях (пример: *Однажды утром Игнат не смог завести свой автомобиль. Явно что-то сломалось под капотом. Поэтому не получалось завести машину. А что именно заглохло под капотом машины, Игнат так и не смог разобраться*). Помимо ударного слога (УС) исследовалась реализация гласных во 2-м предударном (2 ПС), 1-м предударном (1 ПС) и в 1-м заударном (1ЗС) слогах. Обязатель-

---

³ Список контрольных слов (в скобках указан тип РСС, где первое число — количество слогов в фонетическом слове, второе — номер ударного слога): *под капотом* (4/3), *по погбстам* (4/3), *под ободбк* (4/4), *по помбстам* (4/3), *господам* (3/3), *на посошбк* (4/4), *под топтом* (4/2), *хохотбк* (3/3), *досадам* (3/2), *засадам* (3/2), *по подскázкам* (4/3), *папáшкам* (3/2), *сапожбк* (3/3), *под хоботом* (4/2), *пáхотам* (3/1), *пáтока* (3/1).

ным требованием для отбора слов было наличие под ударением и в безударных слогах звукотипов фонем <a> и <o> и по возможности сходного консонантного контекста⁴.

Для анализа использовались экспериментальные записи, выполненные в июле и августе 2017 г., в феврале и апреле 2019 г. В записи приняли участие 12 женщин, в возрасте от 20 до 54 лет. В рамках эксперимента также проводилось анкетирование дикторов (основой для опросника являлась анкета из [Язык русского зарубежья, 2001: 32]). Все дикторы либо имеют высшее образование (музыкальное, гуманитарное, техническое, педагогическое, медицинское и др.), либо получают его в настоящее время. В момент проведения эксперимента все дикторы проживали в Турции, находились в тюркскоязычном окружении и ежедневно использовали в коммуникации (преимущественно устной) турецкий язык. Дикторы характеризуются разным уровнем знания турецкого языка (от среднего до высокого). Длительность непрерывного проживания в Турции у информантов также варьируется (от двух до 24 лет).

Запись чтения дикторов представляется наиболее подходящим способом сбора экспериментальных материалов для настоящего исследования, так как в спонтанной речи дикторы могли не использовать необходимые ритмические структуры. При анализе данных учитывались возможные недостатки применения данного метода (например, влияние графического написания на произнесение слов), которые потенциально могли повлиять на результаты эксперимента.

Запись чтения осуществлялась при помощи диктофона (в том числе встроенного в смартфон) и ноутбука с подключенным микрофоном⁵. Для прослушивания, сегментации, обработки и акустического анализа аудиозаписей использовались компьютерные программы Speech Analyzer (версия 3.1) и PRAAT (версия 6.0.56). В рамках эксперимента проанализировано 1344 фонетических слова у русскоязычных дикторов, проживающих в Турции; 560 фонетических слов — у русскоязычных дикторов.

Чтение русскоязычных дикторов, проживающих в Турции, сравнивалось с эталонным чтением носителей русского языка (далее —

---

⁴ Чтобы получить максимально сопоставимый материал от разных дикторов (в том числе единообразные спектры гласных), были выбраны широкие/средние гласные, так как на них лучше наблюдать просодическое ядро, типичное для СРЛЯ.

⁵ Для достижения однородной акустической обстановки и корректной фиксации звучащей речи дикторам предоставлялась инструкция по проведению записи (рекомендуемые размер и характеристики помещения для записи, оптимальное расположение микрофона и т.д.). Проведение эксперимента в лабораторных условиях не представилось возможным по техническим причинам.

дикторы-эталоны; пять дикторов: двое мужчин и три женщины, возраст — от 25 до 59 лет; родились и проживают в Москве, образование — высшее, гуманитарное и техническое)⁶.

В целях выявления факторов, потенциально влияющих на РСС русскоязычных дикторов в Турции, был выделен ряд критериев деления группы дикторов на подгруппы. В настоящей статье представлен анализ интенсивности гласных как одного из потенциальных коррелятов словесного ударения в интерферирующей речи дикторов, поделенных на подгруппы в зависимости от региона происхождения. По этому признаку дикторы поделены на следующие подгруппы⁷: 1) территория среднерусских говоров, говоров центра (три диктора: Москва (Д1⁸), Саратов (Д12), Тула (Д7)); 2) южная территория (4 диктора: Ставрополь (Д3), Ростов-на-Дону (Д10, Д11), Беларусь (Д9)); 3) территории переселения носителей русского языка (три диктора: Сибирь (Новосибирск (Д4), Красноярск (Д5)), Киргизия (Д8)); 4) регионы с тюркскоязычным влиянием (один диктор: Баку (Д6)); 5) контактная зона русского с украинским языком (один диктор: Донецк (Д2)).

Выбор критерия «регион происхождения» в качестве ведущего связан в первую очередь с тем, что в речи эмигрантов возможны остаточные диалектные явления [Язык русского зарубежья, 2001: 230], т.е. имеются показатели внутриязыковой интерференции, в связи с чем при анализе РСС необходимо учитывать данные о ритмической структуре в этих регионах для максимального разграничения внутри- и межязыковой интерференции. Подгруппа 1 соотносится с территорией распространения недиссимилятивного аканья⁹, ритмическая схема слова построена по «формуле Потевни», характерной для СРЛЯ, выделяется двухкомпонентное просодическое ядро слова, состоящее из ударного и 1-го предупредарного слогов, которые

---

⁶ При анализе РСС СРЛЯ также применялись экспериментальные данные, полученные в работах Л.В. Златоустовой, С.В. Князева, С.В. Кодзасова, О.Ф. Кривновой, посвященных изучению русской звучащей речи. Дополнительно использовались аудиозаписи дикторов, входящие в базу данных звучащей русской речи, разрабатываемую в лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

⁷ Необходимо отметить разнородность дикторского материала, которая носит непрогнозируемый характер, при этом не искажает результатов эксперимента (табл. 1). Исследование неоднородного экспериментального материала также связано с необходимостью реализации практических задач, стоящих перед лингвистами при выполнении фоноскопических экспертиз.

⁸ Каждому диктору присвоен идентификатор, состоящий из буквы «Д» и порядкового номера (от 1 до 12), например «Д3».

⁹ Данные для подгруппы 1 являлись также основой для подгруппы 3, так как для указанных территорий переселения в настоящий момент отсутствует детальное описание РСС и соотношения акустических параметров в связи с возможным влиянием внутриязыковой интерференции.

противопоставлены всем другим слогам слова по длительности и спектральным характеристикам гласных [Князев, 2006: 44].

Подгруппа 2 соотносится с территорией распространения диссимилятивного аканья и характеризуется «совмещенным» ритмическим контуром¹⁰. Диктор из подгруппы 4 находится в зоне влияния тюркских языков (азербайджанского, турецкого), в связи с чем ожидается деформация РСС (чередование «сильных» и «слабых» слогов, выделение ударного гласного при помощи интенсивности). У представителя подгруппы 5 не обнаружено следов оканья, характерного для украинского языка. Украинскому языку свойственен ритмический контур с усилением гласного через слог от ударного, ведущим акустическим коррелятом словесного ударения (как основного, так и второстепенного) считается длительность гласного [Łukaszewicz, Mołczanow, 2018].

В ходе настоящего исследования был проведен аудитивный анализ записей, в целом чтение дикторов оценивается как нормативное, хотя и отмечаются случаи нарушения места ударения (например, реализация РСС 3/1 как РСС 3/3), нарушение редукции (например, произнесение [пáтака] вместо нормативного [пáтькъ]).

В рамках акустического анализа были получены показатели абсолютной и относительной интенсивности для гласных ударного, 1-го и 2-го предударных, 1-го заударного слогов в следующих фразовых позициях: сильной (в том числе в изолированном произнесении) и в слабой¹¹. Под абсолютной интенсивностью (далее — АИ) понимается среднее значение интенсивности (в условных единицах, dbSPL), автоматически рассчитываемое в PRAAT для выбранного гласного сегмента. Относительная интенсивность (ОИ) — результат деления показателя АИ гласного безударного слога на значение АИ ударного слога, таким образом, высчитывается изменение показателя АИ безударного слога по отношению к уровню АИ ударного слога. Для удобства показатели ОИ представлены в процентном соотношении (за 100% принимается ударный слог).

Для подсчета средних арифметических значений (mean) абсолютной и относительной интенсивности, выделения минимумов (min) и максимумов (max) параметров написан m-код программы на языке MATLAB. Полученные значения округлены до десятых.

¹⁰ В 1-м предударном слоге происходит позиционное чередование «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного, при этом контур характеризуется прочной связью между ударным гласным и гласным 1-го предударного слога, что свидетельствует о наличии сформированного акцентного ядра [Савинов, 2014: 36].

¹¹ При этом учитывались экстралингвистические факторы, влияющие на уровень интенсивности гласных (например, физиология дыхания человека: как правило, в начале синтагмы интенсивность гласных выше, чем в конце).

В табл. 1 представлены результаты измерения АИ и ОИ гласных в контрольных словах в сильной (объединены показатели изолированного произнесения контрольных слов, сильной позиции в предложениях и тексте) и слабой (реализации в предложениях и тексте) фразовой позиции. Полужирным шрифтом в табл. 1 выделены средние арифметические относительной интенсивности гласных в РСС.

Таблица 1

Абсолютная и относительная интенсивность гласных 2-го, 1-го предударных слогов, ударного слога, 1-го заударного слога по всем РСС контрольных слов в произнесении русскоязычных дикторов, проживающих в Турции (сильная и слабая фразовая позиция)

	Показатель		Сильная позиция				Слабая позиция			
			2 ПС	1 ПС	УС	13С	2 ПС	1 ПС	УС	13С
1 подгруппа	АИ	min/max	59/75	60/77	56/76	56/76	56/74	58/73	64/74	59/73
		mean	68,1	69,5	67,8	64,2	65,4	67,9	69,6	66,8
	ОИ	min	88,1	89	100	83,3	86,8	89	100	83,1
		mean	102,2	103,1		93,5	94,9	97,7		95,7
		max	120	120		111,9	102,9	104,5		106,2
	2 подгруппа	АИ	min/max	53/82	58/82	58/82	55/79	53/77	53/78	62/82
mean			71,6	72,4	71,9	67,8	68,3	70	72,4	69,3
ОИ		min	73,3	86,3	100	75,9	74,7	82,4	100	84,6
		mean	100,9	101,3		93,8	95,5	97,2		95,1
		max	120,6	119,4		113,2	106,2	107,1		110,9
3 подгруппа		АИ	min/max	52/81	51/82	50/84	46/80	50/79	54/80	57/81
	mean		68,1	69,4	68,5	64	67,6	70,9	71,2	68,8
	ОИ	min	84,4	87,2	100	79,7	80,8	88,9	100	85,9
		mean	101,3	101,8		93	96,1	99,6		95,8
		max	124	120		113,8	106,7	106,7		109,8
	4 подгруппа	АИ	min/max	48/64	48/66	47/68	37/63	47/61	44/65	46/65
mean			55,9	58,4	58	55	55,4	57,2	57,9	55,2
ОИ		min	87,7	88,2	100	77,1	82,5	92,1	100	80,3
		mean	99,9	101,4		90,3	98,7	99,2		95
		max	118,5	113,2		109	111,8	107,3		108,8
5 подгруппа		АИ	min/max	66/77	66/77	62/77	58/69	66/76	69/78	69/77
	mean		71	72,7	70,1	63,2	72,2	73,1	73,4	69,2
	ОИ	min	91,7	94,7	100	79,5	91,8	94,5	100	88
		mean	104,3	104,8		89,2	99,5	99,9		94,1
		max	117,7	114,9		100	108,6	105,7		101

	Показатель		Сильная позиция				Слабая позиция			
			2 ПС	1 ПС	УС	13С	2 ПС	1 ПС	УС	13С
Все подгруппы	АИ	min/max	48/82	48/82	47/84	37/80	47/79	44/80	46/82	44/82
		mean	68,5	69,8	68,7	64	66,6	68,9	70,3	67,4
	ОИ	min	73,3	86,3	100	75,9	74,7	82,4	100	80,3
		mean	101,5	102,2		92,9	96,1	98,3		95,3
		max	124	120		113,8	111,8	107,3		110,9

Для дикторов-эталонов получены следующие значения mean ОИ: 102% — 103% — 100% — 88,7% (для сильной позиции), 96,7% — 100,4% — 100% — 93,1% (для слабой позиции), что соответствует нормативному соотношению ОИ для СРЛЯ. Предметом настоящего исследования является процентное распределение ОИ гласных 1-го предупредного и ударного слогов (далее в примерах приводятся показатели mean ОИ в процентах), составляющих просодическое ядро, потенциально подверженное влиянию интерференции. Отметим, что показатели АИ и ОИ гласных 2-го предупредного и 1-го заударного зависят от физиологии дыхания (см. выше) и фразовых законов, в связи с чем далее детально не анализировались. В сильной фразовой позиции у русскоязычных дикторов в Турции процентное соотношение ОИ находится в нормативных пределах данного параметра для СРЛЯ (интенсивность предупредного гласного всегда больше или равна интенсивности ударного [Князев, 2006: 50]). Параметры АИ и ОИ вариативны, во всех подгруппах отмечены случаи значительного превышения ОИ 1 ПС над ОИ УС (например, ОИ 1 ПС = 119,4% у 2-й подгруппы; ОИ 1 ПС = 114,9% у 5-й подгруппы).

Наряду с нормативной реализацией РСС в сильной позиции отмечены единичные случаи выделения ударного гласного при помощи интенсивности (например, ОИ 1 ПС = 89% у 1-й подгруппы, ОИ 1 ПС = 86,3% у 2-й подгруппы), разница между ОИ 1 ПС и ОИ УС — от 10% и более. Так как данное соотношение параметров наблюдается во всех подгруппах, можно сделать вывод, что данное распределение связано не с возможными остаточными диалектными признаками, а с влиянием РСС турецкого языка на РСС русского, выделение ударного гласного становится возможным в том числе при помощи интенсивности.

В слабой фразовой позиции выявлены реализации РСС, близкие к СРЛЯ (например, ОИ 1 ПС = 104,5% у 1-й подгруппы, ОИ 1 ПС = 107,3% у 4-й подгруппы), при этом наблюдается тенденция к выделению ударного гласного при помощи интенсивности (ОИ

1 ПС = 97,7% у 1-й подгруппы, ОИ 1 ПС = 97,2% у 2-й подгруппы), но, в отличие от сильной позиции, процентная разница между слогами просодического ядра минимальна (не более 5%).

Общая формула mean ОИ для слабой позиции (96,1% — 98,3% — 100% — 95,3%) указывает на то, что данная позиция способствует увеличению реализаций с ударным гласным, выделенным при помощи интенсивности. Сравнение mean ОИ 1 ПС для дикторов-эталонов (100,4%, размер выборки $n_1 = 160$) и русскоязычных дикторов в Турции (98,3%, размер выборки $n_2 = 384$) при помощи t-критерия Стьюдента для независимых выборок выявило статистически значимое различие данных показателей ($p = 0,000013$ при уровне значимости $\alpha = 0,05^{12}$). При этом в слабой позиции наблюдается меньший разброс данных по сравнению с сильной позицией (например, у 1-й подгруппы в сильной позиции разница между max ОИ 1 ПС и min ОИ 1 ПС составляет 31%, в слабой — 15,5%).

Таким образом, несмотря на преобладание (преимущественно в сильной позиции) нормативного для СРЛЯ соотношения интенсивности гласных, можно наметить тенденцию к нарушению соотношения параметра интенсивности в слогах просодического ядра и к выделению ударного гласного при помощи интенсивности. Полученные в результате эксперимента данные указывают на признаки деформации РСС русского языка, находящегося под влиянием турецкого. Вариативность показателей интенсивности указывает на необходимость уточнения в дальнейшем схемы отбора материала, деления дикторов на подгруппы по иным критериям (длительность проживания в Турции, уровень знания и интенсивность использования турецкого языка), применения дополнительных методов обработки полученных результатов.

Список литературы

1. *Князев С.В.* Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.
2. *Князев С.В., Пожарицкая С.К.* Современный русский язык: фонетика. М., 2016.
3. *Общая и прикладная фонетика / Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н.* М., 1997.
4. *Савинов Д.М.* Редукционные модели в южнорусских говорах с диссимилятивным вокализмом // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. №. 3. С. 34–55.
5. *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Под ред. Е.А. Земской.* М.; Вена, 2001.

---

¹² t-критерий = 4,39, число степеней свободы $f = 542$.

6. Antonova-Ünlü E., Sağın-Şimşek Ç., Ateşman E., Lozovska A. Russian Immigrant Diaspora in Turkey: Language Use, Preference and Attitudes // *Turkish Studies*. 2015. № 16 (3). C. 391–410.
7. Aybak T. Russian-Speaking Diaspora in Turkey: The Geopolitics of Migration in the Black Sea Region // *Post-Soviet Migration and Diasporas*. 2017. C. 127–142.
8. Łukasiewicz B., Mołczanow J. The role of vowel parameters in defining lexical and subsidiary stress in Ukrainian // *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*. 2018. T. 54. № 3. C. 355–375.
9. Vogel I., Athanasopoulou A., Pincus N. Prominence, Contrast, and the Functional Load Hypothesis: An Acoustic Investigation // *Dimensions of Phonological Stress* / Под ред. J. Heinz, R. Goedemans, H. Van der Hulst. 2016. C. 123–167.
10. Zora H., Heldner M., Schwarz I.C. Perceptual correlates of Turkish word stress and their contribution to automatic lexical access: evidence from early ERP components // *Frontiers in Neuroscience*. 2016. T. 10, 7.

Viktoriya Nekrylova

**VOWEL INTENSITY AS A PARAMETER
FOR THE REALIZATION OF THE RHYTHMIC WORD
STRUCTURE IN THE SPEECH
OF RUSSIAN SPEAKERS LIVING IN TURKEY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The current article presents the results of a phonetic experiment conducted in July and August 2019. The research is aimed to analyze the rhythmic structure of words in the interfering speech of Russian speakers who live in Turkey. The participants of the experiment included 12 representatives of the Russian-speaking diaspora in Turkey. In order to distinguish between intra- and interlingual interference, the speakers were divided into numerous subgroups depending on the region of their origin (e.g. the territory of Central Russian dialects, southern territories, the territory of resettlement of native speakers of the Russian language, the regions influenced by Turkic languages, the so-called ‘contact zone’ of Russian and Ukrainian languages). The research included such stages as conducting survey of participants, compilation of 3 blocks of experimental materials for speakers, conducting auditory and acoustic analysis of text reading records. As part of the analysis, one of the possible correlates of word stress — vowel intensity — has been studied. The distribution of the relative vowel intensity for the 2nd and 1st pretonic and 1st post-tonic syllables of control words both in strong and weak phrasal positions has been pointed out. Numerous variants demonstrating vowel intensity

ratio within the norms of modern Russian literary language have been documented. Furthermore, in all the subgroups, stressed vowels were emphasized by means of intensity (mainly when control words were put in weak phrasal position), therefore, it is possible to identify a tendency towards the violation of the intensity parameter in syllables which make up the prosodic core. The data obtained as a result of the experiment indicate certain signs of deformation of the rhythmic structure of the Russian word, which is influenced by Turkish, where vowel intensity is one of the accompanying correlates of word stress.

Key words: Russian; Turkish; interference; word stress; rhythmic structure of words; vowel intensity.

About the author: *Viktoriya Nekrylova* — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nekrylova@ya.ru).

References

1. Knyazev S.V. *Struktura foneticheskogo slova v russkom yazyke: sinkhroniya i diakhroniya* [The phonetic structure of words in the Russian language: synchrony and diachrony]. Moscow, MAKS-Press, 2006. 226 p. (In Russ.)
2. Knyazev S.V., Pozharitskaya S.K. *Sovremennyi russkii yazyk: fonetika* [Modern Russian language: phonetics]. Moscow, Izdatel'stvo Yurait, 2016. 380 p. (In Russ.)
3. Zlatoustova L.V., Potapova R.K., Potapov V.V., Trunin-Donskoi V.N. *Obshchaya i prikladnaya fonetika* [General and applied phonetics]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1997. 416 p. (In Russ.)
4. Savinov D.M. Reduktsionnye modeli v yuzhnorusskikh govorakh s dissimilyativnym vokalizmom [Reduction models in South Russian dialects with dissimilative vocalism]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], 2014, 3, pp. 34–55. (In Russ.)
5. Zemskaya E.A. et al. *Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchie protsessy i rechevye portrety* [The Language of Russians Abroad: General Processes and Speech Portraits]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001. 498 p. (In Russ.)
6. Antonova-Ünlü E., Sağın-Şimşek Ç., Ateşman E., Lozovska A. Russian Immigrant Diaspora in Turkey: Language Use, Preference and Attitudes. *Turkish Studies*, 2015, 16 (3), pp. 391–410. doi: 10.1080/14683849.2015.1067864.
7. Aybak T. Russian-Speaking Diaspora in Turkey: The Geopolitics of Migration in the Black Sea Region. *Post-Soviet Migration and Diasporas. Migration, Diasporas and Citizenship*. Edited by Nikolko M., Carment D. Cham, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 127–142. doi: 10.1007/978-3-319-47773-2_9.
8. Łukaszewicz B., Mołczanow J. The role of vowel parameters in defining lexical and subsidiary stress in Ukrainian. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, 2018, 54, 3, pp. 355–375. doi: 10.1515/psicl-2018-0014.

9. Vogel I., Athanasopoulou A., Pincus N. Prominence, Contrast, and the Functional Load Hypothesis: An Acoustic Investigation. *Dimensions of Phonological Stress*. Edited by J. Heinz, R. Goedemans, H. Van der Hulst. Cambridge, Cambridge University Press, 2016, pp. 123–167. doi: 10.1017/9781316212745.006.
10. Zora H., Heldner M., Schwarz I.C. Perceptual correlates of Turkish word stress and their contribution to automatic lexical access: evidence from early ERP components. *Frontiers in Neuroscience*, 2016, 10, 7. doi: 10.3389/fnins.2016.00007.

Ли Дань, И.М. Кобозева

**КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА NP_{LOC}
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И 在 NP 上 В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ¹**

Хэйлунцзянский университет

150080, Китай, провинция Хэйлунцзян, г. Харбин, ул. Сюе Фу, д. 74

Цзилиньский университет иностранных языков

130000, Китай, провинция Цзилинь, г. Чанчунь, ул. Цзин Юэ, д. 3658

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

На базе принципов когнитивной семантики исследуются пространственные употребления предлога *на* (в сочетании с NP в предложном падеже) в русском языке в сопоставлении с рамочной конструкцией “在NP上” (zài NP shàng) в китайском. Для семантического представления этих употреблений используются графические изображения образных схем — ментальных конструкций, отражающих пространственные отношения «трактора» и «ориентира». Анализ сопоставляемых маркеров показывает, что, хотя образные схемы, отражаемые ими, во многом совпадают, но полной переводной эквивалентности между этими маркерами нет. Это объясняется не только тем, что для одной из образных схем, выражаемых китайской конструкцией, в русском языке используется предлог *над*, но и рядом других факторов: конкуренцией альтернативных схем для одной и той же реальной пространственной конфигурации и предпочтением в русском языке той, которая кодируется другим предлогом (*лампа под потолком* > *лампа на потолке*; *дырка в подошве* > *дырка на подошве*); более сильным влиянием топологического типа объекта-ориентира и характера движения трактора на выбор предлога в русском языке.

Ключевые слова: когнитивная семантика; конструкции с пространственными предлогами; русский язык; китайский язык; *на NP_{loc}*; 在NP上 (zài NP shàng); образная схема; топологический тип.

Ли Дань — кандидат филологических наук, доцент Цзилиньского университета иностранных языков (e-mail: lid120306@126.com).

Кобозева Ирина Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kobozeva@philol.msu.ru).

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № JGJX2020D233 (Изучение семантической структуры русских пространственных предлогов с междисциплинарной точки зрения), поддержанного Обществом высшего образования провинции Цзилинь (КНР).

1. Введение

По данным [Русская грамматика, 1980] в русском языке имеется 204 предлога. В [Люй Шусян, 2007] приводится анализ 60 предлогов и предлагается их типологическая классификация. Уже на этой основе можно ожидать, что русский язык отражает отношения между объектами, в том числе пространственные, более детально, а китайский язык — более интегрально.

Пространственные отношения (далее — ПО) между явлениями и процессами окружающего нас мира кодируются в языках мира различными грамматическими и лексическими средствами. В китайском языке ПО в основном выражаются при помощи предлогов и послелогов [Цуй Силян, 2004: 93]. Учитывая особенности выражения ПО в китайском языке, Лю Даньцин предложил понятие «рамочной конструкции». По Лю Даньцину, рамочная конструкция образуется предлогом и послелогом, между которыми стоит имя [Лю Даньцин, 2002]. Мы будем рассматривать рамочные конструкции типа 在 + NP + P с предлогом 在, имеющим общее значение локализации (LOC), например, 在桌子上 (zài zhuōzi shàng) ‘на столе’, 在水中 (zài shuǐ zhōng) ‘в воде’, 在房子里 (zài fángzi lǐ) ‘в доме’ и т.д. В русском языке для выражения ПО используются предлоги. Особенность предлогов в русском языке заключается в том, что в выражении определенного значения участвуют не только предлог, но и форма падежа. Русские предложно-падежные конструкции соответствуют по своей функции китайским рамочным конструкциям. Мы сопоставим русскую конструкцию на NP_{loc} и китайскую конструкцию «在NP上» (zài NP shàng), выражающие пространственное значение суперэссива (SUPER), с целью выявления сходств и различий в наборах пространственных ситуаций, отражаемых этими показателями.

Данные конструкции будут сопоставляться на основе когнитивного подхода. Мы рассмотрим их важнейшие пространственные употребления, лежащие в их основе когнитивные схемы, и выявим главные сходства и различия между ними.

Когнитивная лингвистика — это направление в языкознании, которое исследует роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта. Взаимодействуя с миром, человек осваивает существующие в нем пространственные отношения: внутри-снаружи, верх-низ, справа-слева и т.д. В процессе многократных актов восприятия окружающего мира представления о пространственных отношениях закрепились в человеческом сознании, в когнитивном аппарате человека в виде обобщенных схем. М. Джонсон назвал базовые абстрактные когнитивные структуры, которые образовались в ре-

зультате взаимодействия человека с окружающим миром «образными схемами» (image-scheme) [Johnson, 1987]². Р. Лангакер, описывавший семантику пространственных предлогов с использованием таких обобщенных схем, представляемых в виде рисунков, ввел термины *траектор* (trajector) и *ориентир* (landmark) [Langacker, 1987; 1991]³. Мы будем использовать эти термины для описания образных схем, соответствующих предлогу *на* в локативном значении, т.е. в том, которое он имеет в конструкции *на NP_{loc}*, и рамочной конструкции “*在NP上*” (*zài NP shàng*). В простейшей локативной пространственной ситуации статичный объект-траектор (TR), находящийся в фокусе внимания, локализуется относительно статичного объекта-ориентира (LM), который является вторичным фокусом, например, *На столе (LM) лежит книга (TR)*. В более сложном случае подвижный TR локализуется относительно статичного LM, например *На сцене (LM) танцует девушка (TR)*. Отличие локативной ситуации с подвижным TR от направительной пространственной ситуации, выражаемой в русском и китайском языке иными средствами, состоит в следующем. В локативной ситуации подвижный TR либо движется, не меняя своих пространственных координат (например, *крутится, кланяется, приседает, колышется*), либо совершает разнонаправленные или однонаправленные движения, оставаясь в границах LM, концептуализируемого как поверхность (например, *гулять на площадке, бегать на стадионе*). В направительной ситуации TR перемещается с целью достижения неподвижного LM, концептуализируемого как точка (напр., *идти на площадку, бежать на стадион*). Мы графически представим локативные образные схемы для ситуаций с неподвижным TR, а ситуации с подвижным TR будем описывать вербально⁴.

Прототипические значения локативных конструкций *на NP_{loc}* в русском языке и *在NP上* (*zài NP shàng*) в китайском включают идею контакта между TR и LM. Соответствующие им образные схемы различаются по пространственной конфигурации TR и LM. При этом важно обращать внимание на такой аспект образных схем, как топологические типы TR и LM, потому что именно от этого часто зависит, сохранится ли переводная эквивалентность рассматриваемых локативных конструкций.

² Е.В. Рахилина предлагала переводить этот термин как «топологическая схема», подчеркивая тем самым, что такие схемы исходно сформировались на основе пространственных ощущений и моторных реакций человека [Рахилина, 2000: 364–365].

³ Л. Талми использовал с той же целью понятия *фигуры* (figure) и *фона* (ground) [Talmy, 1983].

⁴ В данной работе мы не рассматриваем ситуации, в которых не только TR, но и LM находится в движении, ср., *ехать на автобусе, скакать на лошади* и т.п.

Понятие топологического типа было введено Л. Талми для моделирования языковой концептуализации пространства [Talmy, 1983]. Он показал, что в языковой картине мира многообразие реальных форм объектов сводится к ограниченному числу схематизированных и абстрагированных геометрических форм, которые он и назвал топологическими типами⁵. В [Talmy, 2000: 245–252] упоминаются такие топологические типы, как ТОЧКА, ЛИНИЯ, ПЛОСКОСТЬ, ОКРУЖНОСТЬ, ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО (ENCLOSURE), ЦИЛИНДР, ОТВЕРСТИЕ и их варианты с фиксированной ориентацией, например ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ЦИЛИНДР, и/или дополнительным признаком замкнутости, например, ЗАМКНУТАЯ (BOUNDED) ЛИНИЯ (т.е. отрезок). Такие семантические единицы используются Л. Талми при описании семантики конструкций с пространственными предлогами в английском и других языках. Е.В. Рахилина, описывая в терминах топологических типов сочетаемость русских прилагательных размера, в своем семантическом метаязыке помимо топологических «примитивов» Л. Талми использовала имена прототипических физических объектов, которые кроме геометрических характеристик, ориентации в пространстве и замкнутости могут указывать и на иные их свойства, например, гибкость/жесткость, ср. тип ВЕРЕВКИ vs. СТЕРЖНИ [Рахилина, 2000: 126].

Л. Талми показал, что для языковой концептуализации пространства более важна конкретизация топологического типа для LM (Фона в его терминологии), тогда как TR (Фигура в его терминологии) в большинстве пространственных конфигураций сводится к типу ТОЧКА (см. об этом также в [Кобозева, 1995: 147]). Именно поэтому в приводимых ниже образных схемах TR в большинстве случаев изображается единообразно — в виде трехмерной прямоугольной фигуры.

2. Сопоставление образных схем, кодируемых конструкциями на NP_{loc} и «在 NP 上» (zài NP shàng)

2.1. Схема, в которой TR находится в контакте с LM, LM горизонтально ориентирован, TR расположен выше LM. В такой пространственной конфигурации LM могут относиться к разным топологическим типам. В плане перевода с китайского языка на русский важно разграничить три случая.

---

⁵ В более поздней работе [Talmy, 2000], в том же значении используется термин «геометрическая схема», но мы будем продолжать использовать термин «топологический тип», поскольку именно он закрепился в узусе российских лингвистов, см., например, [Рахилина, 2000].

2.1.1. LM выражен существительным со значением места (географического объекта), напр., *земля, море, поле*, вещественным именем (которое в данном контексте обозначает место, покрытое слоем данного «вещества»), напр., *лед, трава* или именем с предметным значением: *стол, стул, полка, кровать* и т.д. В контексте рассматриваемых конструкций все вышеуказанные LM концептуализируются как двумерные объекты, относящиеся к топологическому типу ПОВЕРХНОСТЬ (ПЛОСКОСТЬ). Предметные LM типа *стол* в контексте рассматриваемых конструкций относятся к типу ПОВЕРХНОСТЬ, потому что основная функциональная часть обозначаемых ими объектов (в случае стола — столешница) относится именно к этому топологическому типу. TR обычно выражен предметным именем существительным. Площадь соприкосновения TR и LM не существенна (ср. *человек лежит на кровати, рюмка стоит на столе*). В этом случае, представленном на рис. 1, используется предлог *на* и его китайский эквивалент 在 NP 上 (*zài NP shàng*).

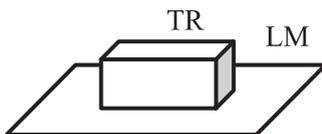

Рис. 1

- (1) 信纸 和 钢笔 在桌子上⁶。
 Xìnzǐ hé gāngbǐ zài=zhuōzi-shàng.
 Бумага и ручка LOC=стол-SUPER⁷
 Бумага и ручка **на столе**.
- (2) 小刘 躺 在床上。
 xiǎo-liú tǎng zài=chuáng-shàng.
 Сяо Лю лежать LOC=кровать-SUPER.
 Сяо Лю лежал **на кровати**.

В (1) и (2) предикат предложения, актантом которого выступают интересующие нас конструкции, относится к типу стативных, обозначающих либо собственно местоположение (1) или местоположение с указанием ориентации TR относительно LM (2). Но данные

⁶ Все китайские примеры взяты из Корпуса Пекинского Университета Языка и Культуры (BLCU Chinese Corpus, сокращенно BCC) и переведены на русский язык авторами данной статьи.

⁷ Здесь и далее мы используем Лейпцигскую систему правил глоссирования [URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>]: CL — классификатор, счетное слово; LOC — локатив, POSS — possessивная частица; PROG — прогрессив; SUPER — суперэссив, а также добавляется глосса BA для частицы, используемой при инверсии прямого дополнения.

локативные конструкции сочетаются и с динамическими предикатами. Рассмотрим пример (3):

- (3) 黑色的 船只 在水上 漂浮摇晃。
Hēisè=de chuánzhī zài=shuǐ-shàng piāofú-yáohuàng.
Чёрный=ATR лодка LOC=вода-SUPER плавать-качаться.
На воде качаются чёрные лодки.

Здесь представлен предикат колебательного движения со значением ‘качаться’. Как можно видеть, подвижность объекта, не связанная с его перемещением в другую точку, не меняет способа кодирования образной схемы в обоих языках по сравнению с ситуацией, в которой локализуемый объект неподвижен. Иной случай представлен в (4).

- (4) 他 把 瓦莲卡的 相片 放 在自己桌子上。
Tā bǎ wǎliánkǎ=de xiàngpiàn fàng zài=zìjǐ-zhuōzi-shàng.
Он ВА Варенька=ATR фото ставить LOC=свой-стол-SUPER.
Он поставил у себя **на столе** портрет Вареньки.

В (4) LM по-прежнему ПОВЕРХНОСТЬ (стола), но локативная группа заполняет в данном случае валентность каузативного глагола перемещения объекта со значением ‘ставить’. В семантической структуре таких глаголов заключены две предикации: ‘субъект X сделал нечто с объектом Y, и в результате этого Y переместился в место Z’. При условии, что Z относится к типу ПОВЕРХНОСТЬ, валентность Конечного Пункта перемещения в русском языке, как правило, кодируется конструкцией *на NP_{acc}*, ср. *Я поставил фотографию Вареньки себе на стол*. Логическим следствием перемещения в пункт Z является нахождение Y-а в Z. Это следствие составляет третью, имплицитную, предикацию в семантической структуре предложений с глаголом перемещения. Это уже локативная предикация, в которой Z является актантом с ролью Места, а такая роль кодируется для Z типа ПОВЕРХНОСТЕЙ конструкцией *на NP_{loc}*. Это результирующее местонахождение объекта полностью соответствует образной схеме на рис. 1. Таким образом, вариативное управление глаголов каузации перемещения объекта типа *поставить, повесить, посадить, положить (на что/на чем)* объясняется наличием в их значении компонента перемещения и имплицитного им компонента результирующего местоположения. Каждый из вариантов модели управления профилирует (акцентирует) соответствующий ему компонент: *на NP_{acc}* — перемещение, *на NP_{loc}* — результирующее местоположение. В китайском языке также есть возможность кодирования каузации перемещения с профилированием «направительного» компонента при помощи конструкции 到NP上 (dao NP shang) с направительным предлогом 到 (dao) вместо 在 (zài).

2.1.2. При том же взаимном расположении TR и LM, LM представлен существительными, обозначающими объекты, концептуализируемые как одномерные, т.е. относящиеся к топологическому типу ЛИНИЯ по [Talmy, 2000] (ср. «стержни» или «веревки» по [Рахилина, 2000]) и при этом служащие ОПОРОЙ для TR (рис. 2).

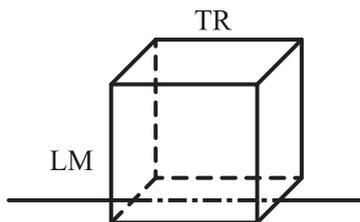

Рис. 2

(5) ... товарищ ... танцует **на проволоке** с саблями.⁸

(6) 他 穿着 溜冰鞋 在钢丝上 滑行。
 Tā chuān-zhe liūbīngxié zài=gāngsī-shàng huáxíng.
 Он носить-PROG ролик LOC=проволока-SUPER кататься.
 Он на роликах катается **по проволоке**.

Пример (5) показывает, что даже если LM не относится к типу ПОВЕРХНОСТЬ, но при этом служит ОПОРОЙ для TR, то местоположение TR относительно LM обозначается при помощи *на NP_{loc}* как в случае статичного, так и в случае подвижного TR (в данном случае танцующего). Важно, чтобы TR при этом воспринимался как остающийся на одном месте. Китайским эквивалентом конструкции *на NP_{loc}* (*на проволоке*) в таких случаях будет, как обычно, рамочная конструкция “*在NP上*” (*在钢丝上 zài=gāngsī-shàng*). Однако в (6) эта эквивалентность нарушается. Ту же китайскую конструкцию при том же LM уже нельзя переводить с помощью *на NP_{loc}* (**Он на роликах катается на проволоке*). Единственно возможной становится группа *по NP_{dir}*. Дело здесь как в семантике глагола (*кататься*), так и в топологическом типе LM — ЛИНИЯ. Глагол *кататься* в основном его значении относится к моторно-кратным, подгруппе разнонаправленного движения [Сичинава, 2011]. Такие глаголы могут управлять группой *на NP_{loc}*, но только в том случае, если *NP_{loc}* обозначает LM типа ПОВЕРХНОСТЬ, как, например, в (7):

(7) Мы **катаемся на катке** под бравурные мелодии наших любимых маршей ...

⁸ Здесь и далее русские примеры, не являющиеся переводами китайских, взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Разнонаправленное движение по поверхности может иметь произвольную траекторию. Конструкция *на NP_{loc}* указывает только на область, в пределах которой TR перемещается в тех или иных направлениях. Но проволока относится к типу ЛИНИЯ, а в данном контексте также и к типу ОПОРА. Разнонаправленное движение по ЛИНИИ, являющейся ОПОРОЙ возможно только в том случае, если TR (многократно) движется в направлении, строго определяемом этой линией, а затем возвращается в противоположном направлении. Иначе TR потеряет контакт с ОПОРОЙ и уже не сможет двигаться тем же способом, которым двигался ранее (например, будет уже не *кататься* или *ползть*, а *падать/лететь вниз*). В русском языке (разно)направленное движение TR, определяемое линейной траекторией, кодируется предложной конструкцией *по NP_{loc}*, ср. (*идти/ходить по (*на) дороге, лезть/лазть по канату (*на канате* и т.п.). Таким образом, в контекстах, когда LM относится к типу ЛИНИЯ + ОПОРА, рассматриваемые конструкции русского и китайского языков утрачивают эквивалентность, если описывается разнонаправленное движение вдоль LM.

2.2. Схема, в которой TR находится в контакте с LM, относящимся к топологическому типу ПОВЕРХНОСТЬ и ориентированному наклонно (рис. 3).

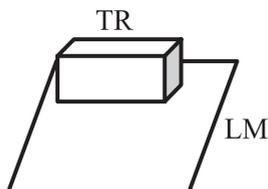

Рис. 3

(8) Не улица, а тропа под горою. Дома все **на горе**. [НКРЯ]

(9) 白天, 羊儿 散 在坡上。

Báitīān yángér sǎn zài=pō-shàng.

День овца ходить LOC=склон-SUPER.

Днём овцы пасутся **на склоне**.

Как и в случае с горизонтально ориентированными LM типа ПОВЕРХНОСТЬ, локализация TR, находящегося в контакте с таким LM, кодируется рассматриваемыми конструкциями, независимо от того, находится ли TR в неподвижности (8) или перемещается в пределах LM (9).

2.3. Схема, в которой LM относится к топологическому типу ПЛАСТИНА, наибольшая из поверхностей LM ориентирована

вертикально, а TR находится в контакте с его меньшей верхней поверхностью, ориентированной горизонтально и расположен выше нее (рис. 4). Эта образная схема представлена в примере (10).

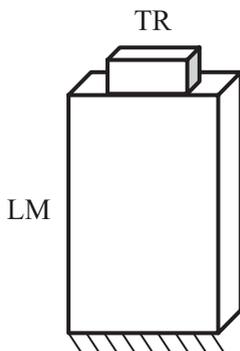

Рис. 4

- (10) 几只 麻雀 在围墙上。
 Jǐ-zhī máquè zài=wéiqiáng-shàng.
 Несколько-CLF воробей LOC=забор-SUPER.
 Воробьи сидят **на заборе**.

В случае статических ситуаций, как в (8), конструкции *на NP_{loc}* и *zài=NP-shàng* эквивалентны, но в ситуациях, в которых TR совершает (разно)направленные перемещения эквивалентность утрачивается (ср. 2.1.2). Верхняя наименьшая из поверхностей объекта типа ПЛАСТИНЫ относится к топологическому типу ПОЛОСА. Траектория движения TR по ПОЛОСЕ, служащей ОПОРОЙ для TR, определяется расположением этой полосы, и в русском языке в таких случаях употребляется не *на NP_{loc}*, а *по NP_{dat}*, ср. *По верхнему торцу монитора ползет/ползает муравей* vs. **На верхнем торце монитора ползет/ползает муравей*.

2.3. Схема, в которой LM типа ПОВЕРХНОСТЬ или наибольшая из поверхностей LM типа ПЛАСТИНА ориентирована вертикально, и TR находится в непосредственном или опосредованном контакте с этой поверхностью (рис. 5). Данная схема является трансформацией образной схемы 2.1, которая состоит в повороте ее на 90°. В схеме 2.1 TR был выше LM над поверхностью земли и опирался на LM, что обеспечивало пребывание TR в состоянии покоя. В схеме 2.3 LM сам по себе уже не служит опорой для TR. Для стабильности такой конфигурации важно, чтобы TR не утрачивал контакт с LM под действием силы тяжести, поэтому, как правило, TR так или иначе закреплен на поверхности LM, как клетка на стене в (11).

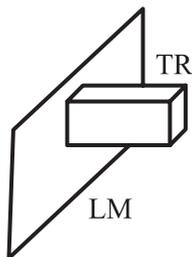

Рис. 5

- (11) 一只 鸟笼 挂 在墙上。
 Yì-zhī niǎo-lóng guà zài=qiáng-shàng.
 Один-CL птица-клетка висеть LOC=стена-SUPER
 Одна клетка для птиц висит на стене.

Заметим, что в этом случае в непосредственном контакте с LM может быть только крепление, а TR может не иметь с LM непосредственного контакта. Так, если клетка висит на длинном крюке, вбитом в стену, и непосредственно стены не касается, все равно будет сказано, что клетка висит *на стене* (рус.) = 在墙上 (кит.). Игнорирование возможного расстояния между TR и LM в таких случаях — типичное проявление идеализации реальных пространственных конфигураций в процессе их языковой схематизации.

Не требуют специального закрепления в такой пространственной конфигурации только TR, представляющие собой следы вещества, случайно оставленные или намеренно нанесенные на поверхность LM, как надписи (мелом или фломастером) на школьной доске в (12).

- (12) 老师 在黑板上 写字。
 Lǎoshī zài=hēibǎn-shàng xiězì.
 Учитель LOC=доска-SUPER писать.
 Учитель пишет **на** доске.

Как мы видим, рассматриваемые конструкции кодируют данную схему не только при предикатах положения в пространстве, ср. ‘висеть’ в (11), но и при предикатах действия, обозначающих покрытие поверхности письменами или рисунками: ‘писать’, ‘рисовать’ и т.п. В последнем случае локативные конструкции так же, как в случае предикатов каузации перемещения в 2.1.1, профилируют результирующее состояние: положение разного рода «следов» вещества, нанесенных на поверхность.

2.4. Схема, при которой TR контактирует с LM, относящимся к топологическому типу ПОВЕРХНОСТЬ или ПЛАСТИНА и расположенным выше, чем TR, и выше, чем наблюдатель. При этом

контакт TR и LM может быть непосредственным или опосредованным. На рис. 6 серым цветом обозначен уровень отсчета, на котором находится наблюдатель.

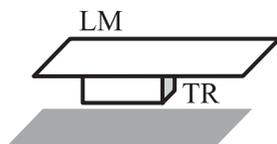

Рис. 6

Схема 2.4 получена трансформацией образной схемы 2.3, состоящей в повороте последней на 90°⁹, поэтому достаточно будет одного примера:

- (13) 光秃秃的 灯泡 挂 在 天花板上。
 Guāngtūtū-de dēngpào guà zài=tiānhuābǎn-shàng.
 Лысый-ATR лампочка висеть LOC=потолок-SUPER
 Лысая лампочка висит **на** потолке.

Следует отметить, что по-русски такие пространственные конфигурации, как в (13) чаще описываются при помощи конструкции *под NP_{ins}* (в НКРЯ 11 *на потолке* против 45 *под потолком*), что отражает не подведение той же реальной пространственной конфигурации под другую образную схему, а изменение фокуса внимания. Если в случае *на* в фокусе контакт между TR и LM, то в случае *под* — в фокусе расположение TR ниже LM (по отношению к уровню отсчета). В китайском языке в таких случаях регулярно используется конструкция 在 NP 上 (zài NP shàng).

2.5. Схема, в которой LM — ПОВЕРХНОСТЬ или ПЛАСТИНА, а TR — ОТВЕРСТИЕ. Поскольку ориентация LM в данном случае оказывается несущественной, мы рассмотрим только один конкретный пример воплощения такой схемы — отверстие в подошве обуви (рис. 7), интересный тем, что в русском языке та же пространственная конфигурация может подводиться и под другую схему. Хотя основная ориентация LM «подошва» (та, которую обувь имеет при ее использовании) — горизонтальная, в контакте с уровнем отсчета (землей, полом и т.п.), но ее легко можно изменить, если, держа обувь в руках, поворачивать ее. При этом положение, например, ботинка, не повлияет на способ выражения пространственного отношения между отверстием и подошвой.

В китайском языке данная схема кодируется при помощи конструкции 在 NP 上. В русском языке в данном случае можно ис-

⁹ Разумеется, это эквивалентно трансформации образной схемы 2.1, состоящей в повороте ее на 180°.

пользовать конструкцию *на NP_{loc.}*, как показывает пример (14) из НКРЯ, но чаще используется *в NP_{loc.}*, причем в ряде контекстов *в NP_{loc.}* становится обязательной, как в (15):

Рис. 7

(14) ... дырку **на** подошве я всё время заклеивал пластырем.

(15) 她在鞋底上戳一个眼儿。
Tā zài xiédǐ shàng chuō yí gè yǎnr.

Она LOC=подошва-SUPER протыкать один дырка.

Она проткнула дырку **в** (*на) подошве железным шилом.

Русский эквивалент в (15) демонстрирует, что то же самое пространственное отношение может подводиться под другую образную схему, в которой LM концептуализируется не как ПЛАСТИНА, а как КОНТЕЙНЕР, в пределах которого находится TR — ОТВЕРСТИЕ. При этом корпусные данные показывают, что второй способ для русского языка основной. Поскольку в НКРЯ нашлось всего два примера на данную конкретную схему, что явно недостаточно для выводов о сравнительной частотности конструкций, мы обратились к гораздо большему по объему корпусу Генеральному интернет-корпусу русского языка (ГИКРЯ), в котором запросы на сочетания *дырка/дырку на подошве* и *дырка/дырку в подошве* дали следующие результаты: *дырка/дырку на подошве* в сумме три примера, а *дырка/дырку в подошве* — 21, что ясно показывает, какой из вариантов концептуализации превалирует.

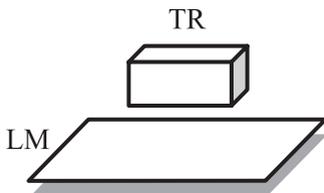

Рис. 8

2.6. Схема, при которой TR расположен выше, чем LM относительно уровня отсчета, и при этом контакта между ними нет (рис. 8).

Рассмотрим следующие примеры:

(16) 他们 看见 日本 飞机 在=头-上 绕。
 Tāmen kàn-jiàn rìběn fēijī zài=tóu-shàng rào.
 Они видеть-PFV Япония самолёт LOC=голова-SUPER около.
 Они увидели японский самолёт над головой.

(17) 海鸥 在 海 上 飞翔。
 Hǎiōu zài=hǎi-shàng fēixiáng
 Чайка LOC=море-SUPER летать
 Чайки летают над морем.

(18) 晨 雾 在田野上 轻轻地 飘动。
 chén wù zài=tiányě-shàng qīngqīngde piāodòng
 утро туман LOC=поле-SUPER мягко колыхаться
 Утренний туман слегка колыхнется над полем.

Мы видим, что данная образная схема может кодироваться при помощи в NP 上, но в русском языке ей будет соответствовать уже не *на NP_{loc}*, а *над NP_{ins}*. Русские конструкции *на NP_{loc}* и *над NP_{ins}* в их пространственном значении разграничивают образные схемы 2.1.2 и 2.6 по параметру контакта между LM и TR. Предлог *на* указывает на наличие непосредственного контакта между LM и TR, а предлог *над* — на отсутствие такового. Предлог *над* в русском переводе примера (18) указывает на то, что слой тумана воспринимается как отделенный от поверхности поля. Но в том случае, если он воспринимается как соприкасающийся с этой поверхностью, то будет использоваться предлог *на*, как в примере (19) из НКРЯ:

(19) Приходила осень со своими дождями, низкими туманами **на** полях ...

Следует подчеркнуть, что в китайском языке есть способ выразить отсутствие контакта между LM и TR в рассматриваемой образной схеме, но используется он тогда, когда выражение этого компонента смысла существенно для коммуникации. Рассмотрим пример (20):

(20) 在桌子 上方 有 一盏 灯。
 Zài=zhuōzi-shàng-fāng yǒu yì-zhǎn dēng
 LOC=стол-SUPER-fang есть один-CL лампа
Над столом лампа.

Мы видим, что к морфеме суперэссива 上 (shang) добавляется субморф 方 (fang), и получается послелог, по значению совпадающий

с русским *над*. Если бы элемента 方 не было, то (20) уже активировало бы не схему 2.6., а схему 2.1: TR находится выше LM и в контакте с ним, и русским эквивалентом стала бы фраза *На столе лампа*.

3. Заключение

Мы рассмотрели основные образные схемы, активируемые конструкциями 在 NP 上 и на NP_{loc} в их прямом пространственном значении, и показали, что набор схем, кодируемых русской конструкцией, является подмножеством схем, кодируемых китайской конструкцией. Это происходит потому, что предлог *на* исключает схемы, в которых между объектом-траектором и объектом-ориентиром отсутствует хотя бы опосредованный контакт. Схема, в которой траектор выше ориентира и между ними нет контакта, в русском языке кодируется при помощи предлога *над*. Во-вторых, в двух случаях, когда в принципе использование *на NP_{loc}* возможно, в русском узусе предпочитается использование других конструкций. Это происходит, во-первых, в случае опосредованного контакта траектора с ориентиром, находящимся выше (схема 2.4), когда предпочитается конструкция *под NP_{ins}* (ср. *люстра на потолке/под потолком*), которая профилирует не наличие контакта, а положение траектора (или его основной функциональной части) ниже ориентира. Во-вторых, это происходит, когда одна и та же пространственная ситуация допускает альтернативные пути схематизации. Так, положение траектора ОТВЕРСТИЕ по отношению к ориентиру ПЛАСТИНЕ, может быть соотнесено со схемой «TR в контакте с большей из поверхностей LM типа ПЛАСТИНА» (2.5), но чаще концептуализируется в виде иной схемы — «TR находится в границах LM типа КОНТЕЙНЕР» (ср. *дырка на подошве/в подошве*). Наконец, возможность использования конструкции *на NP_{loc}* может ограничиваться характером движения траектора по отношению к ориентиру в рамках схемы «TR в контакте с LM типа ЛИНИЯ или ПОЛОСА, служащим для него опорой» (схемы 2.2 и 2.3). Так, если TR совершает разнонаправленные движения вдоль LM, то его пространственное отношение к LM должно выражаться конструкцией *по NP_{dar}*. Все наблюдаемые различия между рассматриваемыми конструкциями объяснимы, с одной стороны, нетождественным распределением универсальных образных схем между средствами их вербализации в разных языках, а с другой стороны, возможностями подведения одной и той же реальной пространственной конфигурации под альтернативные образные схемы. Анализ употребления двух близких по значению пространственных конструкций в терминах соответствующих им образных схем, подтвердил наблюдение о большей обобщенности

китайских показателей пространственных значений и продемонстрировал необходимость учета большего количества контекстуальных факторов при вербализации пространственных отношений в русском языке.

Список литературы

1. *Кобозева И.М.* Как мы описываем пространство, которое видим: проблема выбора «ориентира» // Труды международного семинара «Диалог'95» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995. С. 146–153.
2. *Лю Даньцин* 刘丹青.汉语中的框式介词 [Рамочный предлог в китайском языке] // 当代语言学. [Современная лингвистика]. 2002. № 4. С. 241–253.
3. *Люй Шусян* 吕叔湘.现代汉语800词 [800 слов в современном китайском языке]. 北京: 商务印书馆出版, 2007.
4. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2008.
5. Русская грамматика. М., 1980.
6. *Сичинава Д.В.* Части речи. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.
7. *Цуй Силян* 崔希亮.认知图式与句法表现 [Когнитивные схемы и синтаксические выражения] // 北京语言大学汉语语言学文萃:语法卷 [Сборник статей по лингвистике китайского языка Пекинского университета языка и культуры: грамматический том], 2004.
8. *Johnson M.* The Body in the Mind: The Body Basis of Meaning, Imagination and Reason. Chicago, 1987.
9. *Langacker R.W.* Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.
10. *Langacker R.W.* Cognitive Grammar // F.G. Droste, J.E. Joseph (eds). Linguistic theory and grammatical description. Amsterdam, 1991.
11. *Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics, 2 vols. Vol. 1. Concept Structuring Systems. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000. Pp. viii + 565.
12. *Talmy L.* How language structures space // H. Pick, L. Acredolo. (eds) Spacial orientation: theory, research, and application. N.Y., 1983.

Li Dan, Irina Kobozeva

A CONTRASTIVE STUDY OF SPATIAL CONSTRUCTIONS *HA NP_{LOC}* IN RUSSIAN 在 NP 上 IN CHINESE FROM A COGNITIVE PERSPECTIVE

Heilongjiang University

74 Xuefu Road, Harbin city, Heilongjiang Province, China, 150080

Jilin International Studies University

3658 Jingyue Road, Changchun city, Jilin Province, China, 130000

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Drawing on the principles of cognitive semantics, this paper presents a contrastive study of locative constructions with a spatial meaning ‘on’ — *na NP_{loc}* in Russian and 在 NP 上 in Chinese. The semantics of these constructions is represented by the pictures of image-schemata, or mental structures, that reflect spatial relations of Trajector and Landmark. The analysis of these markers shows that, although their underlying image-schemata are similar, the markers are not always translational equivalents. This is accountable not only by the fact that for one of the image-schemata expressed by 在 NP 上 in Chinese, in Russian, a construction with preposition *над* (‘above’) is used, but also by some other factors, including the existence of alternative schemes for one and the same real spatial situation and the priority given in Russian to the alternative encoded by another preposition (*лампа под потолком* ‘a lamp under the ceiling’ > *лампа на потолке* ‘a lamp on the ceiling’; *дырка в подошве* ‘a hole in the sole’ > *дырка на подошве* ‘the hole on the sole’); the greater influence of the topological type, to which the Landmark object belongs, and of the kind of Trajector movement on the choice of preposition in Russian.

Key words: cognitive semantics; constructions with spatial prepositions; Russian; Chinese; *na NP_{loc}*; 在 NP 上 (*zài NP shàng*); image-schema; topological type.

About the authors: *Li Dan* — PhD, Associate Professor, Jilin Huaqiao Foreign Languages Institute (e-mail: lid120306@126.com); *Irina Kobozeva* — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kobozeva@philol.msu.ru).

References

1. Johnson M. *The Body in the Mind: The Body Basis of Meaning, Imagination and Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
2. Kobozeva I.M. Kak my opisivaem prostranstvo, kotoroe vidim: problema vybora “orientira”. [How we describe the space we see] In: *Trudy mezhdunarodnogo seminara “Dialog’95” po komp’juternoj lingvistike i ee prilozhenijam*. Kazan’, 1995, ss. 146–153.

3. Langacker R.W. *Foundations of cognitive grammar. Vol. I: Theoretical prerequisites*. Stanford: SUP, 1987.
4. Langacker R.W. *Cognitive Grammar* // F.G. Droste, J.E. Joseph (eds). *Linguistic theory and grammatical description*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991.
5. Lu Danqing. 刘丹青. 汉语中的框式介词. [Frame preposition in Chinese] In: *当代语言学*. [Modern linguistics]. 2002. № 4, pp. 241–253.
6. Luj Shusian. 吕叔湘. 现代汉语800词 [800 words in modern Chinese]. 北京: 商务印书馆出版, 2007.
7. Qui Silian. 崔希亮. 认知图式与句法表现 [Cognitive schemata and syntactic expressions] // 北京语言大学汉语语言学文集: 语法卷 [Collected papers on Chinese linguistics of Beijing university of language and culture: grammar volume], 2004.
8. Rahilina E.V. *Kognitivnyj analiz predmetnyh imjon: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of object names: semantics and combinability]. M.: Russkie slovari, 2008.
9. *Russkaja grammatika*. M.: Nauka, 1980.
10. Sichinava D.V. *Chasti rechi. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russoj grammatiki* (URL: <http://rusgram.ru>). M.: Manuscript, 2011.
11. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*, 2 vols. Vol. 1. *Concept Structuring Systems*. Cambridge, Mass.: MIT Press. 2000. Pp. viii + 565.
12. Talmy L. How language structures space. In: H. Pick, L. Acredolo (eds), *Spacial orientation: theory, research, and application*. N.Y.: Plenum, 1983.

А.Л. Токарева

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГНЕВА КАК СУБСТАНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет»

125993, Москва, Миусская площадь, 6

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

129090, Москва, ул. Большая Спасская, 15, стр. 1, 4

В статье рассматривается система метафорических выражений, использующихся в современной итальянской художественной прозе для описания с помощью образов субстанций различных аспектов фрейма “ira” («гнев»). Корпусное исследование показывает, что метафоры субстанций занимают важнейшее место в представлении гнева как в количественном, так и в качественном отношении. Предлагаемый в статье семантический и контекстуальный анализ материала корпусов художественной прозы позволяет выявить компоненты фрейма “ira”, предпочтительно описываемые метафорами ГНЕВ — ЭТО СУБСТАНЦИЯ, ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ, ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ/ГАЗ, ГНЕВ — ЭТО ОГОНЬ, ГНЕВ — ЭТО ВЗРЫВЧАТОЕ ВЕЩЕСТВО, а также характерные особенности принадлежащих им авторских выражений. Обобщенные результаты исследования, представленные в разделе «Выводы», показывают, что разветвленность сети проекций метафорических сфер-источников существенно различается и не всегда коррелирует с частотностью употребления соответствующих им метафорических выражений. Неодинаков и потенциал образования авторских сочетаний, который напрямую не соотносится ни с ширитой сети метафорических проекций, ни с частотой их речевых реализаций и обусловлен, скорее, факторами центральности/периферийности вербализуемого компонента фрейма и наличия в языке выражений, описывающих в рамках данной метафоры близкий периферийный аспект ситуации гнева.

Токарева Александра Леонидовна — аспирант Российско-итальянского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета, научный руководитель — кандидат филологических наук, доцент Роман Алексевиич Говорухо; ассистент кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета (e-mail: annsilver@mail.ru).

Ключевые слова: конвенциональная метафора; авторская метафора; метафоры гнева

Важность исследования метафорических выражений, описывающих эмоциональную сферу человека, обуславливает значительный интерес к ним со стороны лингвистов. Венгерский исследователь метафорики эмоций З. Кевечеш, анализируя метафорическое представление гнева в языках различных семей, указывает на наличие во многих из них метафоры ГНЕВАЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК — ЭТО СОСУД ПОД ДАВЛЕНИЕМ [Kövecses, 2006: 41]. Более конкретный вариант этой метафоры, ГНЕВ — ЭТО ДАВЛЕНИЕ ГОРЯЧЕЙ ЖИДКОСТИ В СОСУДЕ, признается в модели, предложенной Д. Лакоффом и З. Кевечешем, основным для описания гнева в американском варианте английского языка [Lakoff, Kövecses 1987: 197–200]. Ученые в рамках когнитивного подхода объясняют ее центральную роль проекцией таких физиологических эффектов переживания гнева, как повышение температуры тела и давления [Ibid: 196]. Не отрицая несомненную значимость этих метафорических проекций, отметим, однако, что лишь применение корпусного подхода «для исследования метафорики дискурса в целом, а не отдельных изолированных примеров» [Баранов, 2014: 14] позволяет проанализировать реальное соотношение метафор в различных типах дискурса и описываемые ими компоненты денотативной ситуации. К примеру, приведенные ниже корпусные данные свидетельствуют о том, что в итальянском художественном дискурсе метафора ГНЕВ — ЭТО ГОРЯЧАЯ ЖИДКОСТЬ является далеко не самой частотной и указывает практически исключительно на ситуацию прекращения гнева. Кроме того, при анализе метафорики дискурса необходимо учитывать «различия между лексикализованной и живой метафорой» [Кобозева, 2010: 41]. Таким образом, целью настоящей работы является корпусный анализ системы языковых и авторских метафорических выражений, вербализующих переживание и проявление гнева в итальянской художественной прозе с помощью образов субстанций.

Исследование выполнено на материале подкорпуса художественной литературы (примерно 13 млн слов) Корпуса итальянских письменных текстов CORIS/CODIS, а также составленного нами корпуса современной итальянской художественной прозы, включающего произведения 119 авторов (приблизительно 17 млн слов). Из 405 контекстов метафорического употребления слова *ira* в значении ‘гнев’ значительная доля — 40% (161 контекст) — приходится на выражения, принадлежащие онтологическим метафорам, представляющим гнев как вещество: ГНЕВ — ЭТО НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ВЕЩЕСТВО, ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ, ГНЕВ — ЭТО ЖИД-

КОСТЬ/ГАЗ, ГНЕВ — ЭТО ОГОНЬ, ГНЕВ — ЭТО ВЗРЫВЧАТОЕ ВЕЩЕСТВО.

Метафора ГНЕВ — ЭТО НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ВЕЩЕСТВО чаще всего используется для указания на проявления эмоции: из 40 контекстов реализации данной метафоры 14 представляют собой конструкции типа *volto/occhi/voce/parole + pieno/carico/colmo d'ira*. В этой категории отмечены и два случая более редких сочетаний со словом *gonfio*: *voce gonfia d'ira, faccia gonfia d'ira*. Почти так же частотны (13 употреблений) выражения *pieno/colmo d'ira* со значением указания на высокую степень переживания эмоции, входящие либо в состав сказуемого, либо в обособленное определение. Единичные метафорические выражения в рамках данной метафоры используются для указания на:

1) сочетание гнева с другими эмоциями (*Ma in quella sensazione, ora più che mai, vi erano ira e piacere mescolati in caotica armonia*) [Корпус CORIS];

2) накопление негативных эмоций (*La tensione, l'ira, la stanchezza che avevo accumulato <...>*) [Bonura, 1984: 72];

3) каузацию переживания гнева (<...> *Telipinu aveva riempito d'ira i genitori <...>*) [Taccioni, 1985: 4];

4) снижение интенсивности гнева (*Pronunciò queste parole quasi gridando, poi la sua ira si stemperò*) [Evangelisti, 2006: 164];

5) окончание переживания гнева (*Ormai però ogni traccia d'ira era svanita <...>*) [Rizzo, 2003: 136].

Интересно, что на слишком интенсивный гнев в рамках данной метафоры указывает лишь авторское выражение *overdose di ira: Dall'insalata della stazione radio locale, Marco riceve come un'overdose di ira e sarcasmo che si condensa nell'abracadabra di un epos a denti stretti, in un canto carnascialesco interiore <...>* [Корпус CORIS]. В этом контексте метафора неопределенного вещества уточняется и принимает вид ГНЕВ — ЭТО НАРКОТИК. Идея субстанции поддерживается не только предикацией сочетанию *overdose di ira* глагола *condensarsi*, но и внешним метафорическим выражением *insalata della stazione radio locale*.

Метафора ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ используется для описания различных аспектов ситуации гнева и насчитывает в нашем корпусе 34 употребления. Наибольшей частотностью характеризуются выражения с глаголом *sbollire (l'ira sbolli)*, указывающие на прекращение переживания эмоции и встретившиеся в корпусе 9 раз. Данное выражение реализует более конкретный вариант метафоры, ГНЕВ — ЭТО ГОРЯЧАЯ ЖИДКОСТЬ. Интересно, что в нашем корпусе встретилось лишь одно выражение с лексемой *ira*, описывающее в рамках метафоры ГНЕВ — ЭТО ГОРЯЧАЯ ЖИДКОСТЬ непосред-

ственно переживание эмоции, а не ее прекращение: *L'accaduto misto all'inenarrabile agitazione che si portava dentro, lo aveva reso un calderone d'ira, che ribolliva* <...> [Корпус CORIS]. В этом контексте автор уподобляет экспериенсера котлу гнева, конкретизируя фоновую метафору ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА — ЭТО СОСУД ДЛЯ ЭМОЦИЙ.

Более общей метафоре ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ принадлежат выражения, описывающие:

1) начало переживания интенсивного гнева — сочетания *onda/ondata d'ira (si sentì invadere da un'ondata d'ira)*, а также авторское выражение *l'ira dilaga: Nella sua voce Cosima avvertì una sottile vibrazione di paura, e gioì per l'ira che sentì dilagare dentro di lei* [Venturi, 2011: 152];

2) переживание гнева — здесь отмечено лишь одно выражение, авторское: *Adrhyss non rispose, e i suoi pensieri sembrarono annegare nell'ira incontenibile che sentiva scorrere dentro di sé* [Rizzo, 2003: 397]. Непосредственно переживание гнева описывается придаточным определительным *che sentiva scorrere dentro di sé*, в главном предложении образ гнева как жидкости используется для описания его взаимодействия с другими элементами психической жизни субъекта (*i suoi pensieri sembrarono annegare nell'ira*), образуя, таким образом, развернутую метафору;

3) интенсификацию гнева до степени потери экспериенсером контроля над ней — через образ реки, сносящей дамбу: *La piena dell'ira cresceva, stava per superare le argini* [Корпус CORIS];

4) невольное проявление гнева, который экспериенсер пытался контролировать — выражения с глаголом *trapelare* (2): <...> *i lineamenti contratti lasciavano trapelare l'ira e il desiderio di vendetta* <...> [Buticchi 2007: 355].

5) взаимодействие с другими эмоциями: *L'ira di Eymerich riflui di colpo, vinta dalla curiosità e da un certo stupore* [Evangelisti, 2003: 194]. Во втором примере наблюдается сочетание метафор ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ и ГНЕВ — ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

Метафора ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ/ГАЗ (20 контекстов) выделяется на основе двух типов сочетаний. С одной стороны, к ней относятся выражения с глаголом *sfogare* и существительным *sfogo*, поскольку в прямом значении эти слова используются применительно к жидкостями или газам: *sfogare l'ira* (7), *dare sfogo all'ira* (3), *sfogo d'ira* (2). Данные выражения описывают сознательное проявление гнева с целью уменьшения его интенсивности. С другой стороны, метафоре ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ/ГАЗ принадлежат низкочастотные выражения, уподобляющие окончание переживания гнева испарению: *l'ira svaporò* (2), *l'ira era sfumata* (1), а также авторское выражение *l'ira si vaporizzò* в следующем контексте, осложненном

сравнением: *L'ira di Damlo si vaporizzò come goccia su lastra rovente* [Trugenberger, 2006: 40].

Расширение метафорической проекции для указания на внешние проявления гнева происходит в авторских сочетаниях *occhi sprizzavano ira* (*I suoi occhi sprizzavano ira, acuita dall'orgoglio professionale ferito* <...> [Корпус CORIS]) и *occhi sprigionavano ira* (*E i suoi occhi sprigionavano una gelida ira* [Корпус CORIS]).

В следующем примере автор использует языковое выражение *l'ira pervade qualcuno*, актуализируя его значение за счет экспликации метафорического следствия: если гнев пронизывает экспериенсера, значит, эмоция является чем-то внешним по отношению к ее носителю: <...> *cercava di dirsi che lo pervadeva l'ira contro quegli ostacoli né più né meno come, nelle mattine d'inverno, sentiva la rigidità pervadergli le vecchie ferite. Ma questo non era del tutto vero. Il seme di quegli atteggiamenti si trovava nella sua indole* <...> [Корпус CORIS]. Отметим также роль сравнения в актуализации устоявшегося языкового выражения.

Метафора ГНЕВ — ЭТО ОГОНЬ также представлена в нашем корпусе 34 контекстами, описывающими различные аспекты переживания эмоции. В трети употреблений (10) данная метафора указывает на внешнее проявление гнева: *occhi accesi d'ira* (3), *una vampa d'ira apparsa sul viso* и др. В двух контекстах сочетаются образы огня в описании лица и глаз экспериенсера: *E l'ira ardeva nel volto pallido della dea, l'odio covava nei suoi occhi di brace* [Rizzo 2003: 429]. Разнообразны и частотны выражения, указывающие на начало переживания эмоции, причем почти все они представлены парами или тройками глаголов с различиями в диатезе и распределении семантических ролей: *qualcuno si accende d'ira — l'ira si accese* (4) — *essere acceso d'ira; qualcuno si infiamma d'ira — qualcuno si sente infiammare d'ira — l'ira si infiamma*.

Однако в нашем корпусе встретились лишь два контекста, описывающие в рамках «огненной» метафоры непосредственно переживание гнева — с помощью причастия *acceso*. Столь малое количество употреблений контрастирует с тенденциями русской художественной прозы, где очень частотны выражения *кто-либо горит/пылает гневом*. Каузация повторного переживания гнева описывается выражением *rinfocolare l'ira di qualcuno* (2). Для указания на снижение интенсивности гнева используется выражение *raffreddare l'ira*, на каузацию прекращения его переживания — *spegnere l'ira* (2) и *smorzare l'ira* (3). Дополнительный поиск показал, что последнее сочетание чаще описывает не волевое усилие экспериенсера по самоконтролю, а прекращение переживания гнева в силу действий других лиц или начала переживания иных эмоций.

Метафора ГНЕВ — ЭТО ВЗРЫВЧАТОЕ ВЕЩЕСТВО представлена в нашем корпусе 33 употреблениями и описывает резкое и сильное проявление гнева. Наиболее частотное сочетание *scoppio d'ira*, встретившиеся 17 раз, гораздо реже употребляется выражение *esplosione d'ira* (семь контекстов). Интересно, что в глагольных сочетаниях наблюдается обратная тенденция: преобладает глагол *esplosione*, выражения с которым встречаются 6 раз, тогда как с глаголом *scoppiare* зафиксировано лишь одно употребление. Обращает на себя внимание разнообразие синтаксических конструкций с глаголом *esplosione*, которое позволяет варьировать семантику и образность. Так, конструкция вида *l'ira di qualcuno esplose* (3) описывает резкое внешнее проявление гнева и во всех зафиксированных случаях распространяется либо определением (*La sua ira esplose incontrollabile*), либо предложной группой (*L'ira di Filippo esplose soprattutto contro quei tebani dai quali si era sentito tradito* [Manfredi, 2010: 25]). В последнем примере наблюдается обусловленное метафорическим преобразованием семантики изменение актантной структуры глагола — введение аргумента со значением малефактива. Такое же значение резкого проявления гнева передает и выражение *essere esplosivo con ira*, однако здесь «взрывается» не гнев, а сам экспериенсер. Наконец, выражение *ira esplose in qualcuno* описывает внезапное наступление эмоции, но не указывает на ее внешние проявления.

Выводы. Исследование показало, что метафоры субстанций обладают неодинаковым потенциалом в описании ситуации переживания гнева, не всегда коррелирующим с их частотностью. Так, метафора ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ может описывать до шести различных сторон переживания и проявления гнева, тогда как столь же частотная метафора ГНЕВ — ЭТО ВЗРЫВЧАТОЕ ВЕЩЕСТВО — только две. Наиболее разветвленной сетью метафорических проекций обладают метафоры ГНЕВ — ЭТО НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ВЕЩЕСТВО (описывает до восьми аспектов ситуации переживания гнева), ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ (до шести аспектов), ГНЕВ — ЭТО ОГОНЬ (до 5 аспектов). Метафоры жидкости/газа и взрывчатого вещества сосредоточены на описании двух-трех компонентов фрейма: начало или окончание переживания гнева и его проявления. Ономазиологический анализ показывает, что все рассмотренные метафорические сферы-источники могут применяться для описания наличия эмоции, однако для метафоры ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ в этом отношении отмечены лишь авторские сочетания. Проявления гнева также могут описываться при помощи всех рассмотренных метафор, но ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ/ГАЗ специфически указывает на сознательное выражение гнева, и только авторские выражения в рамках данной метафоры реализуют значение невольного прояв-

ления эмоции, которое в целом является намного более частотным. Метафоры субстанций не используются для указания на контроль над гневом.

Наиболее значительная тенденция к образованию авторских метафорических выражений наблюдается в рамках метафор ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ/ГАЗ и ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ, при этом используются три основные стратегии: расширение метафорической проекции через предикацию лексеме *ira* глаголов, сочетания с которыми узуально не закреплены; комбинация метафор с различными сферами-источниками; построение развернутых метафор. Прочие когнитивные метафоры практически не порождают авторских сочетаний вне зависимости от степени разветвленности отраженных в языке метафорических проекций. Представляется, что различия в потенциале образования новых метафорических выражений могут быть обусловлены влиянием таких факторов, как отсутствие в языке устоявшегося метафорического сочетания для указания на один из центральных компонентов фрейма в рамках метафоры с обширной сетью проекций (например, отсутствие языковых сочетаний, указывающих непосредственно на переживание гнева в рамках метафоры ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ) и необходимость вербализации периферийного компонента фрейма, близкого, но не тождественного компоненту, на представлении которого фокусируется данная метафора (авторские выражения для описания проявлений контролируемого гнева в рамках метафоры ГНЕВ — ЭТО ЖИДКОСТЬ/ГАЗ, которая чаще всего описывает сознательное проявление гнева с целью уменьшения его интенсивности).

Список литературы

1. Баранов А.Н. *Дескрипторная теория метафоры*. М., 2014.
2. Кобозева И.М. Лексикосемантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2010. № 2 (32). С. 41–46.
3. Корпус итальянских письменных текстов CORIS/CODIS. URL: http://corpora.dslo.unibo.it/coris_ita.html (дата обращения: 18.09.2019).
4. Bonura G. *Il segreto di Alias*. Milano, 1984.
5. Buticchi M. *Il vento dei demoni*. Milano, 2007.
6. *Evangelisti V. Il mistero dell'inquisitore Eymerich*. Milano, 2003.
7. *Evangelisti V. Picatrix. La scala per l'Inferno*. Milano, 2006.
8. Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. N.Y., 2005.
9. Lakoff G., Kövecses Z. The Cognitive Model of Anger Inherent in American English // *Cultural Models in Language and Thought/Holland D., Quinn N (Eds.)*. Cambridge, 1987. P. 195–221.
10. *Manfredi V.M. Alèxandros. Il figlio del sogno*. Milano, 2010.
11. Rizzo E. *Ethlinn. La dea nascosta*. Palermo, 2003.

12. *Tacconi B.* Ramsete e il sogno di Kadesh. Milano, 1985.
13. *Trugenberger L.* Il predatore di magia. Milano, 2006.
14. *Venturi M.* Butta la luna. Milano, 2011.

Aleksandra Tokareva

THE METAPHORICAL REPRESENTATION OF ANGER AS A SUBSTANCE IN CONTEMPORARY ITALIAN FICTION

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaja square, Moscow, 125993*

*Moscow City University
15 Bol'shaja Spasskaja street, bldg. 1, 4, Moscow, 129090*

The article investigates the system of metaphorical expressions that describe anger in contemporary Italian fiction through images of substances, and therefore belong to such metaphors as ANGER IS AN INDEFINITE SUBSTANCE, ANGER IS A LIQUID, ANGER IS FIRE, ANGER IS A LIQUID OR A GAS, ANGER IS AN EXPLOSIVE. The research is aimed at the qualitative and quantitative analyses of conventional and novel metaphorical expressions of anger. The study employs corpus linguistics methods and has been conducted using CORIS, a corpus of written Italian, and a corpus of contemporary Italian fiction collected by the author of the article. The results show that there is often no correlation between the frequency of a metaphor and its metaphorical mapping potential. The number of novel metaphorical expressions varies significantly across metaphors and does not depend directly on the richness of their metaphorical mappings or the frequencies of conventional metaphorical expressions belonging to them. While ANGER IS A LIQUID and ANGER IS A LIQUID OR A GAS produce quite a few novel expressions, other metaphors are represented almost exclusively by conventional expressions. The author suggests that the probability of a novel metaphorical expression depends on various factors, such as the central or peripheral role of the ANGER frame component that is to be described metaphorically, and the presence of conventional metaphorical expressions denoting a related peripheral aspect of the frame.

Key words: conventional metaphor; novel metaphor; metaphors of anger.

About the author: *Aleksandra Tokareva* — PhD Student at the Russian-Italian Center for Education and Research, Russian State University for the Humanities; teaching assistant at the Roman Philology Department, Institute for Foreign Languages, Moscow City University (e-mail: annsilver@mail.ru).

References

1. Baranov A.N. *Deskriptornaja teorija metafory*. [Descriptor theory of metaphor] Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ, 2014. 632 p.

2. Kobozeva I.M. *Leksikosemanticheskie zametki o metafore v politicheskom dis-kurse*. [Lexical Semantic Notes on Metaphor in Political Discourse] In: *Političeskaja lingvistika* [Political Linguistics]. 2010, № 2 (32), pp. 41–46. (In Russ.)
3. Corpus di italiano scritto CORIS/CODIS. URL: http://corpora.dslo.unibo.it/coris_ita.html (accessed: 18.09.2019).
4. Bonura G. Il segreto di Alias. Milano, *Editoriale Nuova*, 1984. 199 p.
5. Buticchi M. Il vento dei demoni. Milano, *Longanesi*, 2007. 589 p.
6. Evangelisti V. Il mistero dell'inquisitore Eymerich. Milano, *Mondadori*, 2003. 250 p.
7. Evangelisti V. Picatrix. La scala per l'Inferno. Milano, *Mondadori*, 2006. 344 p.
8. Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. New York, 2005. 334 p.
9. Lakoff G., Kövecses Z. The Cognitive Model of Anger Inherent in American English. Cultural Models in Language and Thought/Holland D., Quinn N (Eds.). Cambridge, *Cambridge University Press*, 1987, pp. 195–221.
10. Manfredi V.M. Alèxandros. Il figlio del sogno. Milano, *Mondadori*, 2010. 262 p.
11. Rizzo E. Ethlinn. La dea nascosta. Palermo, *Dario Flaccovio Editore*, 2003. 669 p.
12. Tacconi B. Ramsete e il sogno di Kadesh. Milano, *Arnoldo Mondadori Editore*, 1985. 369 p.
13. Trugenberger L. Il predatore di magia. Milano, *Rizzoli*, 2006. 361 p.
14. Venturi M. Butta la luna. Milano, *Rizzoli*, 2011. 280 p.

П.В. Балдицын

КОМИЧЕСКИЕ МАСКИ В ПРОЗЕ ВУДИ АЛЛЕНА

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Объект исследования — короткая проза Вуди Аллена, его пародийные монологи, эссе, очерки, рассказы и притчи — «Сводя счеты» (*Getting Even*, 1971), «Без перьев» (*Without Feathers*, 1975), «Побочные эффекты» (*Side Effects*, 1980), «Чистая анархия» (*Mere Anarchy*, 2007); предмет исследования — использование комических масок.

Вуди Аллен не ограничивается комическим образом со своим именем, он использует в качестве масок не только вымышленных персонажей, но и разные речевые жанры, прежде всего в русле информативного и научно-популярного дискурса: воспоминания, мемуары, исторические и биографические очерки, ученые беседы и всякого рода руководства, гуманитарный комментарий и социологическое исследование... Мишенью его смеха становится маленький человек, который испытывает интерес к миру великих людей и великих идей. За редкими исключениями Вуди Аллен далек от социальной сатиры, в своей юмористической прозе он лишь слегка касается политических проблем, таких, как нацизм, мафия или революция, прежде всего его волнуют вечные темы — смерть, секс, боги. Герои-маски Вуди Аллена признают абсурд главным атрибутом бытия, и это порождает их острый конфликт с Богом или с богами, в которых они не верят. Использование комических масок позволяет Вуди Аллену в смеховой форме поставить многие серьезные вопросы о смысле жизни, о границах познания, о существовании зла и несправедливости в мире, и главное — об ответственности человека за то, что совершается вокруг него.

Ключевые слова: проза Вуди Аллена; литературная и комическая маска; пародия; дискурс как маска.

В историю кино Вуди Аллен вошел как создатель оригинальных форм иронической и лирической комедии, сценарист и режиссер, а нередко и как актер, играя героя вроде самого себя. Но начинал он писателем-юмористом. Объект исследования — короткая проза Вуди Аллена, его пародийные монологи, эссе, очерки, рассказы и притчи, которые составили четыре сборника: «Сводя счеты» (*Getting*

Балдицын Павел Вячеславович — доктор филологических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой медиалингвистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pbalditsyn@gmail.com).

Even, 1971); «Без перьев» (*Without Feathers*, 1975); «Побочные эффекты» (*Side Effects*, 1980); «Чистая анархия» (*Mere Anarchy*, 2007). Предмет исследования — использование комических масок в этих произведениях.

Традиции комической маски автора в американской литературе.

Создание комической маски героя-рассказчика, за которой скрывается автор, — это давняя традиция мирового юмора, в американской литературе она возникла еще в колониальные времена: Б. Франклин выступал от имени матушки Silence Dogood или Простака Ричарда. Различные маски использовали В. Ирвинг и Э. По. В личинах хозяина балагана восковых скульптур или мелкого воришки появлялся в своих рассказах Артимус Уорд — маска Ч.Ф. Брауна, в образе дезертира и сторонника южан по имени Петролеум Везувиус Нэсби публиковал свои сатиры Д.Р. Локк. Р.Г. Ньюэлл выступал в маске Орфеуса С. Керра, «что по-английски в произношении близко к слову “office seeker” (по-русски — соискатель должности), которым обозначали продажных политических деятелей» [Сатира времен Гражданской войны в США, 1966: 9].

Самой знаменитой маской в истории американского юмора стал Марк Твен, который затмил своего создателя С.Л. Клеменса. Марк Твен — это Сэмюэл Клеменс, подаривший двойнику свою внешность и привычки, жизненный опыт и прочие черты; он позволил себе свободу и перевоплощался в другого в своих комических монологах и сценках [Балдицын, 2004: 46–57]. Парадокс маски состоит в том, что она не только скрывает лицо автора, но со временем замещает его, становится его новым лицом.

Отношения автора и его комической маски могут быть разными: сатирик и юморист часто прибегает к иронии, представляя в тексте взгляды прямо противоположные своим, как Дефо в «Кратчайшем способе расправиться с диссидентами» или Свифт в «Скромном предложении». Американские сатирики времен Гражданской войны будто бы выступали сторонниками рабства, будучи на деле его противниками. Марк Твен использовал различные маски, в том числе и тех, кого подвергал жестокой критике, например, Николая II; он «защищал» бельгийского короля Леопольда или американского генерала Фанстона, предательски расправившегося с лидером филиппинского сопротивления.

Марка Твена в США считают не только классиком национальной литературы, но и создателем особого жанра — эстрадного юмора (stand-up comedy).

Маска-псевдоним Вуди Аллена. Псевдоним — это первый знак маски, иное имя предстает значимой частью образа. Вуди Аллен придумал себе новое имя очень рано, когда ему было всего лишь 16 лет:

«Вуди Аллен родился в Бруклине, Нью-Йорк, весной 1952 года, когда Аллан Стюарт Конигсберг, который родился в Бронксе 1-го декабря 1935 года, решил взять это имя как приемлемую личину (as a suitable cover)» [Lax, 1991: 9]. Первоначальный вариант псевдонима был несколько иной — Хейвуд Аллен. Псевдонимы нередко скрывают этническое или социальное происхождение артиста, певца или писателя. И такую причину исключать нельзя — имя Вуди Аллен звучит по-английски естественно и просто, в отличие от фамилии Конигсберг. Вуди — имя достаточно распространенное, недаром многие считали, что Аллен взял имя какого-нибудь известного музыканта или актера. Однако в нем может быть заложен и некий смысл: Вуди — переводится как «лесной, древесный». Может быть, житель каменного Манхэттена напоминает, что этот скалистый остров был когда-то покрыт лесом.

Начинал свой творческий путь Вуди Аллен как сочинитель шуток для других юмористов. В 1962 г. он подсчитал, что сочинил 20 тыс. шуток для газетных и эстрадных комиков. Сам же дебютировал на сцене только в следующем, 1963 г. Юморист на эстраде, как правило, отталкивается от своей внешности, привычек и манер. Рецензенты сразу отметили, что Аллен использовал свой телесный облик как основу сценической маски: невысокий, хрупкий очкарик, с рыжими волосами, с испуганным лицом и длинным носом сразу производил впечатление тревожности и ранимости [Yakovar, 1991: 11]. «Прирожденный неудачник... который выходит на сцену и немедленно делает своё присутствие бесчувственным», потому что знает, что дальше будет только хуже [Zinsser, 1963: 26]. «Когда же он — на сцене или вне ее — начинает говорить о себе, кажется, что вырастает на два дюйма» [Time, 1963: 78]. Сам Аллен считал главной чертой своей комической маски на эстраде «невероятно печальное лицо»: «Если не знать, что я был комиком, я был бы образцом печали. Мое лицо от природы печально, потому что оно создано искажённым, да ещё глаза опущены вниз» [Yakovar, 1991: 11–12]. Вуди Аллен видел в этом продолжение традиций Чарли Чаплина, Боба Хоупа и Гручо Маркса [Leman, 1972: 144]. Образ одинокого грустного неудачника стал основой маски Вуди Аллена на эстраде, позднее перешел в его фильмы, комические рассказы и очерки, однако в литературе свои особые средства создания маски.

В одном из интервью Вуди Аллен признавался: «Большинство моих персонажей принадлежат к одному-единственному типу: все они жители Нью-Йорка, более или менее состоятельные, все они люди образованные, и все невротики. Я пишу почти исключительно о таких людях, потому что только их я хорошо знаю...» [Вуди Аллен: Интервью, 2008: 58]. В этом признании конкретно определены гео-

графическая, социальная, культурная и психологическая принадлежность автора и его героев к большому городу на Гудзоне, однако здесь нет одного, но существенного этнического компонента: еврейского происхождения.

Исследователи выделяют главные черты еврейского юмора: с одной стороны, особые отношения с Богом, ощущение своей избранности, а с другой — чувство незащитности в столкновении с миром, так что юмор выступает как защитный механизм. Еврейский юмор нередко основан на самоунижении [Semites and Stereotypes: Characteristics of Jewish Humor, 1993: XIV–XV]. Эти моменты можно легко обнаружить и в творчестве Вуди Аллена.

Важнейшая черта творчества Вуди Аллена, так же, как и Марка Твена, — смех над собой и своим народом, над своими воззрениями, предрассудками и привычками; и в этом коренная черта американского юмора совпала с традицией еврейского смеха. На наш взгляд, этот момент очень важен для понимания путей развития американского юмора, который в XX в. заметно менялся под влиянием этнических компонентов: ирландского, негритянского и — в еще большей степени — еврейского.

Множество масок Вуди Аллена. Вуди Аллен не ограничивается одним комическим образом, как это делали его предшественники, у него множество масок, в этом качестве он использует вымышленных персонажей не только мужского, но и женского пола, а, кроме того, разные речевые жанры.

Уже в первом сборнике очерков и рассказов «Сводя счеты» проявились *две линии создания масок*. Повествование чаще всего идет от лица гротескных персонажей — ученого, который копается в грязном белье композитора, исследователя американской мафии, парикмахера Гитлера, комментатора хасидских притчей, биографа изобретателя сэндвича, толстяка, который уверовал, что Господь — в еде, и стал безудержно жрать, студента и поклонника психоанализа, мексиканского революционера, подруги Хемингуэя и Гертруды Стайн, детектива, расследующего интеллектуальное убийство Бога. При этом Вуди Аллен имитирует и пародирует различные жанры интеллектуальной прозы: комментариев; социологическое исследование; воспоминания и мемуары; исторические и биографические очерки; ученые беседы и всякого рода руководства.

Стиль научного очерка или рецензии становится речевой маской безымянного персонажа, черты которого можно описать. В «Квитанциях Меттерлинга» это знаток вопроса, эрудит, который свысока относится к читателю, сыплет учеными словами, известными именами и ссылками на ученые труды ради того, чтобы найти научное объяснение всякой мелочи, даже такой ерунде, как грязные трусы,

носки и майки. Вуди Аллен нередко высмеивает тотальную претензию гуманитарной науки на глубокое понимание незначительных вещей. Он использует такие приметы стиля, как систематичность и последовательность изложения, безличные предложения и страдательный залог, использование местоимения «мы» вкупе с характерными глаголами: “*we know*”, “*we learn*”, “*we can deduce*”, “*if we are to believe*” [Allen, 1971: 3–11]. Похожий гротескный стиль автор использует и в других очерках: «Взгляд на организованную преступность»; «Да, но могла бы машина сделать это?»; «Чуть громче, пожалуйста»; «Женщины Лавберга: новое прочтение»; «Ирландский гений» и т.п.

Первый внешний знак комической маски — имя. У героев очерков Вуди Аллена имена чаще всего еврейского, немецкого или восточноевропейского происхождения: Ганс Метерлинг, Фридрих Шмид, Гюнтер Айзенбуд, Сандор Нидельман, Клейнман, Вайнштейн, Кугельмас, доктор Гельмгольц; частного детектива, который рассказывает, как расследовал убийство Бога, зовут Кайзер Луповиц; встречаются дантист Пинчук, супружеская пара Борис и Анна Иванович и т.п. Есть и совершенно экзотические имена: в абсурдистской пьесе «Бог» древних греков — актера и писателя — зовут Диабет и Гепатит. Гораздо реже встречаются англосаксонские имена.

Внешность героев описана крайне редко, потому что Вуди Аллен, как и многие его американские предшественники, предпочитает речь от первого лица. Однако у него встречаются юморески и рассказы в третьем лице и такие, которые построены на диалоге с читателем и постоянных обращениях к нему. Если внешность героя описана, то кратко и гротескно — как жуткий толстяк в «Записках обжоры» или портрет Сидни Кугельмаса: он «был лыс и волосат телом, как медведь, но у него была душа» [Allen, 1975: 61].

Понятно, что даже маска с именем автора далеко не соответствует ему. Это особый комический персонаж. Вуди Аллен так комментировал это несоответствие: «Когда вышел фильм “Энни Холл”, многие решили, что я играю самого себя. Но это не так. Я не такой дурак. Я гораздо более дисциплинирован. И в детстве был спортивным мальчишкой, а вовсе не слабаком. Тем не менее этот персонаж принес мне немало пользы» [Rich, 1977: 76]. Некоторые читатели и критики путают Вуди Аллена-человека и его главную маску — взъерошенного еврея, городского невротика, заикающегося и сыплющего шутками от волнения, заикленного на женщинах и сексе. Дело в том, что комическая маска, даже при использовании облика и характера самого писателя-юмориста, его воззрений и увлечений, по сути, не совпадает с ним.

Поверхностный интеллектуализм героев-масок. Главный герой-маска Вуди Аллена — житель мегаполиса, столицы мира, маленький человек, слабый и не уверенный в себе неудачник, который открыто рассказывает о своих страхах и недостатках, еврей-интеллектуал, постоянно демонстрирующий образованность, но может признаться и в своем невежестве. Так, в очерке «Весеннее расписание» он замечает: «Меня исключили из колледжа много лет назад... Так что я всё еще необразованный и не продвинутый человек» [Allen, 1971: 55]. Или в юмореске «Чуточку громче, пожалуйста» Вуди Аллен, после демонстрации своих интеллектуальных запросов и достижений, заявляет: «Вот она, брешь в моих культурных доспехах, — единственная брешь, будьте уверены, но она досаждала мне с детства, когда я ни бельмеса не понял в бессловесной постановке гоголевской “Шинели”, оставшись при убеждении, что просто наблюдал, как четырнадцать русских делали гимнастику» [Allen, 1971: 106]. Кстати, невежество было составной частью маски Марка Твена, он мог заявить: «Я ничего не знаю о книгах» [Paine, 1912: 1500], хотя прочел их множество, и сам написал немало.

Сегодня образование в большой цене, все идут учиться в университеты и колледжи. Нынешний комический герой кичится знаниями, сыплет множеством имен, но вместе с тем порождает сильные сомнения, читал ли он всех этих мыслителей и писателей на самом деле или только знает их понаслышке в виде отдельных цитат и обрывков их высказываний. В прозе Вуди Аллена рабочий признается, что «в глубине души он — интеллигент» [Allen, 1975: 36], и даже шлюхи работают в интеллектуальной сфере, клиенты нанимают их, чтобы поговорить с ними о «Бесплодной земле» Элиота или о «Моби Дике» Мелвилла, и требуют, чтобы они имели университетское образование или академическую степень («Шлюха духа» [Allen, 1975: 35–41]).

В очерке «Моя философия» Вуди Аллен признается, что прочел заумных мыслителей западного мира только благодаря несчастливой случайности: чайная ложечка суфле, приготовленного женой, случайно упала на ногу рассказчика и сломала несколько костей стопы. Имя и первое лицо рассказчика здесь подчеркнуто: «Я начал с Кьеркегора и Сартра, потом скоренько перешел к Спинозе, Юму, Кафке и Камю... зачаровала бойкость, с которой эти великие умы атаковали мораль, искусство, этику, жизнь и смерть. Помню мою реакцию на типично прозрачное замечание Кьеркегора: “Такое отношение, которое соотносит себя со своим собственным я (то есть с собой) должно быть образовано либо самим собой, либо другим”. Это идея довела меня до слез. Господи, подумал я, надо же быть таким умным! (Я-то из тех людей, которые с трудом могут написать

две осмысленные фразы на тему: “Как я провел день в зоопарке”). Правда, я ничего в приведенном утверждении не понял, ну и что с того, лишь бы Кьеркегор получил радость» [Allen, 1971: 27–28]. Конечно, это шутовской розыгрыш, о чем свидетельствуют и гротескные детали во вступлении, и абсурдная цитата из Кьеркегора, и самоуничужительная литота в скобках. Образ героя типизирован и представляет некоторые характерные черты социального слоя, который в русском языке с легкой руки Солженицына получил «презрительную кличку» «образованщина».

Интеллектуализм комических героев Вуди Аллена почти всегда поверхностный, они жонглируют именами великих философов, писателей и художников, не вникая в суть их мыслей и творчества. Мишенью смеха писателя становится маленький человек, который испытывает интерес к миру великих, а более всего — к их частной жизни, даже к грязному белью, как в пародийной рецензии «Квитанции Метерлинга». Это проявляется на уровне тематики и лексики очерков и рассказов Вуди Аллена. Чуть не в каждом очерке присутствует обязательный каталог громких имен, и, как правило, довольно стандартный — в рамках программ городского колледжа, который, как известно, сильно уступает университету. Это могут быть великие деятели европейской культуры в саркастическом прославлении графа — изобретателя сэндвича («Да, но разве паровая машина могла бы сделать такое?») — от Данте и Шекспира до Эдисона и Стравинского, включая Бетховена и Генделя [Allen, 1971: 35–40], или выдающиеся фигуры рубежа XIX–XX вв. в «Квитанциях Метерлинга» — от композитора Вагнера до Фрейда, от Ницше до Томаса Манна и Кафки [Allen, 1971: 3–11]. В «Мемуарах Шмида» перечислены имена 15 самых известных нацистских бонз — от Гитлера до Бормана. Можно посчитать, что в этой пародии около 100 имен собственных на 200 строк текста [Allen, 1971: 19–26]. Ещё один характерный пример дает «Моя философия», написанная от имени Вуди Аллена, где представлен список из дюжины великих умов, повлиявших на автора, — от Кьеркегора и Сартра до Шопенгауэра и Бога [Allen, 1971: 27–33].

Пародия как речевая маска. В комической прозе Аллена очень важна интонация живого разговора, вышедшая из устного слова, эстрадного юмора или журналистики. Его произведения рождаются из тотальной пародии, и основной объект стилизации — медийная и научно-популярная речь. В качестве образцов для своих пародий писатель чаще всего выбирает информативные или научно-популярные тексты, как правило, типичные для качественных журналов, таких, как его любимый «Нью-Йоркер».

Вуди Аллен пародирует разные жанры: научные комментарии; философские эссе и диалоги; воспоминания и дневники; биогра-

фические и путевые заметки; беседы и очерки; письма и заметки по поводу; литературно-критические отзывы и обзоры; фрагменты из записной книжки; справочники, инструкции и наставления; некрологи и приветственные речи; заметки к ненаписанному роману; этимологические разыскания; пародийные либретто балетов и опер; расписание университетских курсов; нередко — детективные и фантастические рассказы. У него встречаются редкие жанры: например, бестиарий — описание фантастических животных, или псевдоинтеллектуальная ресторанный рецензия с откликами на нее и журнальной перепиской. Писатель нередко ернически использует религиозные жанры и формы: хасидские притчи и еврейскую поминальную молитву каддиш; в своих «Свитках Красного моря» он пародирует самый священный текст иудеев — Тору (в христианской традиции — Пятикнижие Ветхого Завета). Он с издевательским смехом пишет в «Хасидских притчах» о том, как еврейские священники, рабби, нарушают заповеди: один «погряз в карточных долгах и судился с некоей дамой насчет отцовства ее ребенка», а потом проломил голову ближнему, другой «ни разу в жизни не заглянул в Библию и лишь притворялся ее знатоком», третий любил свинину, несмотря на запрет Бога [Allen, 1971: 64–69].

Выводы.

1. Вся комическая проза Вуди Аллена построена на использовании чужого слова и тотальной пародии. Его излюбленная форма повествования — от первого лица.

2. Вуди Аллен не ограничивается героем с собственным псевдонимом, как это делали многие его предшественники. В качестве масок он использует множество гротескных персонажей, а также различные речевые жанры, прежде всего научно-популярного и информативного дискурсов. У него пародия играет роль маски.

3. Несмотря на разнообразие героев Вуди Аллена, их большая часть представляет собой вариации одного социально-культурного типа — это маленький человек, житель мегаполиса с интересом к великим людям и великим идеям, с претензиями на интеллектуализм, однако без особых знаний и глубины мысли. Этот персонаж приспособляется к любым условиям и жаждет выжить при любой власти.

4. Использование масок позволяет Вуди Аллену в смеховой форме поставить многие серьезные вопросы — о смысле жизни, о границах познания, о существовании зла и несправедливости в мире, и главное — об ответственности человека за всё, что совершается вокруг него. В его прозе происходит смеховое переосмысление традиционного образа маленького человека: по мнению автора, его не стоит жалеть, с него обязательно нужно спрашивать.

Список литературы

1. *Балдицын П.В.* Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы. М., 2004.
2. Вуди Аллен: Интервью. Беседы со Стигом Бьоркманом / Пер. с англ. О. Серебряной. СПб., 2008.
3. Сатира времен Гражданской войны в США. М., 1966.
4. *Allen W.* Getting Even. N.Y., 1971.
5. *Allen W.* Without Feathers. N.Y., 1975.
6. *Allen W.* Side Effects. N.Y., 1980.
7. *Allen W.* Mere Anarchy. N.Y., 2007.
8. *Florence D.* Persona and Humor in Mark Twain Early Writings. Columbia, 1995.
9. *Lax E.* Woody Allen. A Biography. N.Y., 1991.
10. *Leman L.* Woody the Great // *Vogue*. 1972. December. P. 144–151.
11. *Rich F.* Woody Allen Wipes the Smile off His Face // *Esquire*. May. 1977. P. 72–76, 148–149.
12. Semites and Stereotypes: Characteristics of Jewish Humor. Westport, CT, 1993.
13. Comedians: His Own Boswell // *Time*. February 15. 1963. P. 78.
14. *Yakovar M.* Loser Take All: The Comic Art of Woody Allen. N.Y., 1991.
15. *Zinsser W.K.* Bright New Comic Clowns toward success // *Saturday Evening Post*. 1963. September 21. P. 26–27.

Pavel Balditsyn

COMIC PERSONAE IN WOODY ALLEN'S SHORT FICTION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses short narratives and sketches by Woody Allen in *Getting Even* (1971), *Without Feathers* (1975), *Side Effects* (1980), and *Mere Anarchy* (2007). Special emphasis is laid on Allen's use of comic personae, or literary 'masks', representing types of thinking and speaking. Woody Allen makes multiple narrative voices in his fiction. His literary voices and personae display contemporary humble city-dwellers pretending to be intellectuals eagerly interested in great men and great ideas. His prose, based on total parody, uses various genres of informative and scholar discourse typical for quality magazines as his 'masks': reviews and commentaries, memoirs, biographical and historical essays, psychological and social articles. His conventional topics are perennial — death, sex, human relations with gods. His comic heroes acknowledge the absurdity of life and come in conflict with gods whom they do not believe in. Masterfully created comic personae in Woody Allen's fiction are devices to discuss some serious problems of human being:

meaning and purpose of life, ways and frontiers of knowledge, evil and justice, and most of all, what is the individual's responsibility in modern society.

Key words: Woody Allen's fiction; literary and comic persona; parody; literary "mask".

About the author: *Pavel Balditsyn* — Prof. Dr., head of the Media Linguistics Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pbalditsyn@gmail.com).

References

1. Balditsyn P.V. *Tvorchestvo Marka Tvena i nacionalnyj character amerikanskoy literatury*. [Mark Twain and National Character of American Literature] M., VK Press, 2004. 300 p. (In Russ.)
2. Woody Allen: *Intervju. Besedy so Stigom B'orkmanom*. Per. s angl. O. Serebrianoi [Woody Allen: Interview. Conversations with Stig Björkman]. Saint Petersburg, *Azbuka Press*, 2008. (In Russ.)
3. *Satira vremyon Grazhdanskoj vojny v SShA* [Satire of the Civil War in the United States]. M.: *Moscow Univ. Press*. 1966. 259 p. (In Russ.)
4. Allen W. *Getting Even*. N.Y., 1971, 151 p.
5. Allen W. *Without Feathers*. N.Y., 1975, 221 p.
6. Allen W. *Side Effects*. N.Y., 1980. 213 p.
7. Allen W. *Mere Anarchy*. N.Y., 2007, 176 p.
8. Florence D. *Persona and Humor in Mark Twain Early Writings*. Columbia, Missouri, 1995, 166 p.
9. Lax E. *Woody Allen. A Biography*. N.Y., 1991, 397 p.
10. Leman L. Woody the Great. *Vogue*, 1972, December, pp. 144–151.
11. Rich F. Woody Allen Wipes the Smile off His Face. *Esquire*, May, 1977, pp. 72–76, 148–149.
12. *Semites and Stereotypes: Characteristics of Jewish Humor*. Westport, CT: *Greenwood Press*, 1993.
13. *Comedians: His Own Boswell*. In: *Time*, February 15, 1963, p. 78.
14. Yakovar M. *Loser Take All: The Comic Art of Woody Allen*. N.Y.: *The Continuum*, 1991, 330 p.
15. Zinsser W.K. Bright New Comic Clowns toward success. *Saturday Evening Post*, September 21, 1963, pp. 26–27.

УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ТЕКСТА: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ФАНТАСТИЧЕСКОГО (ТЕМАТИЧЕСКИЙ БЛОК ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ)

В предлагаемый тематический блок вошли статьи участников конференции «Удовольствие от текста: эмоциональные ландшафты фантастического», прошедшей на филологическом факультете МГУ 16 февраля 2019 г. В конференции принимали участие филологи, философы и социологи, представляющие разные научные подходы и анализирующие разный культурный материал — литературу, кинематограф, комиксы, видеоигры. Объединял их интерес к проблеме специфичности эстетических и психофизиологических реакций (удовольствия), возникающих при восприятии фантастической условности.

На протяжении веков, особенно активно в XIX–XX столетиях, литература учила и училась работать с фантастическим: писатели оттачивали навыки создания фантастических миров, нарушающих общепринятые представления о «законах природы», читатели в свою очередь учились обживать и истолковывать эти миры, осваивая специфичные для них культурные коды. В культурном плане фантастическое осмыслялось как инструмент эмансипации творческого воображения, радикального «остранения» привычных литературных и, как следствие, социальных конвенций. Новые медиа и новые «культурные индустрии», задействуют навыки работы с фантастической условностью, которые были сформированы литературой. Однако в новых медийных контекстах эти навыки получают новое осмысление, встраиваются в новые системы ценностей и смыслов. Какие именно «привычки» литературного чтения реактуализуются в новых контекстах? Как они концептуализируются теоретиками и практиками разных медиа, какова семантика и прагматика этих концептуализаций? Как описать социальное, культурное и эстетическое измерение удовольствия от фантастического в разных медиа? — Это некоторые из вопросов, которые были в центре дискуссий на конференции.

А.А. Костикова

ФАНТАСТИКА КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Способность создавать перспективные проекции грядущего и альтернативные сценарии настоящего — одна из определяющих характеристик человеческого сознания. Современная литература развивает жанры фантастики, которые демонстрируют различные возможности человеческого воображения. Исследование воображения, воображающего сознания и творчества во многом опираются на это художественное представление. Например, с точки зрения Ролана Барта, подхватывающего как феноменологический философский, так и психологический интерес к удовольствию, рассматривает текст как конструируемое фантастическое. Как способ повествования фантастическое бросает вызов миметическим представлениям о смысле: его полисемическая структура основана на сложном сочетании правдоподобия и несоразмерности. Оно-то и является источником удовольствия от чтения текста для читателей. Однако это требует транс- и междисциплинарного подхода, обращения к методам разных дисциплин.

Ключевые слова: фантастическое; жанры фантастического; воображение; теория фантастического; творчество; удовольствие от текста.

История человеческой культуры характеризуется присутствием в ней проспективных проекций — человеку свойственно не только объяснять себя и окружающий мир, но и пытаться представить себе его дальнейшее развитие или некоторые превращенные характеристики, реализованные в альтернативной истории. Способность к воображению и способность творческого развития результата когнитивных практик были отмечены в древнейших философских трактатах всех цивилизационных центров культуры: в древней Индии — как потенциальная причастность всеобщему, в древнем Китае — как методология принятия политических решений, в древней Греции — как эвристическое начало в познании природы. Дальнейшим развитием философии эти способности были разведены.

Костикова Анна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии языка и коммуникации, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: akostikova04@yandex.ru).

Литература Нового и Новейшего времени сформировала разнообразие жанров фантастики, исследование которых представляет интерес не только для литературоведов. Несомненно, однако, что способность к фантазии, воображению, творчеству требует изучения в ее разноплановых проявлениях — в конкретных художественных воплощениях и в аспекте научной рефлексии. Например, из актуальных направлений философии ни одно не лишено интереса к изучению воображения, от феноменологии Гуссерля, представлений о непрерывности у Бергсона до концептуализации «открытого произведения» У. Эко и новейших теорий мимесиса. Философские, психологические, социологические и филологические теории творчества, воображающего сознания, креативности — актуальная задача гуманитарных наук, новейшего трансдисциплинарного анализа.

Публикуемые организаторами конференции материалы представили разнообразие дисциплинарных языков и сюжетов, объединенных даже не общим объектом исследования, сложной и амбивалентной (вынесенной в название конференции) метафорой «текстологического удовольствия». Философская интерпретация известной работы Ролана Барта «Удовольствие от текста» (1973), действительно, может помочь с некоторыми «трудными» проблемами литературоведения. Вводя идею наслаждения от текста и одновременно релятивизируя ее (противопоставляя идее удовольствия), Барт подчеркивает ее аутентичность самому процессу чтения. Другими словами, с точки зрения Барта, именно медленный и сложный характер прочитывания смыслов, постоянное возвращение к их уточнению составляет суть литературного чтения. Художественная условность фантастического жанра подчеркивает полисемью и непрерывность этого процесса, множа источники эстетической эмоции. Комплексный интеллектуальный процесс соединения правдоподобного и неправдоподобного, сложный механизм негации — залог привлекательности «легкого» фантастического жанра, в том числе и для развитого, «утонченного» читателя.

Уместно методологически уточнить ограничения, связанные с экстраполяцией философских идей на конкретный материал. В тех исследованиях, где «удовольствие» стало методологическим основанием выделения групп и установления их идентификации, как, например, в статье Б.Е. Степанова о некоторых субкультурах, о специфике рецепции ими медиатекстов, сама фантастика фактически отходит на второй план. В других статьях, как, например, в статье А.А. Зубова, «удовольствие» обозначено как механизм академической легитимации жанра фантастики в литературоведении. В обоих случаях «удовольствие» не специфицирует фантастику — постановка этой проблемы представляется вполне уместной и в отношении других объектов анализа. То же можно сказать о попытках

А.Д. Баженовой-Сорокиной и А.С. Ветушинского рассмотреть конституирующий инструмент «удовольствия» в фантастике на примере альтернативного «отвращения». Примеры из комиксов и видеоигр подобраны и проанализированы тщательно, хотя самую дихотомичность подразумеваемой авторами трактовки процессов смыслообразования и смысловосприятия можно оспорить: ни телесность, ни нормативность, ни удовольствие не выступают одним из смысловых полюсов биполярного мира.

Дискуссионный характер предложенных материалов лишь подтверждает необходимость дальнейшего научного сотрудничества представителей разных дисциплин.

Anna Kostikova

STUDIES OF THE FANTASTIC IN INTERDISCIPLINARY AND TRANSDISCIPLINARY RESEARCH

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The ability to create prospective projections of the things to come and alternative scenarios of the present is one of the definitive characteristics of human conscious. Modern literature has developed a few genres of the fantastic which demonstrate potentialities of human imagination and which are of interest for scholars working within the terrain of imagination studies and creativity theory. The pleasure of the text, in terms of Roland Barthes, can be regarded as an approach to exploring the fantastic. The fantastic as a narrative mode defies mimetic representations. Its polysemic structure is based on a complex combination of verisimilitude and non-verisimilitude which is a source of narrative pleasure for readers. This problem addresses methods of various disciplines and requires trans- and inter-disciplinary approaches.

Key words: the fantastic; genres of the fantastic; imagination; theory of creativity; the pleasure of the text.

About the author: *Anna Kostikova* — PhD (in Philosophy), Associate Professor, head of the Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (e-mail: akostikova04@yandex.ru).

А.А. Зубов

**УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ЧТЕНИЯ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ:
СОЗДАНИЕ ИДЕИ
И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ
ПОПУЛЯРНОГО ЖАНРА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье исследуется, как эмоциональное переживание, связанное с восприятием литературы, рефлексировается в культуре и приобретает семиотическое измерение. Автор рассматривает смысловое наполнение, которое понятие удовольствия от чтения научной фантастики приобретает в 1970-е годы в США в связи с дискуссиями о включении этого популярного жанра в университетские программы и в целом в контексте движения по академической легитимации жанра. Изменения в условиях производства и тиражирования популярной литературы (в США в 1940-е годы — распространение дешевых литературных журналов и книг в мягкой обложке карманного формата) привели к расширению аудитории популярных жанров, в том числе научной фантастики и, как следствие, вызвали полемику о жанровом каноне, о «ядре жанра». Увеличение аудитории обусловило появление курсов по истории жанра в университетах. Вхождение научной фантастики в академическое пространство определило необходимость формализации норм чтения и восприятия жанра, т.е. создание «протоколов научной фантастики». Идея удовольствия актуализируется именно в контексте дискуссий о нормах и правилах чтения жанра. В центре этих дискуссий был писатель и критик Сэмюэль Дилэни. Анализируя его критические тексты, автор приходит к выводу, что создание связи между идеей удовольствия и идеей «профессионального» чтения обеспечило научной фантастике доступ в академическое пространство. Нормализация практик чтения стала реакцией на расширение границ бытования жанра и освоение им новых социальных пространств.

Ключевые слова: канон; канонизация; удовольствие от чтения; популярный жанр; академическая легитимация; научная фантастика; Сэмюэль Дилэни; Джеймс Ганн.

Зубов Артем Александрович — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общей теории словесности (дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: artem_zubov@mail.ru).

В предлагаемой статье исследуется, как эмоциональное переживание, связанное с восприятием литературы, рефлексивируется в культуре и приобретает семиотическое измерение. В фокусе статьи концептуальная рамка, которая выстраивается вокруг понятия удовольствия от текста в конкретном историко-культурном контексте, применяется к конкретному жанру (популярной) литературы и нормализует способы чтения и интерпретации произведений, ассоциирующихся с этим жанром. Меня интересует смысловое наполнение, которое понятие *удовольствие* получает применительно к *научной фантастике/science fiction* в США в 1970-е годы в связи с включением жанра в университетские программы и его академической легитимацией.

I

Споры о каноне (литературном, жанровом) начинаются тогда, когда возникает вопрос о границах, когда традиционные производители и институты легитимации теряют контроль над определением ценности литературного явления. Одной из основных предпосылок потери контроля является рост читательской аудитории и, как следствие, формирование разнородных, относительно автономных читательских групп, которые вырабатывают свои способы отбора, оценки и интерпретации текстов.

Дискуссии о границах научной фантастики начались в США в 1960-е годы и были связаны с расширением аудитории жанра по количеству и по составу (с точки зрения возраста, гендера, уровня образования, профессиональных интересов и т.д.).

С точки зрения «медиа-истории» литературы в начале 1940-х годов в США происходит «революция книг в мягкой обложке» (“paperback revolution”) — распространение получают дешевые издания художественной литературы уменьшенного (карманного) размера, напечатанные на некачественной бумаге (того же типа, что и в «pulp-изданиях»¹). Такой тип изданий существенно увеличил аудиторию литературы, в частности научной фантастики. В результате жанровое обозначение “science fiction”, которое на протяжении 1920–1930-х годов использовалось в относительно замкнутом со-

---

¹ Обозначение «pulp fiction» на русский язык часто переводится как «бульварное чтение», хотя это не совсем точный перевод. В англоязычном варианте слово «pulp» обозначает дешевую, плохого качества бумагу, на которой публиковался определенный тип литературной продукции. В этом случае литературное явление получило название по медуму, а низкое эстетическое качество текстов соотносилось с низким качеством носителя.

обществе читателей специализированных журналов, становится известным широкой и разнородной аудиторией².

В середине 1950-х годов научная фантастика начинает опознаваться как сильный и относительно автономный «игрок» на литературном рынке благодаря появлению профессиональной ассоциации писателей-фантастов (“Science Fiction Writers of America”, SFWA). В 1960-е годы научная фантастика также привлекает к себе внимание читателей, писателей и критиков из элитарного сектора культурного производства³. Множатся аудитории жанра и, следовательно, понимания его тематики, поэтики и идеологии.

В 1960-е годы начинается процесс академической легитимации научной фантастики, появляются первые курсы по истории жанра в университетах⁴, а в 1970-е годы — научные журналы, специализирующиеся на этом жанре, создается профессиональная академическая ассоциация исследователей (“Science Fiction Research Association”, SFRA). Карл Фридман указывает на три этапа этого процесса [Freedman, 2001: 28–29]⁵. Во-первых, выделение категории “science fiction” из общего массива литературной продукции и создание первичных критериев отбора для отделения научной фантастики от литературы других жанров и нежанровой литературы⁶. Во-вторых,

---

² Первым подобным изданием научной фантастики в США стала антология “The Pocket Book of Science Fiction”, выпущенная Дональдом Уоллхеймом в 1943 г. (он известен в истории литературы как основатель двух успешных массовых коммерческих издательств: “Ace Books” и “DAW Books”).

Более подробный обзор «медиа-истории» научной фантастики в США см.: [Wolfe, 2011: 18–23].

³ В конце 1950-х годов писатель Кингсли Эмис читает цикл лекций по истории жанра в Принстонском университете, впоследствии эти лекции выходят отдельной книгой “New Maps of Hell” (1960). Тогда же филолог и семиолог Роберт Скоулз выступает с публичными лекциями о научной фантастике в Университете Нотр-Дам в Париже. Эти лекции легли в основу его книги “Structural Fabulations” (1975).

⁴ Первый курс по истории научной фантастики в США был введен в 1953 г. в Городском колледже в Нью-Йорке, но эти занятия не имели официального статуса. Первый официальный курс относится к 1962 г., он читался в колледже Колгейт. Подробнее см.: [Зубов, 2018].

⁵ В этой работе Карл Фридман развивает теорию каноностроительства Джона Гиллори (см.: [Gillory, 1993]).

⁶ В истории научной фантастики в Америке значимую роль на первом этапе сыграли антологии и сборники «классики жанра», которые преподаватели могли использовать на курсах и рекомендовать студентам. Вначале уже упоминалась антология Дональда Уоллхейма, которая стала первой публикацией научной фантастики в книжном формате с лейблом “science fiction” на обложке на американском рынке. В 1970 г. выходит влиятельная, часто упоминаемая антология “The Science Fiction Hall of Fame. Volume One. 1929–1964”. Журнальные публикации, в отличие от книжных, недолговечны, журналы не рассчитаны на многократное использование и долгое хранение (в том числе из-за плохого качества бумаги). Переиздания научной фантастики в книжных антологиях существовали, во-первых, сохранению текстов (антологии,

создание определения жанра, которое было бы принято в академическом сообществе и которое служило бы для отделения «качественной» научной фантастики от «некачественной»⁷. В-третьих, формализация норм чтения и интерпретации жанра, т.е. отделение «профессионального» чтения от «наивного».

В рамках статьи я сосредоточусь на третьем аспекте, так как понятие удовольствия проблематизируется именно в связи с необходимостью выработать особые нормы восприятия жанра для включения его в университетские программы.

II

Понятие удовольствия рассматривается в критических статьях писателя Сэмюэля Дилэни. Он утверждал, что чтение научной фантастики, как и чтение элитарной литературы, требует опыта, знания и владения особыми культурными кодами, «*протоколами научной фантастики*»⁸.

Теорию протоколов Дилэни развивал с позиций семиотики. По Дилэни, научно-фантастический образ трехвалентен: он направлен внутрь текста (на структуру — на систему персонажей и сюжет), вовне (на мир эмпирического читателя — позволяя таким образом историческую, социологическую или идеологическую интерпретацию текста) и на воображаемый мир, который текст конструирует в сознании читателя⁹.

В эссе 1978 г. «О 5,750 словах» Дилэни подробно разбирает придуманную им фразу “the red sun is high, the blue low”. При чтении этого предложения, пишет Дилэни, в сознании читателя происходит «настройка резкости» изображения. Сначала в воображаемое

в отличие от журналов, уже попадали в библиотеки, а при успехе у читателей могли быть переизданы), и, во-вторых, формированию канона, «ядра» жанра, т.е. выделению тех текстов, которые переиздавались и таким образом становились доступными меньшей аудитории жанра (например, более молодым читателям).

⁷ Каноническое определение научной фантастики как «*литературы когнитивного отстранения*» / “*literature of cognitive estrangement*” было сформулировано Дарко Сувиным в цикле статей в журнале “*Science Fiction Studies*” в начале 1970-х годов. В полной форме концепция ученого отражена в монографии “*Metamorphoses of Science Fiction: On the Poetics and History of a Literary Genre*” (1979). Стратегия Сувина заключалась в том, чтобы создать барьеры внутри жанра и показать, что исследователи жанра занимаются не всей научной фантастикой, а только «качественной», которая может изучаться наравне с признанной литературной классикой. Подробнее о подходе Сувина к легитимации жанра см.: [Luckhurst, 1994].

⁸ Это понятие было предложено Дилэни в 1979 г. (см.: [Delany, 1979]).

⁹ Теория трехвалентности научно-фантастического образа развивается Дилэни в книге «Американский берег», написанной по модели “S/Z” Барта (см.: [Delany, 1978]).

поле зрения попадает красное солнце, затем — синее. Как только перед мысленным взором предстает вся картина (два солнца одновременно), читатель переносится в фантастический мир, в котором привычные значения слов «остраиваются». Описывая механику читательской рецепции научной фантастики, Дилэни фокусируется на микроуровне формирования эстетического эффекта, на пространстве «между словами»: «“The red sun is”. Неожиданное чувство близости. Я должен пристально следить за происходящим. “Was” — как, например, в историческом романе — не вызвало бы такого эффекта. Но “is”?.. “Is” подразумевает говорящего здесь и сейчас. Напряжение внимания, которое я ощутил после прочтения первых двух слов, не было моим напряжением — его испытывает говорящий. <...> В пространстве между «the» и «red» рождается информация, которая затем — между “sun” и “is” — корректируется, насыщается смыслом. Здесь я получаю первое эстетическое удовольствие — пока совсем крошечную дозу, но ведь мы продвинулись всего на четыре слова» [Delany, 2009: 6].

Процесс чтения научной фантастики сродни калибровке оптического прибора: читатель, разгадывая новые значения понятных слов, настраивает оптику восприятия, фокусирует и корректирует внутренний взгляд. Читателя научной фантастики в интерпретации Дилэни можно сравнить с семиологом или антропологом, который по отдельным уликам (знакам) последовательно воссоздает картину воображаемого мира, разгадывает логику его функционирования.

Далее в этом же эссе Дилэни разбирает фразу “the door dilated”/«дверь расширилась»¹⁰ из романа Р. Хайнлайна «Там, за гранью» (1942). Эта фраза создает визуальный образ двери, которая открывается «необычным» образом — она раздвигается в стороны подобно зрачку глаза. Словосочетание «the door dilated» было бы бессмысленным в реалистической прозе, но в научной фантастике оно приобретает особую функцию — «остраивает» значения других слов, показывает, что они отсылают не к знакомым реалиям эмпирического мира автора и читателя, а приобретают новые значения. Какие именно — это один из вопросов, который научно-фантастический текст задает своему читателю [Ibid.: 13].

В этой трактовке удовольствие от текста имеет динамический характер, оно возникает в ходе взаимодействия с текстом — между «остраивающим» импульсом и разгадыванием значений читателем. Природа удовольствия, по Дилэни, семиотическая, знаковая. Для чтения научной фантастики необходимо знание кода, то есть

---

¹⁰ В переводе А. Дмитриева, С. Фомченко: «дверь распахнулась» [Хайнлайн, 1994: 5].

выучка. Это знание позволяет читателю распознавать посылаемые научно-фантастическим текстом жанровые сигналы, но оно же дает возможность испытывать удивление — улавливать новые оттенки смыслов.

Идея жанровых протоколов во многом пересекается с понятиями «правила (жанровой) игры» и «горизонт читательских ожиданий», предложенными Х.Р. Яуссом [Jauss, 1982: 76–109]. Тогда как исследование Яусса носит описательный и аналитический характер, то теория Дилэни больше ориентирована на педагогику, на развитие определенных навыков чтения, т.е. отчасти нормативна.

Понятие «протоколов» оказалось востребованным в преподавании жанра в университетах (как с точки зрения истории и теории жанра, так и творческого письма). Известный писатель и педагог Джеймс Ганн, основатель Центра изучения научной фантастики в Канзасском университете, рассказывает, что задача, которую он ставит перед своим курсом, как раз состоит в обучении студентов правилам чтения научной фантастики, то есть «протоколам» жанра. Увеличение критической дистанции между текстом и читателем, как полагает Ганн, напрямую связано с получением удовольствия от текста: «Один из моих принципов как преподавателя научной фантастики гласит, что не стоит сдерживать спонтанно возникающее мнение и что свободное упоение книгой может стать источником чистого, наивного удовольствия от текста. И все же в более строгом чтении есть свое (и возможно, более высокое) удовольствие» ([Ганн]; оригинал см.: [Gunn]). Однако для некоторых студентов эта дистанция оказалась непреодолимой. В течение первых лет преподавания курса число студентов сократилось с нескольких сотен до нескольких десятков и продолжало сокращаться в последующие годы [Gunn, 1996: 378].

***

Семиотическая интерпретация Дилэни получила развитие в дальнейших работах о научной фантастике¹¹. За несколько десятилетий своего существования теория «протоколов» и связанная с ней идея удовольствия от текста стали своего рода общим местом как в

---

¹¹ Так, бельгийско-канадский дискурсолог Марк Анжено предлагает идею «отсутствующей парадигмы», или парадигматического «фантазма»: «Повествование в научной фантастике предполагает, что именно «не-сказанное» определяет содержание текста. <...> Акцент делается не на персонажах и событиях в будущем или в другой вселенной, а на типах, нормах, моделях и институтах, которые репрезентируются персонажами и событиями» [Angenot, 1979: 15].

Идеи Дилэни также переосмысляются с точки зрения «эффекта реальности» в научной фантастике (см.: [Spencer, 1983]).

научных, так научно-популярных и литературно-критических дискуссиях о жанре¹².

В завершении следует указать на социальные предпосылки, обусловившие необходимость экспликации протоколов научной фантастики. По-видимому, в каком-то виде протоколы функционировали с конца 1920-х годов, т.е. с того момента, когда жанр возник на литературном рынке США как отдельная производственная ниша, связанная со специализированными журналами и читательскими сообществами. Однако тогда эти протоколы существовали на правах «неписанных правил игры», т.е. ощущались авторами, читателями и издателями, работавшими в поле научной фантастики, скорее, интуитивно¹³. На наличие интуитивного знания протоколов косвенно указывает и историческая динамика жанра: «новое» в жанре, работа с протоколами других жанров и радикальный отказ от протоколов возможны только тогда, когда есть точка отсчета для сравнения и когда она опознается участниками жанра. Выход в широкое культурное и социальное пространство сформировал для деятелей жанра социальный запрос — необходимость коммуницировать внешним институтам специфику своей деятельности. Ответ на этот запрос реализовался, в частности в форме протоколов жанра, которые были призваны отделить небольшое число «профессионалов» (которым доступно искомое удовольствие как награда за «труд чтения») от «наивного» большинства и, как следствие, легитимировать жанр в академическом пространстве.

Список литературы

1. Ганн Дж. Протоколы научной фантастики / Пер. А. Яковец // Будущее время. Материалы. URL: <http://bf.sistema.ru/futuretense/materials/> (дата обращения: 10.03.2019).
2. Зубов А. Придумать канон, пока кто-то не сделал это за нас // Горький Медиа. 29 октября 2018 г. URL: <https://gorky.media/context/pridumat-kanon-poka-kto-to-ne-sdelal-eto-za-nas/> (дата обращения: 10.03.2019).

---

¹² Современный писатель-фантаст Джо Уолтон утверждает, что для писателя знание протоколов необходимо: «Люди, которые не читают научную фантастику, но пишут ее, пишут ее ужасно... потому что они не знают, что следует, а чего не следует объяснять. Они поясняют либо слишком много, либо недостаточно, в результате выпуская что-то маловразумительное, вызывающее лишь раздражение у читателя научной фантастики» [Wolton, 2010].

¹³ Ср.: «Под “жанровой научной фантастикой” понимается та, которая была написана после 1926 года [год, когда был придуман термин “scientification”, который несколькими годами позже преобразился в привычное обозначение “science fiction”. — А.З.], напечатана в специализированном журнале и характеризуется полным следованием авторско-читательскому “контракту”, то есть использует протоколы из канонических для жанра текстов... Отказ от протоколов сродни уходу из дома, то есть предательству или измене» [Clute, Nicholls, 2015].

3. *Хайнлайн Р.* Там, за гранью. Рига, 1994.
4. *Angenot M.* The Absent Paradigm: An Introduction to the Semiotics of Science Fiction // *Science Fiction Studies*. Vol. 6. 1979. № 1. P. 9–19.
5. *Clute J., Nicholls P.* Genre SF // *The Encyclopedia of Science Fiction*. 2 April 2015. URL: http://www.sf-encyclopedia.com/entry/genre_sf (дата обращения: 10.03.2019).
6. *Delany S.* The American Shore: Meditations on a Tale of Science Fiction by Thomas M. Disch — *Angouleme*. Elizabethtown, N.Y., 1978.
7. *Delany S.* Science Fiction and “Literature” — or, The conscience of the King // *Analog Science Fiction/Science Fact*. 1979. № 5. P. 59–78.
8. *Delany S.* About 5,750 Words // *Delany S.* The Jewel-Hinged Jaw: Notes on the Language of Science Fiction. Middletown, Con., 2009. P. 1–15.
9. *Freedman C.* Critical Theory and Science Fiction. Middletown, Con., 2001.
10. *Jauss H.R.* Toward the Aesthetic of Reception. Minneapolis, 1982.
11. *Gillory J.* Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago, 1993.
12. *Gunn J.* Teaching Science Fiction // *Science Fiction Studies*. Vol. 23. 1996. № 3. P. 377–384.
13. *Gunn J.* The Protocols of Science Fiction // *Gunn Center for the Study of Science Fiction*. URL: <http://www.sfcenter.ku.edu/protocol.htm> (дата обращения: 10.03.2019).
14. *Luckhurst R.* The Many Deaths of Science Fiction: A Polemic // *Science Fiction Studies*. Vol. 21. 1994. № 1. P. 35–50.
15. *Spencer K.L.* “The Red Sun Is High, the Blue Low”: Towards a Stylistic Description of Science Fiction // *Science Fiction Studies*. Vol. 10. 1983. № 1. P. 35–59.
16. *Wolfe G.K.* Evaporating Genres: Essays on Fantastic Literature. Middletown, Con., 2011.
17. *Wolton J.* SF Reading Protocols // *Tor.com*. 2010. 18 January. URL: <https://www.tor.com/2010/01/18/sf-reading-protocols/> (дата обращения: 10.03.2019).

Artem Zubov

**FINDING PLEASURE IN READING
SCIENCE FICTION: CREATION OF THE IDEA
AND ACADEMIC LEGITIMATION
OF THE POPULAR GENRE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article explores pleasure from reading as an emotional response to literature. It investigates the meaning of the notion, tracing it back to the canonization of

science fiction in US colleges in the 1970s and the creation of academic courses in the history of the genre. Transformative dynamics in the forms of production and distribution of popular literature in the US in the 1940s expanded the audience of popular genres, including science fiction. The rise in the readership mediated the emergence of academic courses in the history of the genre that, subsequently, led to normalization of science fiction reading practices (and creation of the “protocols of science fiction”). The idea of pleasure from science fiction was actualized in the flow of discussions on the norms of reading science fiction. Analyzing critical works by Samuel Delany, the paper concludes that formation of the bridge between the ideas of pleasure and ‘professional’ reading of science fiction promoted science fiction into the academic world. Normalization of reading practices was a response to the expansion of ‘living space’ of the genre and mastering other social spaces.

Key words: canon; canon formation; pleasure from reading; popular genre; academic legitimation; science fiction; Samuel Delany; James Gunn.

About the author: *Artem Zubov* — PhD, Department for Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: artem_zubov@mail.ru).

References

1. Gunn J. Protokoli nauchnoy fantastiki [The Protocols of Science Fiction] (translated by A. Yakovets). *Budushcheye vremya. Materiali* [Future tense. Materials]. URL: <http://bf.sistema.ru/futuretense/materials/> (accessed: 10.03.2019). (In Russ.)
2. Zubov A. Pridumat’ kanon poka kto-to ne sdelał eto za nas [Invent a Canon Until Someone Did It for Us]. *Gorky Media*. 29 October 2018. URL: <https://gorky.media/context/pridumat-kanon-poka-kto-to-ne-sdelał-eto-za-nas/> (accessed: 10.03.2019). (In Russ.)
3. Heinlein R. *Tam, za granyu* [Beyond This Horizon]. Riga, Polyaris Publ., 1994. (In Russ.)
4. Angenot M. The Absent Paradigm: An Introduction to the Semiotics of Science Fiction. *Science Fiction Studies*, 1979, Vol. 6, № 1, pp. 9–19.
5. Delany S. *The American Shore: Meditations on a Tale of Science Fiction by Thomas M. Disch — Angouleme*. Elizabethtown, N.Y., Dragon Press, 1978.
6. Delany S. Science Fiction and “Literature”— or, The conscience of the King. *Analog Science Fiction/Science Fact*, 1979, № 5, pp. 59–78.
7. Delany S. About 5,750 Words. *The Jewel-Hinged Jaw: Notes on the Language of Science Fiction*. Middletown, Con., Wesleyan University Press, 2009, pp. 1–15.
8. Clute J, Nicholls P. Genre SF. *The Encyclopedia of Science Fiction*. 2 April 2015. URL: http://www.sf-encyclopedia.com/entry/genre_sf (accessed: 10.03.2019).
9. Jauss H.R. *Toward the Aesthetic of Reception*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1982.
10. Freedman C. *Critical Theory and Science Fiction*. Middletown, Con., Wesleyan University Press, 2001.

11. Gillory J. *Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago, University of Chicago Press, 1993.
12. Gunn J. Teaching Science Fiction. *Science Fiction Studies*, 1996, Vol. 23, № 3, pp. 377–384.
13. Gunn J. The Protocols of Science Fiction. *Gunn Center for the Study of Science Fiction*. URL: <http://www.sfcenter.ku.edu/protocol.htm> (accessed: 10.03.2019).
14. Luckhurst R. The Many Deaths of Science Fiction: A Polemic. *Science Fiction Studies*, 1994, Vol. 21, № 1, pp. 35–50.
15. Spencer K.L. “The Red Sun Is High, the Blue Low”: Towards a Stylistic Description of Science Fiction. *Science Fiction Studies*, 1983, Vol. 10, № 1, pp. 35–59.
16. Wolfe G.K. *Evaporating Genres: Essays on Fantastic Literature*. Middletown, Con., Wesleyan University Press, 2011.
17. Wolton J. SF Reading Protocols. *Tor.com*. 18 January 2010. URL: <https://www.tor.com/2010/01/18/sf-reading-protocols/>(accessed: 10.03.2019).

Б.Е. Степанов

**УДОВОЛЬСТВИЕ,
ФАНТАСТИКА И ИССЛЕДОВАНИЕ
ФАНАТСКИХ СООБЩЕСТВ¹**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20*

Эвристическая ценность понятия удовольствия была осмыслена в контексте дискуссий об изучении популярной культуры, результатом которых стало признание культурной активности различных сообществ и аудиторий в современном обществе. Эта идея стала отправной точкой для такой отрасли культурных исследований как исследования фанатских сообществ (fan studies). Возникновение подобных сообществ в свою очередь было тесно связано с развитием жанра научной фантастики и его бытованием в различных медиа. Опираясь на опыт исследовательского проекта по изучению сообществ любителей советского фантастического кино, автор статьи предлагает ряд наблюдений относительно фанатской рецепции научной фантастики. Рецептивные стратегии этих фанатских сообществ, возникающих на обочине сложившегося в постсоветской культуре литературного фандома, не определяются приверженностью литературным формулам и канонизированным жанровыми образцами. Принципиальное для переприсвоения любимых кинофильмов в рамках новых медиа значение приобретают ностальгические эмоции, практики культового восприятия кинематографа, отсылающие к коллективному опыту и реализующиеся в различных формах фанатской активности. Впрочем, обращение к данному примеру не сводится к выявлению специфики советской кинофантастики как объекта фанатской рецепции, но указывает на необходимость осмысления различных видов опыта — кинематографического, литературного, музыкального и т.д. — в контексте разворачивающейся в современной культуре конвергенции медиа.

Степанов Борис Евгеньевич — кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований НИУ ВШЭ, доцент Школы культурологии НИУ ВШЭ (e-mail: bstepanov@hse.ru).

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Ключевые слова: фантастика; советская кинофантастика; удовольствие; популярная культура; культурные исследования; исследования фанатских сообществ; интернет сообщества; рецепция; культовое кино, ностальгия.

Для исследователя фантастики понятие удовольствия безусловно обладает важным эвристическим потенциалом, который, однако, лежит в значительной степени «по ту сторону» традиционных литературоведческих подходов. Этот потенциал совершенно не ограничивается провокационными метафорами, вроде бартовского «удовольствия от текста». Значимость темы удовольствия можно продемонстрировать, опираясь на опыт культурных исследований (cultural studies). Для представителей этого направления понятие удовольствия становится одним из ориентиров, выражающих идею поворота к исследованию популярной культуры [Степанов, 2017]. Пересматривая представление о том, что восприятие массовых текстов сводится к удовлетворению неподлинных потребностей или скрытых комплексов, теоретики популярной культуры предлагали отказаться от заведомо негативного отношения к потреблению этих текстов и допустить возможность их рассмотрения как инструментов подлинной самореализации субъекта. Так, например, по мнению Терри Ловелл, удовольствие не следует трактовать лишь в связи с индивидуальным опытом: «удовольствие от текста проистекает, по крайней мере частично из коллективных утопий, исполнения социальных желаний и социальных устремлений, и это не просто сублимированное выражение более основных сексуальных желаний» [Lovell, 1980: 61; цит. по: McGuigan, 1992: 68]. Таким образом, потребление более не воспринималось как сфера идеологического манипулирования пассивным субъектом. Последний наделялся способностью активно осваивать, интерпретировать тексты массовой культуры и пользоваться ими для формирования своего смыслового мира и своей культурной идентичности². Некоторые наиболее радикальные теоретики, такие, например, как Джон Фиске, стремились раскрыть эмансипаторный характер этой активности, приписать ей политически прогрессивную роль и даже представить популярную культуру как сферу идеологического сопротивления. Похожий тезис был развит в классическом исследовании Дженис Рэдуэй, посвященном анализу женских романов. Признавая, что идеология женского романа может быть в некоторых отношениях достаточно консервативной, Рэдуэй показывает, что сама практика

---

² Характерно, что значимую роль в обосновании этой теоретической перспективы наряду с идеями Ролана Барта сыграла концепция Михаила Бахтина [Turner, 2003: 18]. Применительно к литературе эта тема более развернуто обсуждается в известной работе Риты Фелски [Felski, 2008].

их чтения — начиная от факта покупки и заканчивая выделением времени, когда женщина может погрузиться в чтение, — является важной формой самореализации женщин в рамках семьи как социального института [Рэдуэй, 2004]. Однако для нас более важным является методологический посыл описываемого здесь поворота. Он связан с признанием разрыва между смыслом текста, как его реконструирует критик или теоретик литературы/культуры, и характером восприятия текста аудиториями. Это признание стало одним из импульсов для перехода от использования герменевтических и структурно-семиотических подходов, почерпнутых исследователями культуры из литературоведения, к разработке методов исследования рецепции и изучения аудиторий, которые бы позволяли описывать последние во всем их разнообразии.

Одной из областей, для которых обращение к проблематике рецепции и активных аудиторий имело принципиальное значение, стали исследования фанатских сообществ (*fan studies*). Возникновение этого направления было связано с реабилитацией фигуры фаната: если в работах 1960-х — 1980-х годов представители фан-сообществ часто описывались как одержимые манией поклонники и, соответственно, как объект манипуляции производителей медиатекстов, то с начала 1990-х годов их активность получает более позитивную интерпретацию. Генри Дженкинс, чья книга “*Textual roachers: television fans and participatory culture*” сыграла важнейшую роль в обосновании этой интерпретации, показывает, что фанаты не только занимают активную позицию в отношении потребляемой медиапродукции, но также вполне способны к рефлексивному восприятию объекта своего поклонения. «Фанаты, — пишет Дженкинс, — активно утверждают свою власть над массово производимыми текстами, которые выступают сырьем для их собственной культурной продукции и основой для их социального взаимодействия. При этом фанаты перестают быть просто аудиторией популярных текстов; напротив, они становятся активными участниками конструирования и распространения текстуальных значений» [Jenkins, 1992: 24]. Спектр возможностей контроля над текстами и создания сообществ в значительной степени обусловлен развитием средств коммуникации. Появление интернета значительно расширило этот спектр и обусловило новый всплеск фанатской активности. Вместе с тем в контексте нашей темы представляется важным отметить, что интенсивность фанатской активности проявляется преимущественно в связи с определенными жанрами и произведениями. Экспансии фандомов в современном обществе шла рука об руку

с эволюцией и трансформацией жанра фантастики. Как отмечает Карен Хеллексон, именно любители научной фантастики «создали и назвали то, что мы сейчас знаем как фандом, они сформировали прообразы многих форм активности фанатов, которые сохраняют значимость в различных субкультурах независимо от их направленности» [Hellekson, 2018: 66].

Описанная здесь перспектива стала отправной точкой для исследовательского проекта, посвященного анализу формирования сообществ любителей советской кинофантастики³. Обращение к этому материалу позволяет указать как на значение фандома для развития этого жанра литературной и медийной продукции, так и на специфику, связанную с отличием литературы от кинематографа, особенностями культа кинофантастики и влиянием постсоветского контекста. История советской фантастики показывает, что, как и в западных странах, преимущественно именно этот жанр инспирирует возникновение фандомной активности. Культ фантастики в СССР представляет собой интереснейший феномен, который сегодня привлекает внимание исследователей [Кукулин, 2017]. Ни один другой литературный жанр не вызывал подобной читательской активности, на почве которой возникает система клубов любителей фантастики, организуются издания и конвенты [Осипов, 1981]. Среда любителей фантастики оказалась благоприятной почвой для развития таких важнейших составляющих современной фан-культуры, как ролевые игры, реконструкторское движение и т.д. В еще большей степени это можно сказать о сообществах кинолюбителей. Несмотря на то, что кинофантастика не получила полноценного развития в советское время, именно с ней было связано возникновение достаточно мощных сообществ любителей советского кино.

Ключевым фактором формирования этих сообществ стало появление глобальной сети. Надо сказать, что любители фантастики вообще были пионерами освоения Интернета. Так, крупнейший сайт «Русская фантастика», призванный «собирать и распространять рисунки, статьи, фото, рецензии и другую информацию о русскоязычной фантастике, классических и современных русских писателях-фантастах» [Ватолин, 1999], был создан в 1996 году практически одновременно с такими известными пионерскими проектами Рунета, как «Вечерний интернет» или чат «Кроватка» [Горный, 2007]⁴. Через три года после этого в орбите «Русской фантастики»

---

³ Подробнее о проекте см. в [Stepanov, in print]

⁴ Это, по-видимому, объясняется преобладанием среди любителей фантастики представителей научно-технической интеллигенции, которые имели возможность первыми освоить эту новую коммуникативную технологию. Хронику развития проекта см.: [Ватолин, 2001].

появляется интернет-проект «Миелофон», ставший площадкой для коммуникации любителей кинофантастики⁵.

Сообщество любителей кинофантастики обладало своими специфическими особенностями. Дело заключалось не только в том, что создатели интернет-проекта «Русская фантастика» опирались на уже существующее движение любителей литературной фантастики. Сама структура проекта была ориентирована на литературную культуру: архив формировался вокруг творчества отдельных писателей, воспроизводя тем самым конструкцию литературной классики. При этом кино в этой конструкции не имело самостоятельного места и рассматривалось преимущественно как вторичный продукт — экранизация литературного текста. Сообщество любителей кинофантастики не только сформировалось уже непосредственно в Интернет-среде, но сами принципы организации фандома здесь были существенно иными. Как явствует из названия проекта, кристаллизация этого сообщества была связана с телесериалом «Гостья из будущего», вышедшем на экраны в 1985 г. Уже в момент своего появления сериал приобрел культовый характер и породил собственную фольклорную традицию. Главным объектом этого культа, получившего название «алисомании», стала Наталья Гусева, исполнившая роль девочки из будущего Алисы Селезневой. Актуализация этого культа, оказавшаяся возможной благодаря Интернету, и стала импульсом для формирования сообщества⁶. Очевидно, что здесь не могло быть и речи об уже сложившейся и институционализированной системе культурного авторитета: культовый текст в данном случае был далек не только от традиции «высокой» литературной фантастики, но также и от признанных образцов кинофантастики — будь то фильмы Тарковского, Кубрика или Ридли Скотта⁷.

---

⁵ Показательно, что формирование этих сообществ произошло в еще до расцвета киберфандомов, связанного с выходом книг и фильмов о Гарри Поттере, экранизацией «Властелина колец» Дж.Р.Р. Толкина и возобновлением киносериала о «Звездных войнах».

⁶ Наряду с этими двумя сайтами в первой половине 2000-х годов возникло еще несколько менее масштабных проектов, посвященных фильму. Речь идет о неофициальной странице Наташи Гусевой «Проект-Н» (2004), сайте «Слова Алисы» (2002), где собраны реплики Алисы из фильма и даже составлен для них тезаурус, интернет-проектах «Связь времен» (2002) и «Планета по имени Алиса» (2005), посвященных литературной Алисиане, сайте «Mirabile futurum», посвященном песне «Прекрасное далеко» (2005), мемориальном сайте Алексея Фомкина, сыгравшего роль Коли Герасимова (2016) и т.д.

⁷ Следует оговориться, что разные сегменты фандома имеют свою специфику. В сообществах, связанных с фильмами Ричарда Викторова или фильмом Г. Даниэля «Кин-дза-дза», рецепция жанра будет иметь иной характер.

Важнейшей особенностью складывающегося культа «Гости из будущего» было то, что он стал точкой сборки детского киноопыта. Не случайно в появившемся на сайте разделе «Кинофантастика» аккумулировались главным образом фильмы — как советские («Москва-Кассиопея», «Отроки во вселенной» или «Большое космическое путешествие»), так и зарубежные («Приключения в каникулы», «Властелины времени», «Полет с навигатором»), — которые присутствовали на кино- и телеэкранах в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Соответственно, восприятие этих фильмов определяется исторической дистанцией, которая отделяла тогдашних (и сегодняшних) зрителей от момента выхода фильмов на экраны. Это восприятие аккумулирует работу по вписыванию этих фильмов в контекст современного опыта, как кинематографического, так и социального. Фантастика здесь становится объектом ностальгии, которая усиливает утопический посыл этих произведений, связанный с возможностью обрести позитивную проекцию будущего. Вместе с тем, важно учесть то, что постсоветский контекст рецепции сериала делает эту ностальгию весьма неоднородной. Показательно, например, то, что одним из контекстов интерпретации и самого сериала, и, прежде всего, его главной героини стала-традиция аниме. В середине 2000-х годов в сети появился псевдопостер японского римейка «Гости из будущего», а автор статьи об Алисе в Интернет-энциклопедии «Lurkmore» подчеркивает «кавайность» ее больших глаз и странной улыбки и называет ее «Первой тян советской фантастики» [Алиса Селезнева, 2018]⁸. Важно также подчеркнуть, что метафора «точки сборки» имеет вполне содержательный характер в плане характеристики активности участников фан-сообществ. Фанаты не только переприсваивают любимые фильмы, пользуясь возможностями цифровой культуры, они активно создают новые произведения от ремиксов до фанфиков, от ретропостеров до фанатского видео, осваивая те формы творчества, которые характерны для современных интернациональных фандомов [Самутина, 2013]. Этот интерес к фанатскому творчеству составляет еще одно отличие сообщества любителей кинофантастики от любителей фантастики литературной.

Сказанное, думается, подтверждает несколько важных тезисов, раскрывающих значение темы удовольствия от текста применительно к фантастике. Сама постановка этого вопроса может быть осмыслена только в определенных теоретических рамках, связанных с допущением о самостоятельном значении и позитивном содер-

---

⁸ На сленге поклонников аниме «тян» означает девушку, «кавайный» — «милый», «прелестный».

жании рецепции медиатекстов. Одним из возможных направлений такого исследования, особенно актуальным в случае жанра фантастики, может быть изучение культурной активности фан-сообществ. Обращение к отражающим эту активность материалам дает возможность проанализировать бытование жанра в современной культуре, характеризующейся растущей самостоятельностью потребителей культурной продукции, изменением ценностных иерархий и конвергенцией различных медиа.

Список литературы

1. Алиса Селезнева // Энциклопедия Lurkmore. 28 февраля 2018. URL: http://lurkmore.to/%D0%90%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%B0_%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D1%91%D0%B2%D0%B0 (дата обращения: 15.03.2019).
2. *Ватолин Д.* Пятилетие сервера «Русская фантастика» // Портал «Русская фантастика». Июнь 2001. URL: <http://www.rusf.ru/about/5years.htm> (дата обращения: 15.03.2019).
3. *Ватолин Д.* Суть «Русской фантастики» // Портал «Русская фантастика». 01.02.1999. URL: <http://www.rusf.ru/about/idea.htm> (дата обращения: 15.03.2019).
4. *Горный Е.* Летопись русского Интернета: 1990–1999 // Портал «Сетевая литература» 14.03. 2007. URL: <https://www.netslova.ru/gorny/rulet/1996.htm> (дата обращения: 15.03.2019).
5. *Кукулин И.* Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 145. С. 61–85.
6. *Осипов А.* От Калининграда до Хабаровска (О клубах любителей фантастики в СССР) // Техника-молодежи. 1981. № 11. С. 10–11. URL: <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/tm/1981/11/o-klf.html> (дата обращения: 15.03.2019).
7. *Рэдуэй Дж.* Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
8. *Самутина Н.В.* Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. № 3. С. 137–194.
9. *Степанов Б.Е.* «Осевое время» культурных исследований: дискуссия о культурном популизме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. Т. 9. 2017. № 3. С. 104–134.
10. *Felski R.* Uses of Literature. Oxford, 2008.
11. *Hellekson K.* The Fan Experience // Companion to Media Fandom and Fan Studies / Ed. P.A. Booth. Chichester, UK, 2018. P. 65–76.
12. *Jenkins H.* Textual Poachers: Studies in Culture and Communication. L., 1992.

13. *Lovell T.* Pictures of Reality. L., 1980.
14. *McGuigan J.* Cultural Populism. L., 1992.
15. *Stepanov B.* “If I forget anything at all...”: sci-fi fan communities, post-Soviet nostalgia and contemporary cinematic experience. (In print)
16. *Turner Gr.* British Cultural Studies: An Introduction. L., 2003.

Boris Stepanov

PLEASURE, SCIENCE FICTION, AND FAN STUDIES

*Higher School of Economics, National Research University
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, 101000*

Validity of the concept of pleasure became evident in the context of debates on the study of popular culture. They demonstrated a growing significance of the creative impact that different audiences and communities make in contemporary culture. This idea became a departing point for a branch of cultural research of fan studies. Exploring of fan communities is important for science fiction studies because of the close relationship between the emergence of these communities and the development of the genre across different media. Drawing on the research of Soviet sci-fi cinema fan communities, the author offers some observations on the reception of science fiction. The receptive strategies of these communities, which emerged on the margins of the post-Soviet literary fandom, are not determined by adherence to literary formulas and canonized genre models. Nostalgic emotions, practices of cult perception of cinematography, which refer to the collective experience and are implemented in various forms of fan activity, are gaining importance, which is fundamental for re-appropriating favorite movies within the framework of new media. However, the reference to this example is not limited to revealing the specifics of Soviet film fiction as an object of fan reception, but also points to the need for comprehension of various types of experience — both cinematographic and literary, musical, etc. — in the context of the convergence of different media that is emerging in contemporary culture.

Key words: science fiction; soviet sci-fi cinema; pleasure; popular culture; cultural studies; fan studies; internet communities; reception; cult cinema; nostalgia.

About the author: *Boris Stepanov* — PhD (in Cultural Studies), Leading Research Fellow, Research Centre for Contemporary Culture at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Associate Professor, School of Cultural Studies, Higher School of Economics, National Research University (e-mail: bstepanov@hse.ru).

References

1. *Alisa Selezneva*. Enciklopediya Lurkmore [Encyclopedia Lukmore]. 28. 02. 2018. URL: http://lurkmore.to/%D0%90%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%B0_%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D1%91%D0%B2%D0% (accessed: 15.03.2019) (In Russ.)
2. Vatolin D. *Pyatiletie servera "Russkaya fantastika"* [Five years of 'Russian Science Fiction']. Portal "Russkaya fantastika" [Russian Science Fiction], 06.2001. URL: <http://www.rusf.ru/about/5years.htm> (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
3. Vatolin D. *Sut' "Russkoi fantastiki"* [The point of 'Russian Science Fiction']. Portal «Russkaya fantastika» [Russian Science Fiction], 1.02.1999. URL: <http://www.rusf.ru/about/idea.htm> (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
4. Gornyi E. *Letopis' russkogo Interneta: 1990–1999* [Chronicle of the Russian Internet: 1990–1999]. Portal «Setevaya literatura» [Net Literature] (accessed: 14.03.2007). URL: <https://www.netslova.ru/gorniy/rulet/1996.htm> (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
5. Kukulin I. Periodika dlya ITR: sovetskie nauchno-populyarnye zhurnaly i modelirovanie interesov pozdnesovetskoj nauchno-tehnicheskoi intelligencii [Periodicals for Engineer-technical employees: Soviet popular science journals and modeling of interests of late Soviet scientific and technical intelligentsia]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2017, № 1, pp. 61–85. (In Russ.)
6. Osipov A. Ot Kaliningrada do Habarovska (O klubah lyubitelei fantastiki v SSSR) [From Kaliningrad to Khabarovsk (About sci-fi fan clubs in the USSR)]. *Tehnika-molodezhi*. [Technology for the Youth], 1981, № 11, pp. 10–11. URL: <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/tm/1981/11/o-klf.html> (accessed: 15.03.2019). (In Russ.)
7. Radway J. *Chitaya lyubovnye romany: zhenshiny, patriarhat i populyarnoe chtenie* [Reading the Romance: Women, Patriarchy, and Popular Literature] M.: Progress-Tradiciya Publ., 2004. (In Russ.)
8. Samutina N.V. Velikie chitatel'nicy: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta [The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2013, № 3, pp. 137–194. (In Russ.)
9. Stepanov B.E. "Osevoe vremya" kul'turnyh issledovaniy: diskussiya o kul'turnom populizme [The "Axial Age" of Cultural Studies: A Discussion on Cultural Populism]. *Laboratorium. Zhurnal social'nyh issledovaniy* [Laboratorium. Russian Review of Social Research], 2017, Vol. 9, № 3, pp. 104–134. (In Russ.)
10. Felski R. *Uses of Literature*. Oxford: Blackwell Publishers, 2008.
11. Hellekson K. The Fan Experience. *Companion to Media Fandom and Fan Studies*/Ed. Booth P.A. Chichester, UK: John Wiley & Sons, 2018, pp. 65–76.

12. Jenkins H. *Textual Poachers: Studies in Culture and Communication*. London: Routledge, 1992.
13. Lovell T. *Pictures of Reality*. London: British Film Institute, 1980.
14. McGuigan J. *Cultural Populism*. London: Routledge, 1992.
15. Stepanov B. «*If I forget anything at all...*»: *sci-fi fan communities, post-Soviet nostalgia and contemporary cinematic experience*. (In print)
16. Turner Gr. *British Cultural Studies: An Introduction*. London: Routledge, 2003.

А.Д. Баженова-Сорокина

**ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ТЕЛО
В АМЕРИКАНСКОМ КОМИКСЕ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ
К «ОТВРАТИТЕЛЬНОМУ»**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20*

Историю комикса можно рассмотреть через призму изменений репрезентации тела, способов передачи опыта телесности. В статье анализируется репрезентация фантастического тела как прием характеристики героев комикса и дихотомия «прекрасное/отвратительное», которая становится объектом саморефлексии в комиксе в период его истории, традиционно называемый Серебряным веком. История американских комиксов представлена в статье с точки зрения эволюции представлений об уродстве как об этически заряженной характеристике, т. е. как об индикаторе зла в герое. Эволюция эта связана с борьбой угнетаемых групп населения за свои права, она находит свое выражение в том, как в комиксе начинает осмысляться представление о желании и его связь с нормой. В Золотом веке комиксов желанное обязательно прекрасно, супергерой автоматически является объектом желания и обладает добродетелями, но постепенно ситуация меняется, и авторы комиксов начинают показывать, что желанным и хорошим может являться и нечто, что принято считать уродливым, так как оно отличается от нормы. На примере комиксов о Людах Икс и «Саги» Б.К. Вона и Ф. Стейплз проводится анализ отношения к телу «Другого». Автор приходит к выводу, что к началу XXI в. в комиксе понятие «отвратительный» становится относительным, так как герои теперь существуют в мире, где не действуют универсальные нормы красоты, и уродство перестает восприниматься как маркер антигероя.

Ключевые слова: характеристика в комиксе; телесность; «Сага»; «Люди Икс»; история комикса; фантастическое тело.

Баженова-Сорокина Александра Дмитриевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Школа филологии НИУ ВШЭ (e-mail: bazhenova.ai@gmail.com).

«Необходимость придавать героям определенную визуальную форму очевидно отличает комиксы от литературного повествования. В комиксе <...> описание внешности и действий героев может быть одновременно вербальным и визуальным, а одно может подтверждать или опровергать другое», — пишет Кай Микконен в монографии «Нарратология искусства комикса» [Mikkonen, 2017: 195]. Комиксы — медиум, работающий одновременно на поле визуального и текстового, а неразрывная связь этих двух составляющих играет ключевую роль в понимании эстетической составляющей и этической заряженности рассказываемых историй. Еще одно важное свойство медиума — его связь с газетной карикатурой (первые комиксы печатались в газетах и в журналах в Европе и Северной Америке с середины XIX в.) и с бульварным чтивом, в котором гипертрофированные насилие и эротика представлены не только в текстах, но и в иллюстрациях. Тело в комиксе — одна из основ построения визуального языка¹, который держится, в частности, на гротескном преувеличении как сексуального, так и отвратительного, а также на эффекте шока.

Изображение женского и мужского тела в идеальной гипертрофированно спортивной и сексуализированной форме — норма американских комиксов о супергероях и не только. Но помимо фетишизации прекрасного человеческого тела один из ключевых тропов американского комикса — противопоставление его телу отвратительному. Тело «чужого» в комиксе противоположно человеческому герою примерно со времен появления этого вида искусства, и борьба добра и зла в комиксе зачастую показана именно как борьба живого, пышущего сексуальной энергией человеческого и всех видов ущербного, нездорового или нечеловеческого. Роботы, инопланетяне, зомби, мутанты, монстры в комиксах могут быть расположены на шкале от ужасающего уродства до богоподобной привлекательности по мере их приближения к олимпийскому идеалу греческой скульптуры. В то же время эта шкала может быть определена и как шкала желания читателя/зрителя, в которой он получает наибольшее удовольствие как от идентификации с идеальным телом главного героя, так и от осознания собственной непохожести на отвратительные тела врагов героя.

Многие атрибуты телесности, характерные для хоррора, одного из наиболее популярных жанров комиксов 1940–1950-х годов, ока-

---

¹ «Визуальное упрощение и преувеличение — это также способ фокусировки. Преувеличение помогает подчеркнуть конкретную черту, психологическое состояние, идею, природу или последствие действия» [Mikkonen, 2017: 195].

зались востребованными и в других визуальных медиа, в частности в кино. Эти атрибуты закрепились и стали типичными для изображения «суперзлодеев» в супергеройском повествовании и для характеристики иных видов «Другого» в научно-фантастических комиксах.

Популярность хоррора в комиксе напрямую связана с эффектом ужасного, достигаемого благодаря ощущению отвращения и возбуждения, которые читатель-зритель испытывает при рассмотривании фантастического тела. Речь в данном случае идет об ощущении трансгрессии при виде «Другого», который оказывается безопасным для читателя, будучи опасным для героя. Репрезентация кошмара, связанного с разными формами искажения тела, в комиксе работает иначе, чем в литературе или в кино: во-первых, в силу того, что читатель самостоятельно выбирает скорость, а иногда и последовательность прочтения комикса и может пролистывать его или задерживаться на конкретном изображении, а во-вторых, потому что отвратительное в классическом американском комиксе² обязательно вступает в контакт с не менее фантастически прекрасным. Тела героев в комиксах не просто сексуальны, но далеки от реальности в той же степени, что и тела монстров: пропорции тела женщин и мужчин, их позы и мимика в моменты совершения сложнейших манёвров или при максимальном стрессе всегда гипертрофированы. Таким образом, гротескность отвратительного уравнивается с гротескностью желанного.

Отвратительное в комиксе появляется, когда изменен или отсутствует один какой-то атрибут «прекрасного», т.е. живого, здорового, молодого человеческого тела. Тело человека с элементами животного, инопланетного; нарушения кожного покрова (прыщи, наросты, чешуя); отсутствие жизни (тело зомби и иногда вампира); аморфность (тело без человеческих пропорций, полиморфное тело, тело, рассредоточенное по большому пространству с неясными границами, как «Болотная тварь»); увечное тело — в классическом комиксе, как правило, отвратительны.

При этом сам медиум, для которого автореференциальность является одной из основ (ведь речь идет о повествовании, в котором показывание и рассказывание находятся в состоянии постоянной

---

² Под классическим комиксом, как правило, подразумеваются супергеройские комиксы Золотой эры (1938–1956), изданные между первым выпуском комикса о Супермене в издательстве “Action Comics” и возникновением первого героя Серебряного века комикса, Флэша, в антологии “Showcase”. За это время появились все самые известные герои нынешних Marvel и DC, включая Бэтмена, Чудо-Женщину, Капитана Америку и др.

конкуренции), довольно быстро начинает рефлексировать в качестве собственную фиксацию как на образе здорового тела, так и не проходящий интересе к телу отвратительному.

В так называемом Золотом веке комикса (1938—1956) борьба добра и зла становится противостоянием отвратительного и прекрасного, и визуальное, таким образом, совпадает с текстовым в характеристике героев. Яркий пример — противопоставление пышущего здоровьем сверхчеловека Супермена и его, так или иначе, «недочеловеческих» противников: например, лысого фиолетового Паразита.

Однако уже в Серебряном веке (1956 — circa 1970) с появлением «Людей Икс» (1963, Ли, Керби) комикс начинает активно осмыслять феномен уродства и уже не просто показывать отвратительные тела, но рассказывать, что значит, считаться отвратительным: люди со сверхспособностями воспринимаются остальными не как полубоги, но как «фрики», уроды. В этот период чувство отвращения «нормального» человека к мутантам напрямую связывается с его влечением к странному фантастическому телу. Люди Икс в комиксах осмысливают отношение к себе как к уродам и диковинке и ту опасность, которую обычные люди представляют для них самих как объекта этих сложных чувств (недаром история Людей Икс стала одной из значимых метафор борьбы ЛГБТ-сообщества за свои права³). Таким образом, в это время идея «нормальности» постепенно подвергается все большему сомнению и перестает ассоциироваться с чем-то положительным, в то время как отличие от нормы, в том числе телесное, больше не клеймится как порок.

Американский комикс Серебряного века размышляет и о том, что понимать под уродством: помимо героев с фантастическими телами, вроде Мистик или Росомахи, одним из главных героев серии становится Профессор X: экстрасенс, прикованный к инвалидной коляске (еще одна противоположность молодого здорового человека). Противопоставление становится нарочито натянутым, ведь суперспособности героев, их слова и действия и то, как персонажи нарисованы, характеризует Людей Икс именно как героев; т.е. тех, с кем себя ассоциирует читатель⁴.

На новом витке истории комикса, в эпоху «пост-пост» или метамодерна, отвращение и удовольствие от тела воспринимаются

---

³ Рецепция «Людей Икс» как комикса о борьбе за права афроамериканского населения и за права квир-сообщества отчасти подвергается сомнению в статье М. Лунда. При этом и он не ставит под сомнение, насколько важным стало вчитывание смыслов, которых Стэн Ли и Кёрби изначально не вкладывали в историю сверхлюдей-изгоев, и говорит об их статусе как «идеального меньшинства (model minority)» (см.: [Lund, 2018: 4]).

⁴ Подробнее об идее «увечной» телесности см: [Alániz, 2014].

иначе, и особенно ярко смена парадигмы видна на примере одного из самых успешных независимых комиксов современности — эпоса «Сага» Брайана К. Вона и Фионы Стейплз. Повествование в комиксе ведется от лица девочки Хэйзел. Ее родители, Алана и Марко, — представители двух воюющих друг с другом рас, брачные союзы между которыми запрещены. Вступив в связь, для своих они становятся предателями, изменниками. Представители расы Аланы считают жителей планеты Марко отвратительными, а те отвечают им взаимностью. Девочка Хэйзел, плод запретной любви, обладает чертами обеих рас: от папы она унаследовала рога, от мамы — крылья. Для окружающих она омерзительна, о ней иногда даже говорят в среднем роде, называют ошибкой природы. Сюжет о расовых предрассудках и межрасовых отношениях в комиксе многократно дублируется и множится, миров и рас в нем мириады, и от выпуска к выпуску становится понятно, что природа отвращения и желания по отношению к «Другому» между представителями разных рас в мире «Саги» отражает, помимо межрасовых, межклассовых и прочих конфликтов, внутренние противоречия читателя комикса, который, очевидно, желает увидеть отвратительное с не меньшей силой, чем прекрасное. В статье «Новая норма: фриковость в “Саге”» К. Липенга, рассматривая традицию объективации «Другого», отвратительного тела, фокусируется на том, как сценаристу Брайану К. Вону и художнице Фионе Стейплз удастся создать мир, в котором героям удастся сопротивляться отчуждению и созданию образа урода (*enfreakment*). Опираясь на труды по телесности Найала Ричардсона и Розмари Гарланд-Томпсон, Липенга показывает, как «поднося читателю зеркало, комикс попадает в категорию текстов, которые заставляют нас сомневаться в нормах восприятия и практиках, связанных с расовыми отличиями и гетеронормативностью в нашем мире» [Lipenga, 2019: 2].

Паноптикум «Саги», постоянно лавирующий между миром Иеронима Босха и миром «Звездных войн», постепенно размывает границу между уродливым и прекрасным, показывая относительность этих терминов. Д. Пинти в статье «Тела в “Саге”» обращает внимание на гипертрофированные версии идеальных красоток, которые встречают одного из героев на планете-борделе, где в угоду богатым туристам содержатся представительницы и представители всех видов и рас: они представляют собой буквально реализованную метафору «ноги от ушей», очень по-бахтински выстроенная идея мужского взгляда [Pinti, 2018]. Но и для героя (в человеческом теле), и для читателя эти сексуализированные персонажи скорее смешны и отвратительны, чем желанны; недаром они вообще лишены вто-

ричных половых признаков. Однако они могут быть привлекательными для жителей других планет. В то же время читатель, которому легче всего ассоциировать себя с главными героями, так как они изображены красивыми и сексуальными по человеческим меркам, в мире «Саги» быстро начинает терять ориентиры, так как мало кому из других героев Марко и Алана кажутся привлекательными⁵.

Таким образом, понятие отвратительного в «Саге» всегда можно заменить не просто на «чужое», но на «чужое» для смотрящего в данный момент. Герои «Саги» — будь то няня-призрак, подросток с отсутствующей нижней частью тела и торчащими наружу кишками, женщина-паук с отрубленными руками или мужчина с головой-телевизором — это личности, чьи бесконечные различия не делают никого из них ущербными или однозначно отвратительными, ведь как в калейдоскопе читательского восприятия каждый из них может оказаться для смотрящего желанным «Другим».

От выпуска к выпуску читатели «Саги» свыкаются с многообразием вселенной комикса, которая не делится на мир добра и зла: от взгляда смотрящего здесь зависит не только восприятие внешности героев, но и оценка его внутренних качеств и поведения. Таким образом, дихотомия «отвратительное—прекрасное» успешно снимается и на эстетическом, и на этическом уровнях, а ощущения читателя от бесконечно меняющегося мира проговаривает сама Хейзел: «Мы все для кого-то чужие, инопланетяне. Даже среди своего народа многие из нас по-прежнему время от времени чувствуют себя абсолютными чужаками. Такими, которых ассоциируют с захватами, похищениями и другими актами насилия. У термина чужой» незаслуженно дурная репутация. Но с годами для меня это слово стало означать нечто иное... возможность будущей дружбы» [Vaughn, Staples, 2016: 3–4]. Таким образом, «Сага» на метауровне осмысляет постоянно меняющиеся отношения читателя комикса к норме и отклонению от нормы, рефлексировать представления человека об отвратительном и прекрасном и его влечение к обоим этим полюсам телесности, связанное со страхом и интересом к Другому/Чужому. Как показывает история комикса, страх по отношению к Другому изначально являлся социально нормированным поведением, а интерес изображался как извращение. Эволюция телесности в медиуме свидетельствует и о том, что

---

⁵ Это отмечает и Дэниэл Пинти: «Несмотря на рога Марко и крылья Аланы, их тела — одни из наиболее “конвенциональных” в “Саге”, тем не менее, по иронии, о них часто говорят как о наиболее отталкивающих в мире истории книги, отчасти потому, что они — пара, но что важнее, потому что их союз произвел на свет Хейзел» [Pinti, 2018].

читатель комикса вместе с его героями постоянно переосмысляет для себя и категории прекрасного и отвратительного, и свое к ним отношение.

Список литературы

1. *Alániz J.* Death, Disability, and the Superhero: The Silver Age and Beyond. Jackson, 2014.
2. *Lipenga K.J.* The New Normal: Enfreakment in *Saga* // The Comics Grid: Journal of Comics Scholarship. 2019. № 9 (1). DOI: <http://doi.org/10.16995/cg.161>
3. *Lund M.* The Mutant Problem: X–Men, Confirmation Bias, and the Methodology of Comics and Identity // European Journal of American Studies. № 10–2, 2015. URL: <http://journals.openedition.org/ejas/10890> (дата обращения: 03.03.2019).
4. *Mikkonen K.* The Narratology of Comic Art. N.Y., 2017.
5. *Pinti D.* Bodies in *Saga* // ImageText. 2018. № 1 (10). URL: http://imagetext.english.ufl.edu/archives/v10_1/pinti (дата обращения: 03.03.2019).
6. *Vaughn B.K., Staples F.* *Saga*. Berkeley: Image Comics. 2012 — present.
7. *Алиев Т.К.* Тело «супергероя/суперзлодея»: конструирование образа другого/чужого в американском комиксе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 326–334.

Aleksandra Bazhenova-Sorokina

THE FANTASTIC BODY IN AMERICAN COMICS: TRANSFORMATIONS IN THE PERCEPTION OF THE ‘REPULSIVE’

*Higher School of Economics, National Research University
Myasnikskaya Street, 20, Moscow, 101000*

The history of comics can be written through the lens of development of representation of bodies. The article analyzes fantastical body imagery as an aspect of characterization in comics and the dichotomy “beautiful/repulsive” which the medium has started to reflect upon since the Silver Age of comics. The history of American comics is presented through the evolution in the understanding of ugliness as an ethically charged characteristic as an indicator of evil within a character. This evolution is associated with the fight for the rights of socially oppressed groups, and it is reflected in representations of objects of desire and their connections to the idea of normalcy. In the Golden Age of comics, the desired object, the superhero, is always beautiful and good, but at some point comic-artists start to showcase that someone ‘repulsive’, as deviant from the norm, can also become desirable and represent goodness. X–Men comics and ‘Saga’ by

Brian K. Vaughn and Fiona Staples are taken as examples that demonstrate the changes in the attitude to the body of the ‘Other’ in comics. The author concludes that the notion of ‘repulsion’ in comics becomes relative as it ceases being a marker of an antagonist since the imaginary worlds of comics now are not characterized by universal notions of beauty.

Key words: characterization in comics; ‘Saga’; “X–Men”; history of comics; fantastical body.

About the author: *Aleksandra Bazhenova–Sorokina* — PhD, Senior Teaching Fellow, School of Philology, Higher School of Economics, National Research University (e-mail: bazhenova.al@gmail.com).

References

1. Alániz J. *Death, Disability, and the Superhero: The Silver Age and Beyond*. Jackson, University Press of Mississippi, 2014.
2. Lipenga K.J. The New Normal: Enfreakment in *Saga*. *The Comics Grid: Journal of Comics Scholarship*, 2019, № 9 (1). P. 2. DOI: <http://doi.org/10.16995/cg.161> (accessed: 03.03.2019).
3. Lund M. The Mutant Problem: X–Men, Confirmation Bias, and the Methodology of Comics and Identity. *European Journal of American Studies*, 2015, № 10–2. URL: <http://journals.openedition.org/ejas/10890> (accessed: 3.03.2019).
4. Mikkonen K. *The Narratology of Comic Art*. New York, Routledge, 2017.
5. Pinti D. Bodies in *Saga*. *ImageText*, 2018, № 1 (10). URL: http://imagetext.english.ufl.edu/archives/v10_1/pinti/ (accessed: 3.03.2019).
6. Vaughn B.K., Staples F. *Saga*. Berkeley, Image Comics, 2012 — present.
7. Aliev T.K. Telo “supergroya/superzlodeya”: konstruirovaniye obraza drugogo/chuzhogo v amerikanskom komikse [Body of “Superhero/Supervillain”: Construction of an Image of Other/Alien in American Comics]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [Kaspian Region: Politics, Economics, Culture], 2014, № 2 (39), pp. 326–334. (In Russ.)

А.С. Ветушинский

ПОТУСТОРОННЕЕ, ПОСЮСТОРОННЕЕ И ЭФЕМЕРНОЕ ЗЛО: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ В ЭВОЛЮЦИИ ВИДЕОИГРОВЫХ МОНСТРОВ¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В настоящей статье изложены предварительные результаты исследования, посвященного формированию и эволюции ужаса в видеоиграх с фокусом на видеоигровых монстрах и их развитии. На основе анализа 142 видеоигр мы приходим к выводу, что история ужаса в видеоиграх может быть разделена на три основных этапа: миметический, имитативный и симулятивный, каждому из которых соответствует свой тип монструозного зла: потустороннее, посюстороннее, эфемерное. Первый этап (с начала 1980-х до второй половины 1990-х годов) мы называем миметическим, так как на этом этапе видеоигры стремились подражать тому, как ужас производится в кино. Самый частый тип монстров в этом периоде — демоны и инопланетяне. Второй этап (со второй половины 1990-х годов до середины 2000-х годов) мы называем имитативным, так как в этот период видеоигры сравнивались с кинематографом в плане производства эффекта ужаса. Ключевым монстром в этот период становятся зомби. Третий этап (с середины 2000-х годов по настоящее время) мы называем симулятивным, так как в этот период игровые разработчики и гейм-дизайнеры были вынуждены заново открыть жанр, отыскать уникальный для видеоигр способ создания атмосферы ужаса и тревоги. Чаше других на этом этапе используются призраки и грибные споры.

Ключевые слова: исследования видеоигр; исследования ужаса; исследования популярной культуры; визуальные исследования; ужас; страх; монстры.

В статье изложены предварительные результаты исследования, посвященного формированию и эволюции ужаса в видеоиграх с фокусом на видеоигровых монстрах и их развитии. К настоящему

Ветушинский Александр Сергеевич — младший научный сотрудник, кафедра онтологии и теории познания философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a.vetushinskiy@gmail.com).

¹Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

моменту нами проанализированы 142 игры, вышедшие в период с 1982 по 2019 г. Конечно, это не все игры, которые следует проанализировать, однако ради достижения большей достоверности в первую очередь мы анализировали наиболее известные наименования и игровые серии в рамках интересующего нас жанра (речь идет об играх “Resident Evil”, “Silent Hill”, “Dead Space”, “Amnesia”, “Outlast” и др.).

Согласно предварительным результатам;

1) история ужаса в видеоиграх может быть разделена на три основных этапа: а) *миметический* (до второй половины 1990-х годов); б) *имитативный* (со второй половины 1990-х годов и примерно до середины 2000-х годов); в) *симулятивный* (с середины 2000-х годов и по настоящее время);

2) в каждом этапе доминирует свое зло: а) *потустороннее*; б) *постороннее*; в) *эфемерное*.

Три этапа развития ужаса в видеоиграх. Устойчивая форма ужаса в видеоиграх окончательно сформировалась лишь во второй половине 1990-х годов — речь о первых частях двух культовых игровых сериях “Resident Evil” (1996) и “Silent Hill” (1999). Именно эти две игры ознаменовали появление нового игрового жанра — “survival horror”². Но, несмотря на то, что жанр возник только во второй половине 1990-х годов, история ужаса в видеоиграх началась гораздо раньше — в самом начале 1980-х годов.

История этого жанра в видеоиграх неплохо изучена³. Тем не менее мы настаиваем, что ее следует рассказывать по-другому. Дело в том, что идея искать игры, напоминающие “Resident Evil” и “Silent Hill”, в эпоху, когда они еще не появились (именно так обычно и делают те, кто ищет истоки видеоигрового хоррора; во множестве игр-предшественников они настойчиво ищут те, что больше всего похожи на современных представителей жанра), хотя и важна, но не совсем точно отражает действительное формирование языка ужаса в видеоиграх.

Как мы указали в начале статьи, первый этап в развитии видеоигрового ужаса мы называем *миметическим*⁴. В этот период видеоигры стремились подражать средствам производства ужаса, которые тогда применялись в кинематографе. Объяснение здесь крайне простое: в видеоиграх того периода совсем не было текста, поэтому

² Русскоязычные варианты названия жанра: «ужас выживания», «выживание в кошмаре».

³ См., в частности: [Horror Video Games, 2009].

⁴ Термин «мимесис» мы понимаем максимально широко: речь о несамостоятельном этапе в истории видеоигр, на первых порах принципиально зависимых от других визуальных медиа.

единственная возможность напугать заключалась в демонстрации страшной картинки. В 1970–1980-х годах игровая графика была крайне примитивной и абстрактной (буквально пара движущихся объектов, минимум цветов, отсутствие деталей), поэтому напугать можно было только в том случае, если игрок, глядя на абстрактное изображение на экране, представлял бы что-то страшное в своей голове. Это представление возникало благодаря обложкам и инструкциям с иллюстрациями, которые продавались вместе с носителями игр. Именно поэтому первым шагом на пути формирования устойчивой формы ужаса в видеоиграх стало издание видеоигр по мотивам известных кино-ужастиков: “Alien” (1982), “Halloween” (1983), “Texas Chainsaw Massacre” (1983), “Gremlin” (1984) и т.д.

Вторым шагом стало освобождение «страшных» видеоигр от их прямой привязки к тому или иному фильму. Видеоигры перешли к эксплуатации всех существующих жанровых стереотипов и клише из фильмов ужасов: теперь в одной игре могли появляться сразу несколько различных типов монстров (полтергейст, демоны, маньяки, мутанты и т.д.), которые ассоциировались с жанровыми локациями (заброшенный дом, кладбище, преисподняя и др.). И хотя такая стратегия уже была применена в играх на “Atari 2600” (например, “Haunted House” (1982) и “Ghost Manor” (1983)), в полной мере она раскрылась лишь на 8-битных консолях (что, конечно же, связано с развитием графики): речь о таких играх, как “Ghosts'n'Goblins” (1985), “Castlevania” (1986), “Metroid” (1986), “Contra” (1987) и ряде других. Например, “Castlevania” — это игра про путешествие в замок, в котором обитают сразу все типы монстров, когда-либо появлявшихся в классических фильмах ужасов: вампиры, оборотни, мумии, восставшие мертвецы, скелеты, призраки, а также Дракула, Медуза Горгона, Франкенштейн и сама Смерть.

Третьим шагом стал переход к ультранасилию, впервые показавшему, что игровые персонажи не пустые внутри. В большинстве игр 8-битной эпохи монстры при уничтожении просто исчезали — они лопались, словно воздушные шарик. В 16-битную эпоху (благодаря развитию графики) тела натуралистично взрывались, падали на пол и кровоточили. Наиболее показательные примеры: “Mortal Kombat” (1992) и “Doom” (1993).

Упомянутая нами игра “Resident Evil” продолжает именно эту тенденцию. Однако в ней к эстетике ультранасилия (в игре было много крови и кровожадных сцен) и применению основных приемов из фильмов ужасов (игра явным образом эксплуатировала клише из «зомби-муви» категории «Б») добавилась игровая форма квеста, которая ранее сформировалась на компьютерах и была связана с развитием текстовых игр (в отличие от консольных, компьютерные игры опирались на традиции литературного ужаса).

С этого момента начинается второй этап развития видеоигр. Если первый мы называли «миметическим» (подражательным по отношению к кино), то второй мы обозначаем как *имитативный*. Во второй половине 1990-х годов видеоигры смогли сравняться с кино и в плане производства ужаса им уже не уступали (первый этап лишь стремился к тому, чтобы повторить кино, второй — смог это сделать, по сути, превратившись в его имитацию). Главная заслуга в данном случае принадлежит технологиям *CD-ROM* и *Real-Time 3D*. Именно они привели к тому, что в видеоиграх стали использоваться «кат-сцены» (заранее заготовленные кинематографичные вставки), студийные звуки (без динамики звука и тишины создать тревожную атмосферу едва ли возможно), реалистичный свет (динамика света и тени — еще один привычный способ производства ужаса в кино) и перспективное изображение, позволившее видеоиграм использовать приемы монтажа и по аналогии с кино выстраивать ракурс камеры.

Однако к середине 2000-х годов ставшая уже привычной форма ужаса, созданная играми “Resident Evil” и “Silent Hill”, начала переживать кризис. Киноприемов оказалось недостаточно для поддержания ощущений страха и тревоги у игрока.

На третьем этапе развития в видеоиграх произошел переход от имитации ужаса к его симуляции (именно поэтому мы, вслед за известным разработчиком Томасом Грипом, и назвали его *симулятивным* [Grip, 2014]). Речь о том, что игровые разработчики и гейм-дизайнеры оказались в условиях, когда им необходимо заново открыть жанр, отыскав уникальный для видеоигр способ создания атмосферы ужаса и тревоги⁵.

Три этапа в развитии монструозного. Как мы считаем, у каждого этапа развития ужаса в видеоиграх есть свой тип монструозного. Первому этапу, например, соответствует потустороннее зло. Большинство историй в играх этого этапа построены по принципу «нечто вторглось в наш мир и теперь его следует отсюда изгнать». Самый

---

⁵ Как выяснилось, видеоигровому хоррору достаточно было просто заменить союзника: на место механик из «шутера», как раз и приведшим к кризису второго этапа, поставить механики из «стелс-игр» (механики шутера строятся вокруг стрельбы, боевика от первого лица, стелс-механики — вокруг прятков, необходимости избежать прямого столкновения с врагом). Таким образом, минимальным уровнем хоррора стал симулятор ходьбы (так называют игры, в которых можно только перемещаться — бегать или ходить), адаптированный под механику «кошки-мышки» (где герой всегда «мышка»). И хотя на втором этапе казалось очевидным, что персонаж должен быть активным героем, которому если и страшно, то только во время «кат-сцены» (а не тогда, когда им управляет игрок), то на третьем этапе выяснилось, что страх героя как раз и должен стать центральным аспектом игры. Настоящий хоррор — это не когда герой стреляет по монстрам, но когда он прячется, перебегая из одного шкафа к другому, пока его не заметил непобедимый злодей.

частый тип монстров в этот период — демоны (“Ghosts'n'Goblins”, “Castlevania”) и инопланетяне (“Metroid”, “Contra”)⁶.

Второй этап смещает фокус к посюстороннему злу. “Resident Evil” обращает внимание на зло, способное проявиться в каждом живом существе при контакте с созданным людьми вирусом, “Parasite Eve” (1998) рассказывает о бунте митохондрий, желающих перестать служить человеку, “Dino Crisis” (1999) отсылает к ужасу встречи с динозаврами, когда-то жившими на Земле, а “Silent Hill” предлагает оказаться в городе, материализующем самые потаенные страхи всех, кто туда попадает. Ключевым монстром этого периода становятся зомби — тела, не контролируемые сознанием, — начиная от существ, зараженных T-, G- или C-вирусами из “Resident Evil”, и вплоть до «некроморфов» из вселенной “Dead Space” (первая часть вышла в 2008 г.).

Третий этап продолжает эту тенденцию. Однако теперь уже не нечто потустороннее оказалось замкнуто на чем-то посюстороннем, но само посюстороннее оказалось замкнуто на сознании игрового персонажа, а вместе с ним, и сознании игрока. Это связано с тем, что наиболее распространенной основой для третьего этапа в развитии видеоигрового ужаса стали игры не от третьего, а от первого лица. А вместе с новой точкой обзора пришли и новые — уже сугубо игровые — способы создания гнетущей и пугающей атмосферы: например, размывание изображения при столкновении с таинственным и неизвестным, возможность героя сойти с ума, потерять рассудок и перестать воспринимать мир четко, или об аудиальном эффекте закладывания ушей, при котором игрок начинает слышать биение сердца героя, а не звуки вокруг, которые могли бы указать на приближение врага, т.е. предупредить об опасности.

Усиление психологизации в итоге привело к тому, что игрок утратил способность достоверно судить о реальности происходящего в игре (например, “Amnesia: The Dark Descent” (2010), “Outlast” (2013), “Layers of Fear” (2016)). Именно поэтому мы и назвали тип монструозного, характерный для этого периода, *эфмерным*. Чаще других на этом этапе начинают эксплуатироваться призраки (“The Evil Within” (2014), “Outlast 2” (2017)). Но указанная психологизация имеет место даже в играх про зомби: достаточно вспомнить “The Last of Us” (2013) и “Resident Evil VII” (2017), в которых появляются грибы, вдыхание спор которых вызывает галлюцинации, трансформирующие и дереализующие игровую реальность.

Таким образом, мы описали три этапа в развитии ужаса в видеоиграх, в каждом из которых доминирует свой тип монструозного.

---

⁶ В эту формулу хорошо вписываются и “Mortal Kombat” с “Doom”. В первой речь идет о столкновении параллельных миров, во второй — об адских демонах, с которыми человек столкнулся на Марсе.

Сначала доминировали инопланетяне и демоны, затем стали доминировать зомби и лишь затем — призраки и другие эфемерные существа. И хотя в кино обнаруживается схожая динамика (от культовых фильмов про инопланетян 1950–1990-х годов к массовому увлечению зомби в 1990–2000-х, а затем к популярности фильмов вроде «Ведьмы из Блэр», «Паранормального явления» и «Астрала» в 2000–2010-х), способы создания монструозного развивались независимо в играх и кино. Более корректное объяснение сдвигов в играх следует искать в анализе внутренней динамики игровой индустрии. Иными словами, мы склоняемся к идее, что смена доминирующего типа монстров — это следствие развития технологий производства и потребления видеоигр.

Продолжение исследований: к вопросу о роли технологий. Конечно, исследование еще не завершено. И дело не только в продолжении сбора и анализа материала (способного как подтвердить, так и, возможно, опровергнуть предложенные выводы), но и в более пристальном анализе той роли, которую сыграли в указанных сдвигах технологии. И речь не только о том, как технологии повлияли на этапы в развитии видеоигрового ужаса, но и о том, как они повлияли на ту или иную форму зла. Вполне возможно, что будут обнаружены прямые корреляции между типами монстров и типом визуальной перспективы (сбоку или сверху в 2D, в 3D от третьего лица, в 3D от первого лица).

Список литературы

1. *Grip T.* Thoughts on Alien: Isolation and Horror Simulation // In the Games of Madness. Official Blog of Frictional Games. 14 October 2014. URL: <https://frictionalgames.blogspot.com/2014/10/thoughts-on-alien-isolation-and-horror.html> (дата обращения: 07.10.2019).
2. *Horror Video Games: Essays on the Fusion of Fear and Play*/ed. by Bernard Perron. Jefferson, N.C., 2009.

Alexander Vetushinskiy

TRANSCENDENT, IMMANENT, AND EPHEMERAL EVIL: MAIN STAGES OF THE EVOLUTION OF VIDEO GAME MONSTERS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article offers preliminary results of research into the formation and evolution of horror in video games. The focus is on video game monsters. The

analysis of 142 video games shows that a history of video games can have three stages: mimetic, imitative, and simulative. Each stage has its own type of monstrous evil — transcendent, immanent, and ephemeral, respectively. During the mimetic stage (the 1980s — the late 1990s), video games sought to mimic cinematic horror effects. The most common types of monsters back then were demons and aliens. During the imitative stage (the late 1990s — mid-2000s), video games equated movies in terms of producing horror effects and tricks. The key monsters back then were zombies. At the third, simulative, stage (from the mid-2000s until now), game developers and game designers had to reinvent the genre, find new and unique ways to create the atmosphere of horror and anxiety. The most frequent monsters now are ghosts and mushroom spores.

Key words: game studies; horror studies; popular culture studies; visual studies; horror; fear; monsters.

About the author: *Alexander Vetushinskiy* — Junior Research Fellow, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a.vetushinskiy@gmail.com).

References

1. Grip T. Thoughts on Alien: Isolation and Horror Simulation. *In the Games of Madness. Official Blog of Frictional Games*. 14 October 2014. URL: <https://frictionalgames.blogspot.com/2014/10/thoughts-on-alien-isolation-and-horror.html> (дата обращения: 07.10.2019).
2. *Horror Video Games: Essays on the Fusion of Fear and Play*. Ed. by Bernard Perron. Jefferson, N.C., McFarland & Co, 2009.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н.С. Братчикова

К 30-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ КАФЕДРЫ ФИННО-УГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ В МГУ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Ленинские горы, 1

Автор статьи накануне 30-летнего юбилея кафедры финно-угорской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова делает краткий экскурс в историю ее создания как административной единицы. Представление о предшествующих периодах финно-угроведения способствует более полному пониманию современных проблем финно-угорского языкознания. В статье описываются достижения в области финно-угроведения, которых добились сотрудники МГУ на протяжении более чем двухсот лет, что прошли от первых проектов, касающихся реконструкции уральского праязыка, частных историй уральских языков, описания культурных традиций народов указанной группы языков до создания самостоятельного административного учебно-научного подразделения. Многие учебно-научные подразделения филологического факультета, а именно кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, теоретической и прикладной лингвистики, зарубежной литературы закладывали основы финно-угроведческой науки. Достойны упоминания также географический и исторический факультеты, где проводились и продолжают вестись финно-угорские исследования по различным тематикам. В статье указываются основные научные труды в области финно-угроведения сотрудников МГУ. Проблемам финно-угроведения посвящены труды таких выдающихся ученых МГУ, как Ф.Е. Корша, Ф.Ф. Фортунатова, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Д.В. Бубриха, В.И. Лыткина и А.И. Кузнецовой. В настоящее время вопросами сопоставительного изучения венгерского и русского языков занимается А.П. Гуськова. Направления развития современной венгерской литературы раскрываются в статьях Е.З. Шакировой. Активно ведутся исследования в области финского языкознания и истории литературы Финляндии. В статье указываются перспективные направления развития кафедры финно-угорской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Братчикова Надежда Станиславовна — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: n.bratchikova@mail.ru).

Ключевые слова: история финно-угроведения в МГУ; уральские языки и народы; традиции; преемственность; направления развития кафедры финно-угорской филологии.

2020 год — юбилейный для кафедры финно-угорской филологии. В июне ей, как самостоятельному административному подразделению, исполнилось 30 лет, хотя опыт изучения финно-угорских языков и культур имеет очень давнюю традицию.

В настоящее время кафедра финно-угорской филологии структурно организована и четко функционирует. Ее сотрудники выступают с докладами на практически всех финно-угорских научно-культурных форумах, публикуются в профильных изданиях, например, в журнале Обско-угорского института прикладных исследований и разработок «Вестник угроведения», в ежегоднике финно-угорских исследований «Финно-угорский мир» и в зарубежных специализированных изданиях. В публикациях преподавателей подразделения отражаются основные направления отечественного финно-угроведения. Кафедрой финно-угорской филологии проводится много мероприятий, посвященных переводческой проблематике, развитию культурных связей между Россией, Венгрией и Финляндией. Они всегда привлекают внимание зарубежных специалистов, коллег из отечественных вузов, в частности из СПбГУ, РГГУ, МГЛУ, Удмуртского государственного университета, Мордовского государственного университета имени Огарева.

Возникновение и сохранение неугасаемого интереса к финно-угроведению в рамках филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова связано с различными направлениями в деятельности нескольких кафедр: кафедры финно-угорской филологии, кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания и кафедры (отделения) теоретической (структурной) и прикладной лингвистики, кафедры зарубежной литературы.

Финно-угорские исследования велись на нескольких факультетах МГУ, среди которых были юридический, этнологический, географический и историко-филологический. Изыскания ставили перед собой разные цели, но в итоге они делали более понятной культуру финно-угорских народов.

Ученые и финно-угорские исследования второй половины XIX в. Активный интерес к изучению финно-угорских народов и языков в Московском университете пробудился во второй половине XIX в. Исследования финно-угорских территорий носили комплексный характер и были связаны с решением задач государственного масштаба, а именно изучением трудовых и природных ресурсов Российской империи. С этой целью организовывались естественнонаучные экспедиции. Общество любителей естествознания, археологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Императорском Московском университете, членами которого были выдающийся ученый-экономист *А.И. Чупров*, юрист *С.А. Муромцев*¹,

---

¹ С.А. Муромцев (1850–1910) был председателем I Государственной Думы Российской Империи.

этнограф, профессор *В.Ф. Миллер*², разработало программу по «изучению народных юридических традиций»³.

Народное творчество, язык и литература финно-угорских народов были предметом научного интереса профессоров историко-филологического факультета.

Среди крупнейших ученых, внесших вклад в развитие отечественного финно-угроведения, необходимо назвать имя заслуженного профессора Московского университета *Федора Евгеньевича Корша* (1843–1915)⁴. В круг филологических интересов ученого-энциклопедиста входили занятия финно-угорскими языками, из которых он знал финский и венгерский. Одними из основных научных трудов исследователя, в которых рассматриваются проблемы финно-угроведения, являются «Несколько лингвистических данных для исторической этнографии Восточной Европы» (1913) и «Из мажарских поэтов. Переводы» (1914). Ф.Е. Корш являлся членом Финно-угорского общества.

Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) относится к выдающимся русским языковедам, деятельность которых в Московском университете приходилась на конец XIX в. и была связана с изучением некоторых вопросов финно-угроведения⁵. Известность в финно-угристике Ф.Ф. Фортунатову принесла работа над Русско-карельским словарем на основе людиковского диалекта (1908). Составителем словаря был выпускник духовной семинарии, учитель М.Д. Георгиевский, предисловие написал академик Фортунатов. Он же выступил редактором словаря, что свидетельствует о его блестящем знании карельских диалектов. Выдающийся исследователь горячо поддержал желание местных специалистов, в том числе краеведов, изучать этнографический материал, культуру и язык родного края. Однако ходатайство Ф.Ф. Фортунатова и ряда других крупных ученых, в том числе выдающегося лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ, об открытии представительств финно-угроведения в университетах и Академиях наук осталось без внимания.

Почетный член Московского университета профессор Ф.Ф. Фортунатов был избран действительным членом Финно-угорского общества.

Деятельность языковеда-слависта, профессора историко-филологического факультета *Алексея Ивановича Соболевского* (1856–1929) связана с исследованием ряда вопросов финно-угроведения. Он занимался

---

² В.Ф. Миллер (1848–1913) был ординарным профессором по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка (1884–1892), руководил кафедрой русского языка и словесности Московского университета. В 1902 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного профессора Московского университета.

³ По этой программе студент юридического факультета, впоследствии известный художник-абстракционист В.В. Кандинский (1866–1944) посетил Коми край. Темой экспедиции Кандинского, которая длилась около месяца (с 14 июня по 7 июля 1889 г.), было изучение крестьянского обычного права у коми-зырян. На основании полевых данных им была написана статья о народной мифологии коми.

⁴ Ф.Е. Корш преподавал на историко-филологическом факультете МГУ с 1870 по 1900 г.

⁵ Ф.Ф. Фортунатов закончил историко-филологический факультет МГУ в 1868 г., был оставлен для подготовки к профессорскому званию, которое получил в 1884 г.

проблемами исторической этнографии финно-угорских народов («К археологии Прикамья»; «Древняя Пермь. К вопросу Биармии»). Известны многочисленные работы ученого по топонимике («Названия рек и озер русского Севера»). В ходе изучения гидронимов юга и центра России, поволжских, прикамских территорий, а также районов русского Севера ученый пришел к выводу, что названия родственны между собой и вошли в русский язык как от автохтонов, так и от финнов «разных наименований». В 1893 г. Соболевский опубликовал статью «К вопросу о финском влиянии на великорусское племя», в которой относил создателей топонимики на территории средней и северной части СССР не к финно-угорским, а к индоевропейским народам⁶ и высказывался против традиционного мнения о массовом обрусении финнов.

Известнейший русский языковед, историк, исследователь русского летописания, выпускник историко-филологического факультета *Алексей Александрович Шахматов* (1864–1920) начал преподавательскую деятельность в Московском университете с 1890 г. Он занимался также исследованием вопросов финно-угроведения. К знаменитым трудам Шахматова относится Мордовский этнографический сборник (СПб., 1910), содержащий мордовские тексты — предания, обычаи, свадьбу, сказки, загадки, пословицы, поговорки, песни и рассказы. Шахматов описал фонетический строй некоторых мордовских диалектов, дал им морфологическую характеристику. Ученый дал характеристику финско-кельтским и финско-славянским отношениям, исследовал русские лексические элементы в прибалтийско-финских языках. Шахматова считают «организатором финно-угроведческой работы в России» (Д.В. Бубрих). В 1911 г. он был избран действительным членом финно-угорского общества в Гельсингфорсе.

Ученые и финно-угорские исследования первой половины XX в. В 1927–1929 гг. *Дмитрий Владимирович Бубрих* (1890–1949) был профессором кафедры угоро-финских языков этнологического факультета Первого Московского государственного университета. Он по праву считается основателем отечественного финно-угроведения⁷. По инициативе Д.В. Бубриха был учрежден неперIODический орган «Советское финно-угроведение»⁸.

В 1947 г. Д.В. Бубрих организовал первую Всесоюзную научную конференцию по вопросам финно-угорской филологии. Основными трудами ученого являются «Грамматика карельского языка» (Петрозаводск, 1937), «Эрзя-мордовская грамматика-минимум» (Саранск, 1947), «Историческая фонетика удмуртского языка» (Ижевск, 1948), «Историческая фонетика финского-суоми языка» (Петрозаводск, 1948), «Грамматика литературного коми языка» (ЛГУ, 1949), «Историческая

---

⁶ *Серебрянников А.И.* Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 19.

⁷ В 1925 г. в Ленинградском государственном университете была учреждена кафедра финно-угорской филологии, Д.В. Бубрих возглавил ее.

⁸ Каждый из пяти опубликованных томов был опубликован в центрах развития советской финно-угроведческой науки — в Ленинграде, Саранске, Тарту (Эстония), Ижевске и в Петрозаводске.

грамматика эрзянского языка» (Саранск, 1953), «Историческая морфология финского языка» (М.; Л., 1955). Диапазон научных интересов ученого был обширен. Он разрабатывал проблемы этногенеза финно-угорских народов и их истории, проблемы развития финно-угорских языков и их взаимоотношений с восточнославянскими языками; предложил свою «теорию контакта» и взаимодействия между отдельными финно-угорскими языками; приступил к составлению «Сравнительно-исторической грамматики финно-угорских языков», которая, к сожалению, осталась незавершенной.

Василий Ильич Лыткин (1895—1981) внес существенный вклад в становление и дальнейшее развитие отечественного финно-угроведения. В Первом Московском государственном университете он преподавал в должности доцента с 1929 по 1933 г. В.И. Лыткин был не только ученым с мировым именем и преподавателем⁹, но и переводчиком на коми язык поэтических текстов Шандора Петефи. Основными научными работами В.И. Лыткина считаются «Древнепермский язык и историческая грамматика пермских языков» (1943); «О говоре древне-коми письмен» (1931); «Очерк грамматики Коми языка» (1961).

Ученые и финно-угорские исследования второй половины XX в. Возникновение интереса к финно-угроведению в рамках филологического факультета в конце 1950-х — 1960-е годы связано с различными направлениями в деятельности двух кафедр — кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания (ОСИЯ) и кафедры (и отделения при ней) структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ).

В 1958 г. при кафедре ОСИЯ, которой в то время заведовал *Владимир Андреевич Звегинцев* (1910—1988), была создана первая в истории факультета группа студентов русского отделения, начавших факультативно изучать венгерский язык. Занятия вели преподаватели Е.А. Санто и В.С. Бойков.

В 1970 г. на кафедре, возглавляемой *Юрием Сергеевичем Степановым* (1930—2012), был произведен экспериментальный набор, рассчитанный на пять лет обучения, в венгерскую и финскую группы на базе русского отделения. Эксперимент заключался в учебной нагрузке по венгерскому языку, предоставляемой студентам отделения русский язык и литература: они имели такой же объем учебных часов, что и студенты романо-германского отделения. Преподавание осуществляли *Юрий Николаевич Караулов* (1935—2016), проводивший специальные курсы и семинары по теории языка, Владимир Иванович Клепка, исследовавший историю венгерской литературы. Практические занятия по венгерскому языку вела К.-И. Майер.

Последующие группы формировались на базе романо-германского отделения и набирались с интервалом 4—5 лет. Помимо изучения финского и венгерского языков студенты слушали лекции по введению в финно-угроведение, истории страны, сравнительной грамматике

---

⁹ В.И. Лыткин преподавал в должности доцента в Первом Московском государственном университете с 1929 по 1933 г.; был одним из первых преподавателей открывшегося в 1932 г. Коми пединститута, в течение десяти лет возглавлял сектор финно-угорских языков в Институте языкознания АН СССР.

финно-угорских языков, финскому и венгерскому фольклору, финской и венгерской литературам.

С 1970-х годов по настоящее время преподавание венгерского языка осуществляется *Антониной Петровной Гуськовой*. В 1977 г. в Академии наук Венгрии она защитила кандидатскую диссертацию по современному венгерскому языку, в 1981 г. в Венгрии была опубликована ее монография «Средства и формы языкового общения в современном венгерском языке». Основным трудом доцента А.П. Гуськовой можно считать монографию «Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков» (2012). Данное сочинение является первым опытом в хунгарологии сопоставительного изучения венгерского и русского языков в семантико-структурном и функциональном плане. Кроме того, А.П. Гуськова — автор пособий по грамматике венгерского языка, составитель венгерско-русских словарей и разговорников.

В 1970—1990-е годы преподавание финского языка осуществляла *Ирма Юльевна Марцина*. В 1968 г. на филологическом факультете она защитила кандидатскую диссертацию по истории финляндской литературы. В дальнейшем И.Ю. Марцина специализировалась на изучении литературы Финляндии. Она опубликовала свыше 70 работ, в частности, статьи о творчестве финских писателей в Краткой литературной энциклопедии, в Истории всемирной литературы, в научных филологических журналах, предисловия и послесловия в изданных на русском языке книгах финских писателей. Одним из существенных аспектов деятельности И.Ю. Марциной стала переводческая работа. Она совместно с В.А. Смирновым перевела самое известное произведение военной прозы «Неизвестный солдат» В. Линна, а также роман Э. Пеннанен «Честь женщины». В 1995 г. в Издательстве Московского университета вышел учебник И.Ю. Марциной «Финский язык для русских», в котором успешно реализовалась попытка коммуникативно-ситуативного обучения иностранному языку. Автор разработала задания по развитию иноязычных коммуникативных умений и навыков у обучающихся.

В период с 1975 по 1990 г. выпускниками венгерской и финской языковых групп защищались дипломные работы по материалам языков финно-угорской группы, а также по венгерской и финской литературам. В общей сложности за указанный период по финно-угорской проблематике на трех кафедрах (ОСИЯ, ОСИПЛ и зарубежной литературы) было защищено 60 дипломных работ.

Так постепенно на филологическом факультете МГУ складывались те предпосылки, благодаря которым в 1990 г. удалось открыть кафедру финно-угорской филологии.

Ее возглавила специалист по общей и русской морфологии, финно-угорским и самодийским языкам доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского университета *Ариадна Ивановна Кузнецова* (1932—2015). Круг научных интересов Ариадны Ивановны был необычайно широк. Он включал вопросы русской и общей морфологии, проблемы общей уралистики и типологии языков уральской языковой семьи. Она опубликовала более 100 научных работ, в том числе «Понятие семантической системы языка и методы ее исследования» (1963); «Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект» (в

трех томах), написанные в соавторстве с участниками лингвистических экспедиций в районы Крайнего Севера РФ; «Словарь морфем русского языка» (в соавторстве с Т.Ф. Ефремовой).

Профессор А.И. Кузнецова организовала и участвовала в более трех десятках лингвистических экспедиций в места проживания коми-зырян, удмуртов, марийцев, эрзя, хантов и самодийцев. Она вела практические занятия по коми-зырянскому и селькупскому языкам для студентов кафедры финно-угорской филологии, а после ее расформирования в 1997 г. для студентов, обучавшихся на кафедре теоретической и прикладной лингвистики. Проблемы изучения фольклора и мифологии самодийцев, лингвистической географии на материале уральских языков стали темой ее исследований последних лет. Ариадна Ивановна была признанным на международном уровне финно-угроведом и самодистом. В 1991 г. А.И. Кузнецова была избрана иностранным членом научного Финно-угорского общества.

Направления развития финно-угорских исследований первой трети XXI в. С 2006 г. кафедра финно-угорской филологии была восстановлена как самостоятельная административная единица в рамках филологического факультета. Ее возглавляет автор монографии, 12 учебников, учебных пособий и 70 публикаций доктор филологических наук, переводчик *Надежда Станиславовна Братчикова*. По кадровому составу кафедра является небольшой. На ней трудятся пять человек, из которых двое — специалисты в области финской филологии и три хунгаролога.

Виктория Викторовна Добровольская (Чернявская) является признанным специалистом в области преподавания финского языка, автор многочисленных пособий, рабочих тетрадей и интернет-курсов по финскому языку. *Елена Зофьяровна Шакирова* — старший научный сотрудник, в настоящее время единственный специалист в области истории венгерской литературы. В 1997 г. Е.З. Шакирова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проза Дьюлы Круди в контексте модернистского мифологизма». Она сотрудничает со многими литературными изданиями, в которых публикует научные статьи и литературные комментарии. В коллективном труде «История венгерской литературы в портретах» (М., 2015) есть публикации Е.З. Шакировой, в которых показывается, как литература Венгрии стала частью таких литературных направлений, как авангард и постмодернизм¹⁰.

Сотрудники кафедры стараются поддержать среди студентов интерес к изучению финно-угорских языков. В настоящее время кафедра регулярно проводит наборы в группы со вторым венгерским и финским языками, что позволяет студентам разных отделений в течение трех лет получать языковую подготовку. В группу с финским языком как основным иностранным набор проводится через четыре года.

Кафедра постоянно обновляет теоретические курсы, учитывая современные коммуникативные подходы, достижения отечественных и зарубежных исследователей и при этом соблюдая традиции, заложен-

¹⁰ В коллективной монографии представлены статьи Шакировой о творчестве Эндре Ади, Дьюлы Круди и Аттилы Йожефа (История венгерской литературы в портретах. М., 2015).

ные ее великими предшественниками. Теоретические курсы в области истории венгерского и финского языков, а также теории грамматики разрабатывают и проводят доценты А.П. Гуськова и Н.С. Братчикова.

Требование точности фактического материала и его глубокого теоретического осмысления вызывает потребность в активизации сотрудничества с зарубежными вузами, в частности, кафедрой финно-угорской филологии Университета Хельсинки, Языкового центра университета Тампере (Финляндия), кафедрой финно-угорской филологии Университета имени Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия), Института Балашши (Венгрия). Постоянно изменяющееся состояние современных финского и венгерского языков требует корректировки курсов по разговорному языку и территориальным говорам и диалектам (разработчики Н.С. Братчикова и венгерский лектор Имре Чаба Надь).

Кафедра занимается исследованием истории переводов русской литературы в странах изучаемых языков, а также российско-венгерских и российско-финских культурных связей. Эта работа ведется двумя специалистами — Н.С. Братчиковой и Е.З. Шакировой.

Со студентами проводятся семинарские занятия по актуальным проблемам в области частной теории перевода (например, семинар по теме «Переводчик в сфере межкультурной коммуникации»; «Особенности фразеологической системы финского языка»). С 2017 г. на кафедре проводится семинар «Актуальные проблемы художественного перевода», в рамках которого организуются конкурсы на лучший перевод художественного текста с иностранного языка на русский. Для оценки качества переводов приглашаются специалисты, профессиональные переводчики, сотрудники Посольств стран изучаемых языков.

Перспективным направлением кафедра считает социолингвистические исследования. В сотрудничестве с Удмуртским и Югорским университетами планируется проводить онлайн-семинары по теме «Языковая ситуация в районах проживания уральских народов», участвовать в международном финно-угорском форуме «Богатство финно-угорских народов» и «Новые горизонты развития».

Научное и культурное сотрудничество филологического факультета МГУ с университетами Будапешта, Хельсинки и Тампере исчисляется десятилетиями и имеет разнообразные формы. В рамках межгосударственного и межвузовского соглашений по обмену специалистами на кафедре работают преподаватели венгерского и финского языков из Венгрии и Финляндии.

Студенты, показывающие стабильно высокие результаты в изучении венгерского и финского языков, отправляются на летние языковые курсы в Венгрию и Финляндию, а также на языковую стажировку в университеты Хельсинки и Тампере.

Кафедра финно-угорской филологии является продолжателем традиций, заложенных ее основателями, чтит память ее первого руководителя Ариадны Ивановны Кузнецой. Сотрудники кафедры надеются сохранить творческую атмосферу на многие десятилетия, рассчитывают и впредь предоставлять студентам возможности для получения современных знаний для реализации их творческого потенциала.

Nadezhda Bratchikova

**CELEBRATING THE 30th ANNIVERSARY
OF THE DEPARTMENT OF FINNO-UGRIC PHILOLOGY**

**FINNO-UGRIC STUDIES
AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a brief outline of the history of the Department of Finno-Ugric Philology, Faculty of Philology, Moscow State University Lomonosov. The article describes Finno-Ugric studies at Moscow University over the past two hundred years and specifies the unit's contributions. The initial projects dealt with the reconstruction of the Uralic language, private stories of the Uralic languages, and cultural traditions of the peoples speaking the languages in question. The Department of Finno-Ugric Philology has largely benefited from Finno-Ugric studies at several departments at the Faculty of Philology, including the Department of General and Comparative Historical Linguistics, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, and the Department of Foreign Literatures. Moscow University's Geography and History schools deserve special mention. The article hails the main scientific works in Finno-Ugric studies at Moscow University. Currently, the Department is largely engaged in comparative studies of Hungarian and Russian, research into modern Hungarian literature, Finnish language and literature.

Key words: history of Finno-Ugric studies at Moscow University; traditions; innovations; Department of Finno-Ugric Linguistics.

About the author: *Nadezhda Bratchikova* — Prof. Dr., head of the Department of Finno-Ugric linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: n.bratchikova@mail.ru).

РЕЦЕНЗИИ

Ю.И. Красносельская

ЗОРИН А.Л. ЖИЗНЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ.

М.: Новое литературное обозрение, 2020. 248 с.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Рецензия посвящена биографической книге А.Л. Зорина «Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения» (М.: НЛО, 2020). Избранный Зориным метод изучения жизни и творчества Толстого рассматривается в контексте классических и современных подходов к воссозданию биографии писателя. Обсуждаются причины обращения современных исследователей к жанру популярной биографии. Анализируется степень новизны научного приема, который Зорин считает первостепенным для своего исследования: рассматривать жизнь Толстого как нечто целостное и непротиворечивое. Рассматривается проблема «анархизма» Толстого как важнейшей, по Зорину, мировоззренческой установки писателя.

Ключевые слова: А.Л. Зорин; Л.Н. Толстой; Б.М. Эйхенбаум; биография; противоречия; анархизм.

Биографическая книга А.Л. Зорина о Л.Н. Толстом уже несколько лет ожидалась российским читателем, хотя и была изначально заказана автору британским издательством. Авторская переработка английской версии в русскую была проделана в кратчайшие сроки, так что, хотя в выходных данных русской версии и указан 2020 г., книга Зорина уже в конце 2019 г. стала бестселлером на книжной ярмарке **Non/fiction**. Причиной тому, как нам кажется, прежде всего общепризнанная научная репутация автора. В последние несколько лет он неоднократно выступал с открытыми лекциями о Толстом, участвовал в дискуссиях, давал интервью, развивая в них те идеи, которые легли в основу его книги и постепенно подготавливали читателя и к самому факту ее выхода, и к правильному ее восприятию. При этом публичное представление автором промежуточных результатов своего труда давало основания полагать, что новая книга будет ориентирована не только на профессиональных историков литературы и культуры, как предыдущие

Красносельская Юлия Игоревна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: ju_kras@mail.ru).

исследования Зорина, но и на более широкую аудиторию. В самом деле, автор лаконично, просто и увлекательно пишет и о перипетиях семейной жизни Толстого, и о его многообразных общественных занятиях, и о его религиозных воззрениях.

Между тем, признавая очевидный запрос на новые работы Зорина, нельзя не задаться вопросом, в какой степени у читателя существует запрос на новую биографию Толстого и в какой степени «Жизнь Льва Толстого» переворачивает сложившиеся представления о нем? Здесь, конечно, следует сразу обговорить, какого читателя и какого рода биографию мы имеем в виду. Что касается «научной биографии» Толстого, то такой до сих пор не написано; в распоряжении толстоведов имеются классические, но не полные и не всегда точные работы Н.Н. Гусева, продолженные, но опять-таки не доведенные до конца Л.Я. Громовой-Опульской; имеется и своего рода толстоведческая «Библия» — работы Б.М. Эйхенбаума, десять лет назад наконец выпущенные отдельным изданием. Хотя, конечно, книги Эйхенбаума, скорее, концептуализируют творческий и жизненный путь Толстого 1840–1870-х годов, чем просто его исчерпывающе воссоздают, его программная установка — «для того чтобы иметь в руках “факты”, надо уметь их получать — фактов самих по себе нет» [Эйхенбаум, 2009: 73] — настолько себя оправдывает, что фактографические пропуски и погрешности компенсируются тем ощущением целостности жизни Толстого, внутренней логичности и исторической закономерности его поисков места в мире, которое книги Эйхенбаума рождают. Кроме того, они рождают уверенность, что лучшие из научных работ о Толстом, задающие новую перспективу восприятия его деятельности, являются и лучшими биографиями, позволяющими представить в неожиданном свете хорошо известные, уже «автоматизировавшиеся» в сознании толстоведа факты. Такова, например, недавняя книга И.А. Паперно «“Кто, что я?” Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах», в хронологической последовательности воссоздающая попытки Толстого создать повествование, синхронное самому процессу проживания жизни, «адекватное по структуре самому процессу бытия — своего рода книгу жизни» [Паперно, 2014: 9]. Такая прагматика оказывается присуща и ранней «Истории вчерашнего дня», и поворотной «Исповеди», и поздним дневниковым записям Толстого, так что на основе их изучения Паперно выстраивает удивительно «синтетичный» образ Толстого, на протяжении своей долгой жизни искавшего разгадку феномена времени.

Что же касается собственно биографий, то только за последнее десятилетие в свет вышло несколько жизнеописаний Толстого, заслуживающих внимания. Если говорить об англоязычном рынке, для которого изначально предназначалась биография Зорина, то нельзя не вспомнить книгу Розамунд Бартлетт “Tolstoy: A Russian Life” (2011) и еще более свежую новинку — книгу Донны Орвин “Simply Tolstoy” (2017). Российский читатель в 2006 г. получил пространную, «эпическую» по своему размаху биографию Толстого в серии ЖЗЛ, напи-

санную А.М. Зверевым и В.А. Тунимановым. Эти книги также были ориентированы на широкую публику — видимо, вследствие опасения биографа сказать слишком много или слишком мало. Задача превзойти Гусева хотя и оправдана, но, к сожалению, никем не ставится, ибо дело это, требующее титанической работы с архивами и исчерпывающего знания исторического контекста, кажется столь же несбыточным, как выпуск в ближайшем столетии всех томов Академического 100-томного Полного собрания сочинений Толстого. В связи с этим биографы сужают задачу, оговариваясь во вступлении, что, цитируя книгу Зорина, «Толстому исключительно везло на биографов» (с. 7), а, стало быть, нет необходимости повторять и без того уже известные факты — важнее по-новому их осмыслить. Правда, «серийные» биографии устроены по-разному: жесткие ограничения по объему, предусмотренные “Simply Charly” или “Critical Lives” (серия издательства *Reaktion Books*, опубликовавшего труд Зорина), вполне преодолеваемы в ЖЗЛ: книга Зверева-Туниманова содержит почти 800 страниц и «разрастается» во все стороны, включая подробный рассказ не только о Толстом, но и о его окружении, о детях, внуках и правнуках, о толстоведении и о разных других материях вроде вкусов телезрителей XXI в., что придает этой в целом вполне добротной и основательной книге излишне публицистический характер. Сблaзн говорить не только о Толстом, но и «по поводу» Толстого рождает, иными словами, опасность, которой другим биографам хотелось бы избежать. Есть определенный вызов и в том, чтобы вместить 82 года толстовской жизни и 90 томов его сочинений в 200 страниц текста, в чем и признается Зорин: «Мне представлялось важным уместить этот объемный и разнообразный материал в сжатый текст, попытавшись одновременно сохранить основные линии судьбы героя» (с. 7). В то же время задача состоит, очевидно, в том, чтобы не просто сохранить «основные линии судьбы героя», но и показать «своего Толстого», убедив читателя в правомерности специфического отбора материала.

Иными словами, даже краткая популярная биография требует той или иной степени концептуализации материала. Так, вполне определенная «мысль» положена в основу книги Орвин, одного из самых замечательных современных толстоведов. В “Simply Tolstoy” она вновь обращается к проблеме, которая занимала ее в книге “Tolstoy’s Art and Thought, 1847–1880” — проблеме соотношения природы и морали в восприятии Толстого, а также к вопросу о том, как Толстой пытался «навести мосты» между разумом и откровением. В свою очередь, Бартлетт делает писателя призмой, в которой преломляется “A Russian Life”, русская жизнь, а потому Толстой у нее подан через ряд «типично русских» поведенческих моделей, что подчеркивают и названия глав ее объемного труда (“Literary Duellist and Repentant Nobleman”, “Sectarian, Anarchist, Holy Fool”¹ etc). Сходным образом, книга Зорина разбита на

---

¹ «Литературный дуэлянт и кающийся дворянин», «Сектант, анархист, юродивый».

четыре главы с не менее эффектными заглавиями вроде «Честолюбивый сирота» или «Беглая знаменитость». Но что стоит за этими заглавиями, какая концепция личности определяет его построения, какого Толстого он хочет показать?

Зорин подчеркивает, что стремился уйти от популистских приемов, когда в Толстом акцентируются «кричащие противоречия», и старался разглядеть во всем том, что делает его герой — будь то сочинение «Войны и мира», крестьянский труд или семейные заботы — «уникальную последовательность и цельность его жизненного пути» (с. 8). «Расчленение» Толстого на десницу и шуйцу, порожденное в эпоху Н.К. Михайловского (сам Зорин на презентации книги в Шанинке вспоминал в этой связи давнюю работу Исаяи Берлина «Еж и лиса»), по понятным причинам характерно для популярных работ: оно придает биографии оттенок сенсационности и парадоксальности, позволяет впечатлить читателя широтой натуры «матерого человечища». Не лишены такой установки давняя биография В.Б. Шкловского в ЖЗЛ (ср.: «Лев Николаевич противоречив потому, что он принадлежит к старому времени и его идеалы находятся в прошлом, и потому, что он человек, а человеческие идеалы находятся впереди» [Шкловский, 1963: 474]) или недавнее «Бегство из рая» П.В. Басинского (ср.: «Толстой до женитьбы и после — два принципиально разных человека, так же, как Толстой до духовного переворота и после. *Вдруг* меняется решительно все!») [Басинский, 2010: 187]. Если в первом случае коллизии жизни Толстого оттеняют парадоксальность мышления самого Шкловского, то во втором — помогают разбавить достаточно монотонный пересказ толстовских дневников и переписки, которые, без сомнения, интереснее любого их пересказа.

И все же видение Зориным новизны исследования в отходе от принципа «противоречий» вызывает удивление, поскольку в серьезных работах о Толстом такого «раздвоения» давным-давно не производится; напротив, исследователи стремятся преодолеть разрыв между Толстым-мыслителем и писателем (ср. интервью Бартлетт о своей книге: “I also thought it was important to show how Tolstoy the writer and Tolstoy the thinker were one” [A Russian Life] или иронии Зверева и Туниманова в отношении «традиции восторгаться художественными образами и порицать “нелепые” и ретроградные суждения публициста и проповедника» [Зверев, Туниманов, 2006: 397]) или между его практической и литературной деятельностью. Еще Эйхенбаум в работе «О противоречиях Льва Толстого» предлагал смотреть на изменчивость взглядов и занятий Толстого исторически, видеть в ней не диковинные «кувыркания» гения, а отклик на ломку старых социальных устоев и желание сохранить свое место в современности. Так и современным исследователям Толстого очевидно, что все, что делает их герой, взаимосвязано, так что наиболее интересная задача состоит в том, чтобы убедительно связать контрастные ипостаси его натуры, «сопрячь» вроде бы далекие стороны его деятельности. Например, Р. Густафсон связал воедино художественные и философские работы Толстого, выявив в них воссоздание двух

состояний души — Обитателя и Чужака, которые только в совокупности своей и формируют мироощущение Толстого; Орвин писала о Толстом как об аналитике, стремящемся к синтезу; И. Меджибовская посвятила свою книгу “*Tolstoy and the Religious Culture of His Time*” реконструкции истоков толстовского религиозного «обращения» 1880-х годов, тем самым преодолевая представление о «двух» Толстых — до и после переворота. На опровержении или, точнее, расширении концепции Берлина строится работа Дж. Лава “*The Overcoming of History in War and Peace*”, показавшего, как в этой книге искусно соединены романная и философская части, комическое и трагическое начало, как Толстой создает уникальную нарративную конструкцию, которая “permits the unification of oppositions even in their constant instability and dynamism” [Love, 2004: 184]. Иными словами, «сопряжение далековатого» — это то основное дело, которым заняты толстоведы, в свете чего мысль о единстве Толстого грозит стать «противоположным общим местом», как сказал бы Базаров.

Другое дело — массовая оптика. Будучи во многом обращена к читателю, который находится в плену шаблонных представлений о «противоречиях» Льва Толстого, мечущегося между литературой и философией, Богом и домом, книга Зорина выполняет важную задачу, разрушая такой образ. Рассуждая на провокационные темы, например, об одержимости Толстого проблемами смерти и сексуальности — Зорин успешно избегает сомнительных ходов, подчеркивая, скажем, неправомерность психоаналитических истолкований отдельных эпизодов жизни героя. Соображения на эти темы заставляют вспомнить предыдущую книгу Зорина, об эмоциональной культуре рубежа XVIII—XIX вв., где речь также шла «о любви и смерти» [Зорин, 2016: 60]. В «Появлении героя» обращенность к этим темам работала на реконструкцию эмоционального мира отдельного человека, на демонстрацию исторического, культурно обусловленного характера наиболее приватных из эмоций. Чтение новой книги Зорина поневоле заставляет размышлять о том, в какой степени избравшиеся им ранее научные подходы — идеологическая критика культуры, история эмоций — оказываются задействованы при воссоздании жизни героя из другой эпохи. В какой-то степени, очевидно, задействованы: установка на восприятие толстовских книг как материала, который не «отражает», но «составляет» его биографию (с. 7), кажется подхваченной из «Появления героя», хотя там Зорина интересовали случаи, когда жизнь человека оказывается шире тех заимствованных из литературы эмоциональных матриц, на основе которых он стремится выстроить свою жизнь. В конце этой книги Зорин вспоминал автора «Войны и мира», полемично настроенного по отношению к важной для поколения Андрея Тургенева идее «единства личности» и в то же время пишущего роман из той эпохи. Впрочем, в «Жизни Льва Толстого» конкретные наблюдения над связью практических занятий и переживаний Толстого и синхронных литературных опытов достаточно предсказуемы; что же до идеологической критики, то ее следы можно увидеть в изображении деятельности Толстого как

попытки противостоять крушению «Золотого века», старого мира, то есть социально устойчивой имперской реальности. Возможно, из-за формальных ограничений по объему этот мотив остался завуалированным, а потому немного «спрямляющим» ситуацию. Пример тому — интерпретация мифа о детстве как «потерянном рае». О присутствии у Толстого такого мифа когда-то подробно писал Э. Вахтел в книге “The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth”, однако это представление убедительно оспаривалось, например, А. Хрусковой, показавшей амбивалентность толстовского понимания детства, его «темную» сторону, сближающую миф Толстого скорее с разночинным, чем дворянским мифом о детстве. В силу лаконичности книги Зорина исторический, а, стало быть, и идеологический контекст жизни Толстого сведен к минимуму; в отличие от книги Зверева и Туниманова, повествование здесь сконцентрировано вокруг главного героя, не слишком отклоняясь в сторону его близких, не говоря о дружеском и профессиональном окружении. В связи с этим первая часть книги кажется почти конспективной; повествование замедляется ко второй части, где Зорин описывает философские взгляды позднего Толстого.

Нам показалось, что поздний Толстой более интересен Зорину как научная проблема: не потому, что Толстой «изменился», а потому, что анализ его вероучения позволяет раскрыть ту толстовскую «идею», которая для Зорина столь же важна, как и мысль о непротиворечивости его пути. Мы имеем в виду идею «анархизма», которая уже озвучивалась исследователем в предшествующих книге лекциях: признавая, что Толстой мог менять свое мнение по отдельным вопросам, Зорин настаивает, что от первых до последних дней своей жизни он оставался бескомпромиссным анархистом, отвергавшим любые формы принуждения. Обращаясь к проблеме свободы/несвободы, Зорин затрагивает толстовский «узел жизни», как выразился бы Н.Н. Страхов, ключевую для писателя проблему, и размышления на этот счет кажутся наиболее интересными в «Жизни Льва Толстого». Однако решение этой проблемы представляется односторонним. Как уже отмечалось, проблема «двух Толстых» может быть решена не через ее отрицание, а через рассмотрение того, как контрастные его стороны соединяются; так и проявляющееся в писателе стремление к абсолютной свободе на протяжении его жизни компенсируется/соединяется с/чередуется со стремлением подчинить себя какой-либо высшей силе, «хозяину» (необходимости, Богу, народу, даже, мы уверены, и государству в период краткого сближения с Б.Н. Чичериным в 1858 г.), что заставляет усомниться в столь однозначном определении его позиции, которое дает Зорин.

Что касается фактической стороны изложения, то взгляд поневоле задерживается уже на первой фразе, в которой сказано, что в мае 1878 г. Толстой завершал работу над «Анной Карениной» (с. 9), что на самом деле произошло годом ранее (далее в тексте хронология работы над романом изложена корректно). В книге встречаются и другие

ошибки и неточности: так, говорится, что «Детство» напечатано летом 1852 г. (с. 28) (в сентябрьском номере, если быть точным); что Толстой несколько месяцев прослужил «мировым судьей» (с. 55) (на самом деле мировым посредником), книга Дж. С. Милля «О подчинении женщины» названа статьей (с. 108); в цитате из письма Толстого А.А. Фету 1865 г. ироничное словечко «пойметь» исправлено на «поймет» (с. 92) [об этом см.: Лощинин, 1966: 272] и т.д. Как кажется, некоторые неточности возникли в процессе обратного перевода на русский язык: это проявляется, например, в обозначении «Записки о дворянском вопросе» как «меморандума», в предпочтении упрощенных личных имен вроде Софья или тетушка Туанет более привычным русскому читателю вариантам Софья Андреевна или Татьяна Александровна, равно как и в использовании ряда конструкций, несколько царапающих слух русского читателя, вроде того, что Толстой и его жена «были хорошими партнерами» (с. 110).

В целом, можно сказать, что книга Зорина — пример краткой биографии Толстого, которая не предлагает принципиально нового взгляда на его жизнь, но может быть полезна тем, у кого нет необходимости или возможности штудировать Эйхенбаума или Орвин. Что же до специалистов по Толстому, то они вправе воспринимать книгу Зорина в качестве первого подступа к толстоведению, за которым, как признает и сам автор, может последовать более кропотливая, провокативная и оригинальная работа.

Список литературы

1. *Басинский П.В.* Лев Толстой: бегство из рая. М., 2010.
2. *Зверев А.М., Туниманов В.А.* Лев Толстой (Жизнь замечательных людей: серия биографий). М., 2006.
3. *Зорин А.Л.* Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.
4. *Лощинин Н.П.* «Пойметь», а не «поймет». Тургенев и Лев Толстой в 1865 г. // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. II. М.; Л., 1966. С. 272.
5. *Паперно И.* «Кто, что я?» Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М., 2014.
6. *Шкловский В.Б.* Лев Толстой (Жизнь замечательных людей: серия биографий). М., 1963.
7. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб., 2009.
8. A Russian Life: Rosamund Bartlett On Leo Tolstoy's Transition From Writing to Social Activism. URL: <https://simplycharly.com/interviews/rosamund-bartlett-on-leo-tolstoy-s-transition-from-writing-to-social-activism/> (дата обращения: 28.12.2019).
9. *Bartlett R.* Tolstoy: A Russian Life. Boston; N.Y., 2011.
10. *Love J.* The Overcoming of History in *War and Peace*. Amsterdam; N.Y., 2004.
11. *Orwin D.T.* Simply Tolstoy. N.Y., 2017.

Yulia Krasnoselskaya

**ZORIN A. L. 'THE LIFE OF LEO TOLSTOY.
A COMPREHENSION EXPERIENCE'
(Moscow, New Literary Review, 2020)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a review of A.L. Zorin's book 'The Life of Leo Tolstoy. A Comprehension Experience' (Moscow, New Literary Review, 2020). The focus is on the author's critical method of studying Tolstoy's life and work in the context of classical and modern biographies. The originality of Zorin's technique is consider Tolstoy's different activities as something consistent and wholesome, and not as something opposing. Special attention is paid to Tolstoy's 'anarchism', which, according to Zorin, is the main peculiarity of his way of thinking. Special mention is made of what makes a brief popular biography of Leo Tolstoy still popular with the public.

Key words: A.L. Zorin; Leo Tolstoy; B.M. Eikhenbaum; biography; contradictions; anarchism.

About the author: *Yulia Krasnoselskaya* — PhD, Teaching Fellow, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ju_kras@mail.ru).

References

1. Basinskij P.V. *Lev Tolstoj: begstvo iz raja* [Leo Tolstoy: The Escape from the Paradise]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2010. 636 p. (In Russ.)
2. Zverev A.M., Tunimanov V.A. *Lev Tolstoj* [Leo Tolstoy]. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: serija biografij). Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2006. 782 p. (In Russ.)
3. Zorin A.L. *Pojavlenie geroja: iz istorii russkoj jemocional'noj kul'tury konca XVIII — nachala XIX veka* [The Birth of the Hero: on the History of Russian Emotional Culture of the late XVIII — early XIX-th Century]. Moscow, Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016. 563 p. (In Russ.)
4. Loshchinin N.P. "Pojmet'", a ne "pojmet". *Turgenev i Lev Tolstoj v 1865 g.* ["Pojmet'", a ne "pojmet". *Turgenev and Leo Tolstoy in 1865*] Turgenevskij sbornik: Materialy k Polnomu sobraniyu sochinenij i pisem I.S. Turgeneva. M.; L., 1966. Vyp. II. P. 272. (In Russ.)
5. Paperno I. "Kto, chto ja?" *Tolstoj v svoih dnevnikah, pis'mah, vospominanijah, traktatah* ["Who, What Am I?" Tolstoy in his Diaries, Letters, Memoirs, Tracts]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014. 229 p. (In Russ.)

6. Shklovskij V.B. *Lev Tolstoj* [Leo Tolstoy]. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: serija biografij). Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1963. 864 p. (In Russ.)
7. Jejhenbaum B.M. *Lev Tolstoj: issledovanija. Stat'I* [The Essays on Leo Tolstoy]. Saint-Petersburg, Fak. filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2009. (In Russ.)
8. *A Russian Life: Rosamund Bartlett On Leo Tolstoy's Transition from Writing to Social Activism*. URL: <https://simplycharly.com/interviews/rosamund-bartlett-on-leo-tolstoys-transition-from-writing-to-social-activism/> (accessed: 28.12.2019).
9. Bartlett R. *Tolstoy: A Russian Life*. Boston, New York, Houghton Mifflin Harcourt, 2011.
10. Love J. *The Overcoming of History in War and Peace*. Amsterdam — NY, Rodopi, 2004.
11. Orwin D.T. *Simply Tolstoy*. New York, Simply Charly, 2017.

Е.В. Борода

**СКОРОСПЕЛОВА Е.Б. РУССКАЯ КЛАССИКА:
ПУШКИН. ЛЕРМОНТОВ. ГОГОЛЬ:
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. М.: МАКС Пресс, 2018. 501 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33*

Учебное пособие Екатерины Борисовны Скороспеловой «Русская классика: Пушкин. Лермонтов. Гоголь» представляет собой уникальный труд, в основе которого лежит систематизация, анализ, осмысление знаковых произведений литературы XIX в.: «Евгения Онегина» Пушкина, «Героя нашего времени» Лермонтова, «Мертвых душ» Гоголя. Целостность анализа проявляется в комплексном подходе к толкованию текста; выявляется не только жанровое своеобразие произведений Пушкина, Лермонтова и Гоголя, но и их роль в жанровой эволюции русской литературы. Актуальность пособия связана с реабилитацией образа Автора, который представлен у Е.Б. Скороспеловой в трех лицах: как создатель текста, герой и повествователь. Труд Е.Б. Скороспеловой — это прогрессивный вариант учебного пособия, в котором подробно описаны научные аспекты прочтения текстов, рассуждения предельно конкретизированы, внимание читателя концентрируется на деталях, подробностях, образах, героях и описаниях. Востребованность пособия в учебном процессе безусловна.

Ключевые слова: Е.Б. Скороспелова; Пушкин; Лермонтов; Гоголь; Автор; эволюция жанра.

Учебное пособие Е.Б. Скороспеловой «Русская классика: Пушкин. Лермонтов. Гоголь» включает анализ трех знаковых произведений русской литературы первой половины XIX в.: «Евгения Онегина», «Героя нашего времени», «Мертвых душ». Предметом внимания автора становится история создания и публикации, специфика содержания, поэтика, жанровое своеобразие — словом, вся полнота природы текста.

Разумеется, об этих произведениях писалось неоднократно, но автор пособия, постоянно вводя в свой текст обращение к классическим исследованиям предшественников, предлагает собственный подход.

Анализ произведений русской классики систематизирован в соответствии с определенными аспектами: характер героев, общий план, художественная деталь. Однако Е.Б. Скороспелова не стремится втиснуть материал в прокрустово ложе универсального логического марш-

---

Борода Елена Викторовна — доктор филологических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (e-mail: lenavladim@rambler.ru).

рута. Именно эта свобода создает эффект импровизации, пространного рассуждения и — как это ни странно звучит в применении к учебному пособию, — доверительную интонацию, живой голос автора.

Анализ расширяет пространство представленного материала, автор обращает внимание на детали, значимые имена и их символичность (в «Евгении Онегине», например, это Грибоедов, Фонвизин, Истомина, Княжнин, в «Герое нашего времени» — реалии Кавказа).

Впечатление целостности рецензируемой книги создается общим подходом к пониманию текста, в основу которого исследователь вносит представление о смысловом и структурном значении фигуры Автора, который един в трех лицах: создателя произведения, повествователя и героя.

Обращение к образу автора актуально в условиях современной литературной ситуации, когда мы пережили «смерть» автора, но не дождалась его «воскрешения» — во всяком случае, в той мере, чтобы говорить о полноте присутствия. Как следствие, небрежение фигурой Автора мешает осознавать, что, читая произведение, мы имеем дело не с реальными людьми, а с результатом деятельности авторского воображения, мешает видеть за героями самого автора, человека, наделенного своим отношением к миру и пытающегося выразить это отношение, создавая героев и их судьбы, расставляя персонажей, приписывая им поступки.

Автор пособия учитывает возрастные особенности восприятия художественных произведений молодыми людьми. В школьном возрасте восприятие книги предполагает идентификацию с героем. Если подросток сочувствует герою, то произведение способно его увлечь. Но как быть, если герой отделен от современного школьника годами, десятилетиями, столетиями? Можно ли преодолеть эту культурную, историческую, эстетическую и духовную пропасть, о которой, кстати, говорят всё чаще, когда речь заходит о преподавании литературы?

На мой взгляд, пособие Е.Б. Скороспеловой в какой-то мере помогает решить эту задачу, потому что подход к образу героя идет плавно и целенаправленно, как раз через понимание эпохи. В школьном преподавании внимание акцентируется прежде всего на персонажах, их судьбах, изображении внешнего мира. И такому важнейшему аспекту содержания в пособии уделяется большое внимание: подробно рассматриваются образы персонажей, их структура, своеобразие построения сюжета, пейзажная и предметно-бытовая детализация.

В «Евгении Онегине» роль Автора особенно очевидна, и к пониманию этой роли Е.Б. Скороспелова приводит своего читателя, обращая внимание не только на лирические монологи и присутствие авторского голоса в описаниях, но и предлагая учащимся выявить в тексте «сюжет» Автора и сопоставить его с сюжетом героев.

Одно из достоинств пособия — то, что это не безличное обобщение творчества классиков, а послание современному поколению, особенности которого автор понимает. Так, близкой и понятной кажется трактовка знаменитой отповеди Онегина: «Неожиданно для самого себя он нашел согласие с самим собой и погрузился в жизнь, размеренность которой, казалось бы, ничто не могло нарушить. Возможно, он оценил найденное равновесие, но был еще далек от подлинной душевной

полноты. Он не был готов ответить Татьяне. Еще не пришло время, а Татьяна с ее “воображением мятежным”, с ее сердечным нетерпением — поспешила» (с. 72). Так рисует ситуацию Е.Б. Скорospelова, и, на мой взгляд, напоминает о том, что литература, в том числе и литература XIX в., — она про жизнь, и такой подход способствует читательской заинтересованности.

Мне очень нравится фрагмент, посвященный «онегинской хандре», которую автор рассматривает как болезнь времени, ведущую к нравственной катастрофе.

Важно, что во второй главе пособия («Герой нашего времени») особое внимание уделяется фигуре странствующего офицера, как правило, оказывающегося «на обочине» анализа: читатель подводится к мысли, что в лермонтовском романе именно «странствующему офицеру» поручена смысловая и структурная роль Автора и он становится в каком-то роде фигурой, равновеликой Печорину.

Это не единственное «белое пятно», которое оказывается предметом внимания Е.Б. Скорospelовой. Автор пособия намеренно меняет ракурс исследования с привычного, хрестоматийного, на детальный, «ресурсный». Например, говорится о мироощущении Максима Максимыча и Казбича. Обсуждается так называемая десятая глава «Евгения Онегина», судьба второго тома «Мертвых душ».

Скорospelова предлагает читателям обратиться на фигуру Автора и в «Мертвых душах»: здесь он обнаруживает себя непосредственно в рассуждениях, монологах и в повествовании, исполненном любви и скорби.

На всем протяжении книги поддерживается диалог с читателем (будь то школьник или просто любитель литературы), постоянно звучат обращения к читателю, делаются предложения «записать», «обратить внимание», «прочитать» тот или иной фрагмент. Цель этого диалога — побудить к чтению художественного произведения, к размышлению над ним, к выработке собственного суждения об авторе и его произведении.

К чтению текста побуждают, во-первых, «поглавные» вопросы к «Евгению Онегину» и «Мертвым душам» и вопросы к повестям, входящим в состав «Героя нашего времени». Такого рода вопросы предваряют анализ текста и рассчитаны на устное воссоздание содержания произведения в аудитории и на проверку того, как оно понято. Во-вторых, интерес к чтению пробуждают задания, постоянно предлагающие найти и описать тот или иной фрагмент, ту или иную деталь, тот или иной поворот сюжета.

Задания, которыми наполнено пособие, размещены не в конце главы, как это часто бывает в такого рода книгах, но разбавляют повествование, создают впечатление живого диалога, делают пособие в полном смысле интерактивным.

Мне кажется, актуальность книги обусловлена еще и тем, что современная литература переживает очередной жанровый кризис либо уже пережила (увидим через несколько лет). В любом случае произведения «на стыке» жанров, неканонические тексты, подобные анализируемым здесь, являются показателем эволюции русской литературы. Заметим, «Евгений Онегин» — роман в стихах, «Мертвые души» — поэма по автор-

скому определению, а «Герой нашего времени» — сложное соединение романтического и реалистического. Все три книги демонстрируют, что подлинно гениальному произведению тесно в рамках одного жанра и одного канона.

Самостоятельная жизнь этих произведений соотнесена с творческими поисками Пушкина, Лермонтова и Гоголя, писатели представляются гигантами, которым только и под силу опрокинуть канон и создать книгу по своим законам. И это в какой-то мере ключ к пониманию образа многожды упомянутого Автора, присутствие которого в тексте неизбежно, потому что он не просто создает текст — он творит мир, и живет в нем, и берет на себя ответственность за то, что в этом мире происходит.

Elena Boroda

**SKOROSPELOVA E. B. RUSSIAN CLASSICS:
PUSHKIN. LERMONTOV. GOGOL.
Moscow: MAKS Press, 2018, 501 pp.**

*Tambov State University
33 Internationalnaya Str., Tambov, 392000*

The textbook ‘Russian Classics: Pushkin. Lermontov. Gogol’ is a unique work based on an analysis and systematization of 19th-century landmark literary works: the novel ‘Eugene Onegin’ by A.S. Pushkin, the novel ‘A Hero of Our Time’ by M.Yu. Lermontov, and the poem ‘Dead Souls’ by N.V. Gogol. A review of the textbook reveals several big pluses: it provides a holistic analysis, it sounds relevant, drawing attention to the image of the author and his role in the work. The integrity of the analysis is manifested in a comprehensive approach to the interpretation of the text, revealing not only the genre identity of the immortal creations of Pushkin, Lermontov and Gogol, but also the role of the classics in the genre evolution of Russian literature. The relevance of this textbook appears to be in the rehabilitation of the image of the Author, which is presented by the late Ekaterina Skorospelova in three faces: the creator of the text, the hero and the narrator. In addition, the manual pays great attention to unknown pages of works, heroes, who until now have remained in the background of the study. This is a progressive version of a textbook, which describes in detail the scientific aspects of reading texts, reasoning is very specific, the reader’s attention is focused on details, details, images, characters and descriptions, and the perception of the text as a whole work is built. Educators need this manual, and it is indubitable.

Key words: E.B. Skorospelova; Pushkin; Lermontov; Gogol; Author; evolution of a genre.

About the author: *Elena Boroda* — Prof. Dr., Associate Professor of the Department of Profile Preliminary Training, Derzhavin Tambov State University (e-mail: lenavladim@rambler.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.А. Нефедова

ХРОНИКА ОТЧЕТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИТОГАМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2019 г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье излагается содержание докладов, прочитанных студентами филологического факультета МГУ на состоявшейся 21 ноября 2019 г. «Отчетной конференции по итогам диалектологической экспедиции 2019».

Ключевые слова: диалектология; диалектная лексикография; северные говоры.

21 ноября 2019 г. в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ состоялась Отчетная конференция по итогам диалектологической экспедиции 2019 г. Группы диалектологической экспедиции работали в трех населенных пунктах Архангельской области: д. Лёкшмозеро Каргопольского, д. Усть-Поча Плесецкого и д. Земцово Пинежского районов. Работой экспедиционных групп руководили сотрудники кабинета диалектологии кафедры русского языка И.Б. Качинская, Ж.А. Панина, О.Н. Маркелова, Е.А. Ковригина.

Во вступительном слове руководителя диалектологической практики проф. *Е.А. Нефедовой* была отмечена значимость практики как в плане закрепления знаний, полученных при изучении русской диалектологии, так и в аспекте знакомства студентов с материальной и духовной культурой жителей русского Севера. Очевидна также научная ценность записанных студентами материалов, которые ежегодно пополняют картотеку «Архангельского областного словаря» (АОС) и включаются в его очередные выпуски.

С докладами выступили студенты русского отделения, проходившие учебную практику в рамках диалектологической экспедиции по сбору материала для АОС.

В докладе *Анны Земцовой*, подготовленном на материале говоров д. Земцово и д. Кушкопала Пинежского района, был представлен анализ слов, содержащих негативную (37 единиц) и положительную (11 единиц) оценку человека. Исследование показало, что в зоне повышенного внимания носителей диалекта находятся такие человеческие качества, как неопрятность, неряшливость (*Разувáи — это несóбранные, забýфчивые, не умéющие што́-то зде́лать лю́ди; Косма́тки,*

Нефедова Елена Алексеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: eanefedova@gmail.com).

росомáхи, простоволо́ски — ба́бушки на́с ругáли за вло́сы распу́щенные. Косма́тки о́пять зва́ли — вло́сы распу́стит), лень, неспособность вести хозяйство (Ра́ньше ка́к ругáли ле́нннво чело́ве́ка? Ух ты, жо́рноф ни́жний! Э́то бы́ло та́ко́е тя́шко ругáтельство, жо́рноф ни́жний. Ве́рхний-то жо́рноф — йево́ крути́ли, а ни́жний-то о́н на ме́сте сто́ял), обидчивость и хвастливость (Земцо́фцы — уросли́вы, уросят, зна́чит: ну́, зля́цэ дру́к на дру́га, да во́т начну́т не разгово́ривать дру́г з дру́гом — уросá покáзывать сво́й). Отмечены случаи употребления однокоренных экспрессивных слов разных частей речи. Например, хыш, хышóнок (Хы́ш — ну, вы́скачка. Да́же не хы́ш, а ужэ́ щя́с ино́гда ска́жут — хышóнок), хыш́ина (Пе́тька хыш́ина), хыш́ить (Хыш́ит — сам себ́я или ко́го там).

Доклад *Дмитрия Зайцева* был посвящен наименованиям рыболовецких снастей в говоре д. Лёкшмозеро Каргопольского района. Деревня располагается на берегу большого озера, и рыбный промысел занимает важное место в жизни местного населения. Анализ записанного автором материала выявил, что все рыболовецкие снасти можно подразделить на три вида: удочки, ловушки и сети. К первой группе относятся *дóнное* и *поплавокво́е* удилица, а также *щучий продóльник*. Виды ловушек различаются по материалу изготовления и размеру. *Ве́рша, ве́ршка* — вид короткой (до двух метров) рыболовной снасти из прутьев. Она ставилась *в бере́гу*. *Мерёжа, мерёжка* также была малого размера. Она делалась из ниток и ставилась у берега или на небольшой глубине при помощи *куба́са* (метки, обозначающей рыболовную снасть в воде). *Рю́жа* была бо́льших размеров (диаметр колец около 70 см) и ставилась на глубине. Иногда ловушки для больше эффективности улова могли иметь *кры́лья* — длинные боковые части. *Куба́с, кубася́тик, кубасо́к* — это рыболовная ловушка, представляющая собой обтянутый сетью палочный каркас. Для повышения эффективности *рю́жи* могли соединяться *зато́ном* (сеткой). Такой ряд ловушек имел собственное название — *ю́нда*. Самая крупная рыболовная ловушка — *невод*. Он состоит из *за́пуска* и *ма́тицы* (собственно, *матни́* невода). Для более устойчивого положения невод фиксировали *киврjúшками* (деревянными поплавками из скрученной бересты). *Ряпу́сница, ка́лежка* и *перемёт* — рыболовные сети, различающиеся по размеру «ячей». Во время нереста ставились *ёлечники* или *закóлы* — приспособления, состоящее из опущенных в воду и обнесенных сетью еловых веток. Пучок еловых или березовых веток называют *э́листа* или *нерестя́лице*.

В докладе *Романа Илюшина* на материале говоров д. Земцово и д. Кушкопала Пинежского района были рассмотрены некоторые особенности введения темы сообщения в сопоставлении с материалом некоторых русских некижнских памятников XIV века. Так, установленная на материале памятников структура конструкций введения темы (КВТ) обычно включает в себя союз при КВТ и его коррелят в рематической части. Например: *А что моихъ поясовъ серебряныхъ, а то роздадъ по п(о)пьямъ*. Обнаруженные в диалектном материале структуры в целом соответствуют описанной схеме, однако выявлены и некоторые различия. Например, союзно-частичный комплекс *ак вот* вместо подчинительного союза или союзного слова: *Ак во́т коро́ва, пока́ и те́лицэ, во́т и тежо́лые рóды назывáли — де́веть ме́сяцэф веть коро́ва-то ходит дак*. Зафиксированные в старорусском материале союзы и омонимичные им относительные местоимения в русской разговорной (в том числе и диалектной) речи вытесняются служебными единицами с у к а з а т е л ь н о й семантикой: *Куропти э́ти, ле́том о́ни се́рые, а зимой бе́лые, куро́пти, о́ни меня́лисе: шэ́рсть у ни́х меня́лась, ну́х он*. Здесь после

имени-идентификатора *кўронти* встречаем постпозитивный маркер, выраженный у к а з а т е л ь н ы м местоимением *эти*.

В докладе *Дарьи Добкиной* рассматривались функционирующие в говоре д. Усть-Поча Плесецкого района общерусские наименования женских демонологических персонажей *русáлка* и *кикíмора*, продемонстрированы примеры описания места обитания и внешности *кикíмор* и *русáлок*: *Про русáлок — у их бровей нет, такá красíва дéвушка. Вóлосы-те вот длínные у русáлки-то. А рук нé было, а бýли, как вот у рыбы, крыльё. Хвост рýбный у русáлки*. Диалектные номинации демонологических персонажей *водянáя*, *водянúха*, *волосáтка*, *дедушíха*, *дикúша*, *бúка* были охарактеризованы в аспекте их внутренней формы. Выяснилось, что для этих персонажей мало характерны гендерные соответствия. Обнаружены лишь пары *водянóй ~ водянúца* и *русáлка ~ лешáк*.

Доклад *Зои Гусевой* был посвящен анализу оценочных номинаций человека *баскóй*, *бáсенский*, *долголáпый*, *долгонóгий*, *долголóктый*, *долгорúкий*, *скалозубый*, *плешáтый*, *плешíвый*, *недопрáвдошный*, *растрéпа*, *коротышка*, *ничегúшка*, *дýлда*, *тертíшка*, *сторонник*, *шаляк*, *чамúша*, функционирующих в говоре д. Усть-Поча Плесецкого района. Оценочные номинации относятся к внешним данным человека, к личностным качествам, особенностям характера и поведения, таким как лень, нелюдимость, глупость, привередливость в еде. В докладе были приведены примеры устойчивых сочетаний, сравнительных оборотов и фразеологизмов, содержащих оценку человеческих качеств, например: *тончáвый*, *как кряж; под лáвку подтáвка*, *а под порóг стулók* (о человек низкого роста). В рассказе-притче о *Лéни* и *Отéти* отрицательные качества человека представлены в виде мифологических персонажей: *Если лéнко, например, чё-нибудь здéлать, говорáют: «Ой ты лéнь да отéть!» А ёсть такáя прíскаска: Лень да Отéть плывúт в лóтке. Вот Лень и говорít: «Мне, говорít, нítть так охóта». А Отéть говорít: «Сиди ты, гыт, у меня давнó уж в гóрле пересóхло, а тебе ещё говорít-то охóта». А плывúт-то по водé! Ну ёто назывáют тéх людéй, котóрым ничé ноохóта дéлать — Лень да Отéть*.

В докладе *Яны Коноваловой* и *Анастасии Мироновой* говорилось об андронимике говора д. Усть-Поча Плесецкого района. Ее яркой особенностью являются так называемые деревенские фамилии, отличающиеся от официальных. Были рассмотрены некоторые семантические модели, по которым образовывались неофициальные фамилии, например, от собственных имен — *Иришины*, *Афонины*, *Митюшкины*, от рода занятий или каких-то свойств человека — *Солдатовы*, *Малушковы*, от названия деревни — *Курятковы*. Деревенская фамилия часто распространяется с родителей на детей, с мужа на жену, но не переходит с жены на мужа. Семейные прозвища часто происходят от названия предметов — *Гориок*, *Политура*, *Баян*, от рода занятий — *Гадалка* и т.п. По прозвищам, личным или семейным, вспоминают человека. Например, в истории Кенозерья сохранился образ Ф.А. Ликотова под именем *Филюшки Слепого* — «святого такого дедушки», хранителя храма после закрытия прихода.

Камилла Кадырова в докладе «Выражается сильно русский народ» рассмотрела некоторые глаголы, семантика которых различается в литературном языке и в говорах. Так, в говоре д. Усть-Поча Плесецкого района глаголы *грабítть* и *награбítть* имеют значение 'собира́ть граблями', *поплы́ть* и *расплы́ться* обозначают состояние растекающегося теста, *наворáчивать* и *заворáчивать* — увеличение цен на что-нибудь. Приводились примеры экспрессивных глаголов движения, например: *поты́кать* — 'уйти' (*Фсё, я поты́кала оцóда*), междометных глаголов и др.

На конференции также прозвучал доклад студентки 3 курса ИСАА МГУ Веры Новиковой, которая неоднократно участвовала в диалектологических экспедициях филологического факультета. В докладе на тему «Зачем японисту изучать русские диалекты?» она сравнила значения лексемы *глаз* в русском языке и лексемы *те* ('глаз') в японском. Для получения полноценной картины соответствий в лексических значениях, для более точных типологических исследований был использован диалектный материал. Его привлечение показало, например, что в производных значениях слова *глаз* в русском языке, в отличие от японского, преобладает перенос по признаку формы.

Все доклады сопровождалось презентациями, содержащими фотографии, рисунки артефактов, схемы и таблицы. Конференция завершилась неформальными выступлениями студентов-участников экспедиции. *Камилла Кадырова* прочла стихи собственного сочинения, навеянные воспоминаниями о Севере, *Анна Земцовская* поблагодарила alma mater и своих преподавателей диалектологии Е.А. Нефедову и Е.А. Ковригину за уникальную возможность поучаствовать в огромной работе по изучению северного наречия. Она напомнила о словах Н.А. Котляревского, который писал: «... словарь — это вся внутренняя история народа». Слова эти можно отнести и к «Архангельскому областному словарю», который, без сомнения, представляет собой настоящий учебник русской жизни.

Elena Nefedova

A CHRONICLE OF THE CONFERENCE ON THE DIALECTOLOGICAL EXPEDITION-2019

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article outlines the reports presented on November 21, 2019 by students of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, after their dialectological expedition.

Key words: dialectology; dialect lexicography; Northern dialects.

About the author: *Elena Nefedova* — Prof. Dr., Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: eanefedova@gmail.com).

И.В. Мотеюнайте

**ХРОНИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВСЕ ОБМАНЫ МИРА:
ЛОЖЬ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»**

*Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Псковский государственный университет»
180000, Псков, пл. Ленина, д. 2*

В статье кратко излагается содержание научных докладов, прозвучавших на междисциплинарной научной конференции «Все обманы мира: Ложь в литературе и искусстве», которая проводилась в рамках проекта «Неканоническая эстетика», начатого в 2014 г. совместно ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ПсковГУ и ТверГУ. На конференции выступили филологи, философы, фольклористы, лингвисты и искусствоведы. Обсуждались концепции лжи/обмана/иллюзии в литературе и искусстве; способы и приемы моделирования, описания и оценки «лжи» на уровне сюжетов, образов и мотивов. Особое внимание было уделено понятиям «ложное» и «фальшивое» в текстах культуры, историко-культурным контекстам «лжи» и прагматике обмана в знаковых системах.

Ключевые слова: эстетика; литературоведение; лингвистика; искусствоведение; история литературы; история культуры.

25–26 апреля 2019 г. в ИРЛИ РАН в рамках проекта «Неканоническая эстетика» состоялась междисциплинарная научная конференция «Все обманы мира: Ложь в литературе и искусстве».

Проект начался в 2014 г., в нем участвуют Пушкинский Дом, Псковский и Тверской университеты. Ежегодно в апреле в Пушкинском Доме проводятся конференции, посвященные различным эстетическим категориям, которые не вошли в каноническую систему, однако на протяжении веков очевидно существуют в искусстве на разных уровнях его существования: в типах героев, жанрах, тематике, авторских интенциях, читательском восприятии и проч. Описание и анализ таких понятий позволяют увидеть, как некий отвлеченный принцип раскрывается в определенных формальных условиях.

Рассматриваемые в рамках проекта «Неканоническая эстетика» категории важны не только в конкретных художественных воплощениях; законы их эволюции, будучи описаны, могли бы и дополнить аристотелевскую поэтику, и создать совершенно новую междис-

---

Мотеюнайте Илона Витаутасовна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Псковского государственного университета (e-mail: ilona_motya@mail.ru).

циплинарную структуру, аналог таблицы Менделеева, в которой жанрово-категориальные соотношения могут стать основой нового гуманитарного знания.

В рамках проекта уже были рассмотрены *horror*, экстаз, разум, тайна и абсурд; в этом году пришла очередь лжи и обмана. Культура Нового времени отмечена рефлексией эстетического как «выдуманного»/«иллюзорного», «поддельного» и «фальшивого», искусства как «фикции». На конференциях обсуждались концепции лжи/обмана/иллюзии в литературе и искусстве, эволюция их восприятия, способы и приемы моделирования, описания и оценки «лжи» на уровне сюжетов, образов и мотивов, а также «ложное» и «фальшивое» в текстах культуры, историко-культурные контексты «лжи» и прагматика обмана в знаковых системах.

Тему литературы как «фикции», своеобразной легитимированной формы лжи открыл доклад *А.Ю. Сорочана* (Тверь) «Ложь и мимесис: три эпизода из исторической поэтики». На материале вошедших в «литературный канон» произведений Стивенсона («Остров сокровищ», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Новые арабские ночи») было показано, как ложь рассказчика классической эпохи сменяется ложью автора в модернизме, а далее настает очередь лжи самой литературы; эти изменения вызывают различные реакции читателя: ложь рассказчика — улыбку, ложь автора — страх, а ложь литературы может стимулировать надежду на спасение.

«Обману рассказчика» как аспекту темы лжи был посвящен и доклад *Р.Л. Шмаракова* (СПб.) «Вальтер Мап и ложь рассказчика». Проанализировав новеллу об Эвдоне, входящую в состав книги Мапа «Забавы придворных» (*De nugis curialium*; 1180–1190), автор пришел к выводу о том, что этот текст является ироническим размышлением о рассказчике-создателе вымыслов как лжеце и родне вечно лгущих демонов.

А.А. Липинская (СПб.) в докладе «“Привидение? Нет ничего проще!” Пародийная готика раннего А. Конан Дойла» на примере новеллы «Привидение на выбор» (“*Selecting a Ghost*”, 1883) также обратилась к теме литературной игры повествователя, обнаруживающей рефлексии над условностью конкретных литературных приемов. В результате получилось не только спародировать жанр “ghost story”, но и «диагностировать» восприятие его современниками некоторых устоявшихся формул литературной готики.

Связь лжи в литературе с категорией жанра оказалось в центре внимания *Н.Ю. Грыкаловой* (СПб.). В докладе «Факт и фикция: стратегии манипуляции с реальностью в мемуарном жанре (на примере очерка Г.В. Иванова “Блок”）」 она показала, как доминирование вымысла превращает документальный по своему происхождению жанр в квазимемуарное (=недокументальное) повествование, а признание иллюзивной природы литературы расширяет возможности адекватного отражения действительности средствами искусства.

А.А. Никодимова (Тверь) в докладе «Сказка — ложь? Модусы обмана в сказке 1830-х — 1840-х годов» обратилась к жанру, казалось бы, традиционно репрезентирующему ложь. Сосредоточившись на стихотворной

и прозаической авторской сказке периода ее формирования, докладчица попыталась показать границу между ложью и вымыслом, рассмотрев, как в текстах вводится тема «лжи» и создается представление об обмане, в каком контексте авторы и герои его интерпретируют.

Тема оценки лжи через эволюцию мотива разоблачения привлекла внимание *О.В. Астафьевой* (СПб.), которая в докладе «“Ну! Ну! Ну! Ну! Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!”: ложь и лгуны в детской литературе» проследила, как в произведениях для детей развивались модели обличения лжи взрослыми или детьми в зависимости от идеологии эпохи. Впечатляющая широта материала (от XVIII в. до второй половины XX) вызвала вопросы слушателей о правомерности выделения в данном случае какой-то одной тенденции.

А.В. Архангельская (Москва) сосредоточилась на образе обманщика, избрав в качестве материала конкретный жанр: русские стихотворные фации XVIII в. В них образ хитроумного обманщика то становится предметом искреннего авторского восхищения (простодушно обманутый выступает в таком случае заведомым глупцом), то объектом насмешки и осуждения. Автор доклада связал неоднозначность трактовки образа лгуна со спецификой переходной эпохи.

В современной литературе, как показала *Э. Тышковская-Каспшак* (Вроцлав), обманы героев тоже оцениваются по-разному. Рассмотрев образы переводчиков в романах М. Гиголашвили «Толмач» и М. Шишкина «Венерин волос», исследовательница увидела связь между биографиями авторов и отношением их героев ко лжи беженцев, стремящихся попасть в «рай» другой страны. Название доклада польского ученого отсылало слушателей к особенностям современного социального устройства: «Ложь как товар — оправдание и отрицание».

Сюжетную продуктивность мотива обмана показала *Н.Л. Дмитриева* (СПб.) в докладе «История любви, обмана и самообмана в романе Марселя Паньоля “Вода холмов”». Детальный анализ фабулы романа обнаружил вариативность этого мотива и совершенную неотменимость лжи в человеческом существовании.

Своеобразное подтверждение этой мысли прозвучало в докладе *Л.А. Борботько* (Москва) «У обмана глаза велики: референтность и автореферентность дискурса лжи»: было показано, как сознательно организованная ложь становится социальной нормой в сегодняшней общественной и личной жизни. Материалом сообщения послужили книжная и театральная версии «Загадочного ночного убийства собаки» М. Хэддона.

Осмысление особой разновидности лжи — «во спасение» — было представлено в докладе *о. Владимира (Шувалова)* (Тверь) «“Ложь во благо” и ее реабилитация». На материале современной православной публицистики и традиционных текстов Предания докладчик предложил своеобразную типологию «благой лжи», связав ее с понятиями самообмана, клеветы и умолчания.

Концепции лжи в русской философской мысли анализировались *А.И. Резниченко* (Москва). В докладе «Пространство лжи — или “отече-

ство иллюзий”: онтологический статус лжи/иллюзии/деформации в русской философской традиции» она обратилась к топологии лжи в трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и С.Н. Дурьлина, предпочитавших, как известно, искать истину, и показала, какое место в их онтологиях ада занимает ложь, вторгающаяся в пространство истины, и какую функцию она выполняет.

И.Б. Сазеева (Мытищи) построила свой доклад «“Ложное” vs “правильное”»: поэзия в защиту человека (“Ложный трактат об эстетике” Б. Фондана)» на сравнении позиций Б. Фондана, Р. Кайуа и П. Валери.

В контексте идей Ж. Бодрийера *А.В. Верле* (Псков) развил тему лжи не только как стратегии поведения, но и как обмана истолкования, говоря о соблазнительности знака, ложное толкование которого приводит к его истинному значению. Доклад «Из Самарканда через Самарру в страну Луз» был сделан как комментарий к фрагменту главы «Смерть в Самарканде» из «Соблазна» (*De la séduction*, 1979) Бодрийера, сюжет которого восходит к притче из древних еврейских и арабских источников.

Лингвистический аспект лжи освещался на конференции *О.Е. Фроловой* (Москва) в докладе «О прагматике лжи». Исследовательница сосредоточилась на анализе «иллокутивного самоубийства» (З. Вендлер), когда не всякое речевое действие может быть выражено глагольным предикатом. На материале Национального корпуса русского языка она рассмотрела употребление глагола «врать». Особое внимание было уделено конструкциям с этим глаголом в форме первого лица единственного числа («я вру»), которые описывают только один неконфликтогенный случай самоисправления; большинство же употреблений, напротив, показывают конфликт между говорящим и адресатом (внешний) или конфликт говорящего с самим собой (внутренний).

К радости организаторов, материалом рассмотрения лжи оказалась и культура глубокого прошлого. Кроме уже упомянутых докладов о произведении средневековой латинской литературы и русского XVIII в., на конференции прозвучало сообщение *О.А. Кузнецовой* (Москва) «Змея и завиток: “разврат” в русской книжности XVII века». Автор коснулся соединения разных представлений о правде и лжи, искренности и неискренности, хитрости и простоты на страницах рукописных сборников XVII в. Названные оппозиции трансформировались в период смены парадигм — от средневековой к барочной; новые интерпретации получил и образ змея: от эмблемы мудрости и коварства к метафоре художественной изощренности, ловкости и красоты.

Иное значение обмана в культуре — как развлечения, веселья и игры — показала *А.Ф. Некрылова* (СПб., «Веселые обманки русской ярмарочно-площадной культуры»). Во-первых, она осветила способы обмана зрительских ожиданий на ярмарочных увеселениях: несоответствие рекламы балаганных представлений и их содержания; обещание определенных сюжетов в рашной панораме и комическое обыгрывание изображений, реально имеющих на ленте панорамы; картинки-обманки и другие «завлекательные» уловки. Во-вторых, остановилась на

отношении публики к подобным развлечениям, указав на ее готовность и желание быть остроумно и весело обманутой.

На конференции был представлен барон Мюнхгаузен как главный обманщик: и в виде портрета на программке, и как персонаж пьесы. *С.В. Денисенко* (СПб.) в сообщении «Барон Мюнхгаузен на русской сцене: “Красный кабачок” Ю. Беляева — Вс. Мейерхольда — А. Головина — М. Кузмина (1911)» рассказал о материалах к спектаклю Мейерхольда, где прекрасный вун — весельчак барон погружается в подвальную (в прямом смысле — действие происходит в подвале трактира) атмосферу декаданса. Участники конференции имели возможность прочувствовать ее, услышав пьесы М. Кузмина в исполнении А. Калинина.

С анализом «лжи» в русской классической музыке выступил *С.В. Фролов* (СПб.). Кроме концепций «правды» и «лжи» в музыке у классиков, докладчик рассмотрел «ложь» как прием повышенной выразительности в операх Глинки, Мусоргского и Чайковского. Слушатели были особенно благодарны докладчику, услышав, как технологическая музыкальная «ложь» использовалась композиторами для выражения отношения к социальной или идеологической ситуации; доклад сопровождался иллюстрациями из «Здравицы» (1939) Прокофьева и «Увертюры на русские и киргизские народные темы» (1963) Шостаковича.

Ряд докладов был посвящен различным мистификациям, мифам и обманам в биографиях художников. Так, *А.М. Грачева* (СПб.) в докладе «Литературные мистификации Алексея Ремизова 1940-х годов» остановилась на одном удачном розыгрыше писателя, которому поддались и его биографы, и позднейшие исследователи. Во время доклада публика заворуженно следила за перипетиями этого предпринятого ученым детективного расследования, оценивая изощренность розыгрышей Ремизова и простодушие его адресатов и почитателей.

О сложном сочетании обманов и самообманов в литературной маске Н.А. Лухмановой, созданной ею с терапевтической целью создать альтернативную историю собственной судьбы, говорила *Т.В. Левицкая* (Москва) в докладе «“Перемена участи”: биография Н.А. Лухмановой и автомиф в ее творчестве». Как показала *Е.Е. Полоцкая* (Екатеринбург), «советский культурный герой П.И. Чайковский» — это в большой степени результат «фальсификаций» как биографии, так и музыки великого композитора, который в советское время должен был стать примером «всенародного гения».

Е.В. Зименко (Москва) рассказала о том, какую роль сыграл обман в истории создания «историко-архитектурного заповедника имени русского художника Андрея Рублева». Во время ее сообщения «Свидетельство художника-дилетанта о “благонамеренной фальсификации” Петра Барановского» участники конференции увидели серию карандашных портретных зарисовок, сделанных во время объединенного заседания секций живописи и архитектуры Института искусствознания АН СССР 11 февраля 1947 г., после которого 10 декабря 1947 г. был издан указ Сталина, фактически сохранивший Андроников монастырь.

Обман как своеобразный способ сопротивления советской идеологии стал темой доклада *Т.П. Христюловой* (СПб.) «“Я сжульничал!”: Эзопов язык в творчестве К.С. Петрова-Водкина». На примере нескольких работ художника автор доклада показала противоречия между предложенной самим художником официальной трактовкой сюжетов картин и их символическим содержанием.

Знакам «идеологической лжи» в работах С.Н. Дурьлина разных периодов был посвящен и доклад *И.В. Мотеюнайте* (Псков) «“Ложь” литературной критики и “правда” истории литературы (наблюдения над работой С.Н. Дурьлина)». Она рассмотрела научный и критический дискурсы в наследии Дурьлина и показала, как идеи его ранних работ впоследствии уходят в подтекст, а на первый план выдвигаются факты биографии писателя и его поэтики. Такая «научная правда» в эпоху советского диктата противостоит в дискурсе о литературе «критической лжи».

Для *Е.Ю. Калинин* (СПб.) великий испанский роман стал материалом для разговора о развитии юридической психологии (доклад «Самобман как фактор формирования правосознания на примере романа М. де Сервантеса “Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский”»).

Организаторы конференций «Неканоническая эстетика» стремятся отражать исследуемую категорию не только в оформлении сборников и программ; участникам предоставляется возможность прочувствовать тему в перерывах между заседаниями. На этот раз демонстрировались фрагменты фильмов: «Праздник святого Иоргена» (реж. Яков Протазанов, 1930), «Пиноккио» (реж. Луиджи Коменчини, 1972); фрагменты видео из комических опер Моцарта, Россини и Верди, связанные с мотивом обмана и переодевания. В рамках конференции в выставочном зале Литературного музея проходила выставка «Спектакль “Красный кабачок” (1911)», на которой демонстрировались автографы Ю. Беляева, Мейерхольда, ноты М. Кузмина, эскизы А. Головина из архива Рукописного отдела ИРЛИ и фондов библиотеки Пушкинского Дома.

Irena Moteyunaite

**PROCEEDINGS OF THE SCIENTIFIC CONFERENCE
‘ALL DECEPTIONS OF THE WORLD:
A LIE IN LITERATURE AND ART’**

*Pskov State University
2 Lenin Sq., Pskov, 180000*

The article summarizes the scientific reports made at the interdisciplinary scientific conference ‘All deceptions of the world: Lies in literature and art’, which was held in the framework of the project “Non-canonical aesthetics”, launched in 2014 jointly by the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS, PskovSU

and TverSU. Philologists, philosophers, folklorists, linguists and art historians spoke at the conference. The concepts of lies/deception/illusions in literature and art were discussed; methods and techniques for modeling, describing and evaluating “lies” at the level of plots, images and motives. Special attention was paid to the concepts of “false” in the texts of culture, historical and cultural contexts of “lies” and the pragmatics of deception in sign systems.

Key words: aesthetics; literary studies; linguistics; art history; literary history; cultural history.

About the author: *Iлона Moteyunaite* — Prof. Dr. Department of Literature, Pskov State University (e-mail: ilona_motya@mail.ru).

А.В. Швец

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРА: ДИАЛОГ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье дается подробное описание заседания Всероссийского круглого стола «Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействия», который проходил с 16 по 17 мая 2019 г. в Российском государственном гуманитарном университете. В заседании стола приняли участие докладчики из нескольких городов (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород) и разных вузов (РГГУ, МГУ, НИУ ВШЭ, ГИИ, Нижегородская ГСХА, СПбГИК, ЛИ им. Горького). Среди докладчиков были искусствоведы, филологи, социологи, культурологи, так что работа велась на стыке дисциплин. Автор утверждает, что визуальное и вербальное нельзя рассматривать эссенциалистски — как искусство пространственное и темпоральное соответственно. Напротив, структурообразующие принципы и визуального, и вербального искусств контекстуально изменчивы и не могут быть объяснены, исходя из эссенциалистских моделей. Более востребованным здесь кажется прагматический подход, основанный на социальном конструктивизме, учитывающий историческую пластичность и изменчивость актуализации и вербального, и визуального модусов. В итоге искусство слова нередко заимствует структурные принципы из области визуальных искусств, а визуальный образ вбирает в себя текстуальные механизмы, не говоря о тех случаях, когда слово и изображение работают вместе в рамках трансмедийных проектов. Доклады, сделанные в рамках круглого стола, вывели в сферу обсуждения широкий перечень проблем. В частности, обсуждались такие проблемы, как становление иконологического словаря и словаря словесных тропов в рамках определенной культурной традиции, адаптации словесной текста иллюстрацией, параллельная визуальная и вербальная репрезентация идейного феномена, инкорпорирование визуальных элементов в словесный текст.

Ключевые слова: вербальное и визуальное; визуальная антропология; вербо-визуальные эксперименты.

Межвузовский круглый стол «Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействия» был посвящен широкой проблематике со-

---

Швец Анна Валерьевна — аспирант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ananke2009@mail.ru).

отношения визуального и вербального модуса коммуникации в изменчивом культурно-историческом контексте. В работе круглого стола приняли участие коллеги из разных российских вузов (РГГУ, МГУ, НИУ ВШЭ, ГИИ, СПбГИК, ЛИ им. Горького, Нижегородская ГСХА) и разных городов (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород).

Исторически чтение отграничивалось от рассматривания, а текст вербальный — от зримого изображения. Четкое разграничение, сформулированное еще Лессингом, состояло в том, что словесное произведение — линейная последовательность знаков, которая разворачивается во времени, а изобразительное произведение — нелинейно созерцаемый пространственный феномен. Эту концепцию поставили под вопрос как эссенциалистскую более поздние мыслители — в частности, Нельсон Гудмэн, Уильям Дж. Митчелл, предложившие конструкционистски-релятивизирующий подход. Сейчас мы скорее считаем, что вербальный, и иконический тексты могут читаться/рассматриваться линейно и нелинейно, темпорально и пространственно, — разница в предполагаемой степени соотношения между двумя полюсами, которая задаётся специфическим характером конкретного эстетического объекта и окружающей его коммуникативной ситуации.

Словесное и изобразительное как модусы экспрессии нередко взаимодействуют структурообразующими принципами, сходятся вместе в гибридных произведениях, поверяют друг друга в акте трансмедийного перевода. Черпая структурные порядки из сферы визуального и соприкасаясь с ней, искусство слова открывает и обживает собственные рубежи, экспансивно распространяется в область потенциальной коллаборации между искусствами или в сферу культурной адаптации слова иными техниками. И наоборот, визуальное может инфинитивизироваться структурообразующими принципами словесного искусства, выходя за рамки изображения в область трансмедийного нарратива.

В центр обсуждения на круглом столе был вынесен именно этот продуктивный взаимообмен и творческое взаимоотношение между искусством литературы и визуальными медиа — в широком диапазоне эстетико-коммуникативных ситуаций и конфигураций. Первый день заседаний, 16 мая 2019 г., открывался пленарным докладом *Людмилы Лиманской* (РГГУ) «Семиотика тела и язык искусства: опыт иконологической интерпретации соцреализма и соц-арта». Опираясь на подход Э. Панофски и А. Варбурга, докладчик обратилась к тому, как исторически конкретный опыт, выраженный в психо-мимическом телесном переживании, переводится в систему читаемых иконических знаков и знаковых формул, в устойчивый репертуар изобразительных средств. Обсуждая процесс перевода переживания в визуальную форму при помощи сцепки «опыт — мимическое выражение — конвенциональный иконический знак», докладчица заземлила эту конструкцию на понятии идеологии, трактуя идеологию как систему означивания действительности (вослед линии, идущей от бахтинского кружка и от интерпретации идеологии Р. Бартом и Л. Альтюссером). Опираясь на эту теоретическую рамку, Лиманская предложила аналитический обзор эволюции словаря визуальных тропов от раннего соцреализма 1930-х

годов до соц-арта 1980–1990-х, показывая, как постепенно эпическая модальность изображения сменяется ироническим остранением и двойным кодированием позднего СССР.

Последующая за докладом секция «Текст и его визуальная адаптация: культурные практики» была сосредоточена на практиках перевода текстов в визуальное измерение — таких, как иллюстрированное сопровождение словесного ряда, параллельное словесное и визуальное осмысление одного и того же идейно-эстетического феномена. В докладе *Дмитрия Лебедева* (ГИИ/музей «Ар Деко») «Шекспир глазами иллюстраторов эдвардианской эпохи» слушателям предложен аналитический обзор иллюстраций Шекспира в подарочных книжных изданиях, которые оформляли такие художники, как А. Рэкхем, Э. Дюлак, братья Ч. Робинсон и У.Х. Робинсон. Докладчик продемонстрировал, как при адаптации текста Шекспира в иллюстрации художники полагаются на ряд уже существующих изобразительных моделей: ар-нуво, японскую гравюру эпохи Эдо, маньеризм. В рамках этих моделей обозначаются специфические черты идиостиля каждого художника (например, использование линии у Рэкхема и полутонов цвета у Дюлака). При этом в творчестве всех художников обозначаются общие магистральные тенденции: перенос действия пьесы либо в шекспировскую эпоху, либо в историческое место действия пьесы, театрализация изображенной на иллюстрации сцены.

В докладе *Юлианы Михайловой* (СПбГИК) был осуществлен переход к иному кейсу — иллюстрациям к трактату Р. Вуда «Руины Пальмиры». Контекстуализируя деятельность иллюстратора Вуда, Джованни Баттисто Борра, а также писательские практики самого Вуда, Михайлова представила обзор воззрений общества дилетантов и реконструировала зарождение археологической практики в современном смысле слова в контексте любительских занятий искусством эпохи Просвещения. Она также указала, что визуальная репрезентация археологической практики во многом отличалась от осуществления археологических раскопок в действительности, поскольку направлялась изобразительными конвенциями придворного искусства.

Марина Козлова (РГГУ/ЛИ им. Горького) обратилась к иному разрезу проблематики, рассматривая, как феномен маски реализуется в стихотворениях Ш. Бодлера и изобразительном творчестве Дж. Энсора. Она рассмотрела общие для обоих авторов «точки сборки», а именно новеллы Э. По, скульптуры Э. Кристофа, контакты с Э. Верхарном и Э. Пикаром. Обрисовав сеть художественных контактов, определив общий интертекстуальный горизонт, автор вывела инвариант образа маски и показала его вариативные трактовки в творчестве французского поэта и бельгийского художника. К сходному материалу обратилась *Елена Долгих* (РГГУ), рассматривая украшенные цитатами из стихов вазы Эмиля Галле и демонстрируя, как литературный текст драматизируется и динамизируется пластической формой стеклянного артефакта.

Доклад *Ольги Вайнштейн* (РГГУ) «Костюм для благовоспитанных мальчиков: “Маленький лорд Фаунтлерой” и детская мода» был снова сосредоточен на отношениях между текстом и иллюстрацией, однако в это уравнение был введен третий компонент — рецепция иллюстраций

к художественному тексту как источников детской моды. Она продемонстрировала, как оригинальные иллюстрации к роману опирались на декадентские тенденции, прочертив параллель между костюмом маленького лорда и костюмом для выступлений Оскара Уайлда. Затем докладчик проследила изменения в рецепции костюма, показав, как со временем костюм лорда Фаунтлероя стал знаком благовоспитанности, саммиссивного поведения («маменькин сынок»), декорума.

Елена Кирюхина (Нижегородская ГСХА) продолжила работать в направлении сравнения литературного текста и его иллюстрации, обратившись к корпусу иллюстраций к стихотворению Альфреда Теннисона «Волшебница Шалот». Она показала, как иллюстрации фокусируются на каком-то одном аспекте текста, зачастую упуская повествовательную динамику, которая моделируется поэмой. *Дмитрий Кирюхин* (Нижегородская ГСХА) представил доклад «“В окопах под Оршей”»: Оршанская наступательная операция 1943 г. в литературном и художественном творчестве Р.С. Гражданинова», где также проблематизировался разрыв между визуальной и вербальной репрезентацией конкретного исторического явления. выступающий также сделал упор на том, что словесный текст-воспоминание более непосредственно фиксирует динамику процесса, давая читателю опыт пребывания на поле боевых действий, в то время как визуальное изображение фиксирует «следы» события, но не обеспечивает доступа к нему на уровне темпорального переживания «здесь и сейчас».

В докладе *Ирины Захарченко* (РГГУ) «Изображение и текст в “Воображаемом музее”»: к предыстории концепции А. Мальро» фокус обсуждения был перенесен на проблему репрезентации артефакта искусства в массово воспроизводимом книжном продукте — серии альбомов. Докладчик акцентировала «утрату подлинности» и «деконтекстуализацию» произведения искусства и показала, как потеря беньяминовской «ауры» компенсируется бытованием репродукции в новом смыслопорождающем контексте, возникновением новых значений. В случае Мальро такой контекст создается в первую очередь словесным рядом, который обрамляет визуальное произведение и вписывает его в определенный нарратив.

Работа следующей секции «Иконография и текст в культуре» открылась двумя докладами, рассматривающими взаимодействие между вербальным и визуальным модусами в эпоху Средневековья. *Валентин Чёрный* (РГГУ), выступивший с докладом «Древняя Русь: от слова к визуальному образу», очертил магистральные тенденции развития двух модусов — от сотрудничества к относительной автономности. Если на заре христианской культуры слово и изображение нуждались друг в друге, так как зримое восполняло «недостаток наглядности» текста, а словесное конкретизировало обобщенные образы, на протяжении времени эта ситуация изменилась. По мере того, как язык искусства разрабатывал собственные повествовательные механизмы и обретал большую детализацию на уровне предметно-пространственной среды и конкретных реалий, изображение эмансипировалось от текста. На сходной проблематике сосредоточилась *Елена Хрипкова* (РГГУ), чей доклад «Иконографическая программа церкви св. Марии и св. Климента:

подходы к интерпретации» отсылал к уникальной программе росписи двух храмов. Докладчик пришла к тем же выводам, что и Чёрный, хоть и на западноевропейском материале.

Марина Пивень (РГГУ) в докладе «Образы новелл Боккаччо в декоративной живописи Италии к. XIV–XV в.» обратилась к смежному историческому контексту — эпохе Ренессанса, рассматривая, как динамика сюжета новелл «Декамерона» осмысливается средствами прикладной живописи — росписи на сундуках. Она показала, как осевые сюжетные элементы воспроизводятся при помощи репертуара изобразительных приемов, акцентирующих определенные части сундука как объекта. *Александра Авдеева* (РГГУ) в докладе «Визуальный нарратив и новая эстетика эпохи Эдо» сместила акцент, предложив рассмотреть влияние европейского (голландского) искусства на изобразительную эстетику эпохи Эдо. Авдеева деконструировала миф о Хокусаяе как о выразителе японского мировоззрения и продемонстрировала, как он усвоил изобразительные практики европейского искусства и фактически был самым «неяпонским» художником.

Елена Баторова (РГГУ) продолжила заданный тренд и предложила кейс из другой неевропейской культуры, выступив с докладом «Вербальное и визуально-образное в бурятском эпосе “Гэсэр”»: репрезентация вещи». Баторова продемонстрировала, как воплощение коллективного мышления в эпосе преломляется индивидуализированной репрезентацией конкретных иллюстраторов, сосредоточившись на образах вещей в эпосе «Гэсэр». Завершающий секцию доклад *Элины Швеиц* (РГГУ) «Ироническое остранение как инструмент создания образа в экспедиционной зарисовке (на материале графики полярных экспедиций Ф. Решетникова)» был сфокусирован на проблематике документалистской визуальной репрезентации. Работая с графическими зарисовками Решетникова, докладчик показала, как документальная репрезентация на деле исполняется художником с позиции остранения, так что между изображенным и изображающим всегда присутствует ироническая дистанция и картина оказывается окрашена субъективным отношением автора, вопреки примату «объективности».

Следующая секция «Текст и зримый образ: способы сопряжения», которая состоялась 17 мая, выводила в сферу обсуждения в основном литературные эксперименты и текстуальные объекты, осваивающие и инкорпорирующие визуальные элементы. *Анастасия Гладошук* (независимый исследователь) в докладе «Визуальные эксперименты мексиканского авангарда» сосредоточилась на идеограммах и идеографической поэзии мексиканских авангардистов Х.Х. Таблады и его продолжателей эстридентистов Г.Д. Мендеса и П. Эчеверриа. Гладошук прочертила трансатлантические европейские связи между Аполлинером и мексиканскими поэтами, показав, как происходила рецепция «Каллиграм» и какому переосмыслению подверглась заданная Аполлинером модель. *Анна Швеиц* (МГУ) продолжила заданный тематический тренд и обратилась к сопоставлению творчества М. де Зайаса (который был другом Таблады) и В. Каменского, наметив ряд общих структурно-типологических параллелей между ними. *Галина Зыкова* (МГУ) предпочла обратиться в докладе к второй волне авангарда в докладе «Эстетика самодельных

книжек Николая Глазкова», предложив обзор корпуса самодельных и самиздатовских работ Глазкова — рукописные блокнотики, книжки с обложками-коллажами, тексты «на случай», самодельные книги. Она показала, как посредством этих материальных текстов Глазков конструировал свою поэтическую персону, создавал определенный «имидж». *Александра Баженова-Сорокина* (НИУ ВШЭ) выбрала сходный кейс — авторские комиксы, рассмотрев их в докладе «Цвет и композиция как аспекты повествования в комиксах Пако Роки». Докладчица опровергла идею об анарративности изображения в комиксе, убедительно доказав, как изображение внутри комикса становится повествовательным за счет использования медиа-конститутивных для изображения средств, вроде цвета или построения изображения.

Екатерина Калинина (МГУ) обратилась к специфике трансмедийного письма в докладе «Фотография в романе: эксперимент Ж. Роденбаха и его судьба в европейской литературе XX века». Калинина проанализировала контрапункт между текстом и изображением в романе «Мертвый Брюгге», показав, как текст и фотография не аналогичным образом моделируют художественный эффект, выгодно дополняя друг друга своими экспрессивными возможностями. *Андрей Андреев* (НИУ ВШЭ) в докладе «Последовательность фотографий: исследование события и фотокнига» также обратился к проблеме неэквивалентности текста и фотографии, показав, как социологическое описание зачастую редуцирует фотографию и предложив способы выхода из этой ситуации, опираясь на междисциплинарные подходы. В итоге докладчиком был предложен проект нового социологического описания, в котором фотография играет роль познавательного инструмента.

Подводя итог заседаниям круглого стола, можно резюмировать, что в поле обсуждения было несколько магистральных линий: освоение текста изображением и изображения — текстом, а также — нетождественность одного модуса другому и частичная взаимонепереводимость. Тем не менее определенного рода переводимость и конвергентность наблюдалась, если не в сфере вербального и визуального, то в области методологических подходов и аналитических оптик, что не может не велять оптимизма.

Anna Shvets

VISUAL ARTS AND LITERATURE: DIALOGUE AND INTERACTION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article talks about the round table on ‘Visual Arts and Literature: Dialogue and Interaction’, held on May 16–17, 2019 at the Russian State University for the Humanities. It gathered researchers from Moscow, Saint-Petersburg, Nizhny

Novgorod, and other Russian cities, and was truly interdisciplinary. Visual and verbal cannot be treated essentialistically as spatial or temporal. Structural principles of verbal and visual arts are context dependent. A pragmatic approach predicated upon social constructivism appears to be a more viable alternative since it takes into account historic fluidity, malleability of the realizations of verbal and visual modes. As a result, verbal art often borrows signifying models from visual arts, and visual image incorporates textual frames, let alone the cases in which the word and the image collaborate within a transmedia project. The papers presented at the round table discussed a wide spectrum of issues, such as the evolution of iconological and verbal vocabulary of tropes within a cultural tradition, the adaptation of a text through an illustration, parallel verbal and visual representation of an idea, the incorporation of visual elements into a text.

Key words: verbal and visual; visual anthropology; verbal-visual experiments.

About the author: *Anna Shvets* — PhD, Discourse and Communication Studies Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ananke2009@mail.ru).

К.Р. Ибрагимова

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБРАЗЫ ЛЕОНАРДО: ХУДОЖНИК И КУЛЬТУРА
(к 500-летию со дня смерти Леонардо да Винчи)»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В обзоре освещается международная научная конференция кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ «Образы Леонардо: Художник и культура (к 500-летию со дня смерти Леонардо да Винчи)». Докладчики рассмотрели широкий круг вопросов: художественное и литературное творчество Леонардо, философские и художественные его искания, рецепция творчества Леонардо, образ Леонардо в литературе и искусстве.

Ключевые слова: конференция; Леонардо да Винчи; история литературы; история искусства; Ренессанс; философия творчества.

20 ноября 2019 г. на филологическом факультете состоялась Международная однодневная конференция кафедры истории зарубежной литературы «Образы Леонардо: художник и культура (к 500-летию со дня смерти Леонардо да Винчи)». В центре внимания оказалось как рассмотрение граней творчества самого Леонардо, так и обсуждение его влияния на творцов более поздних эпох, а также изучение образа Леонардо в литературе. Среди именитых докладчиков конференции были ученые, художники, писатели и философы.

После приветственного слова организатора конференции профессора *В.М. Толмачёва*, конференция открылась докладом *В.Б. Микушевича* «Визуальный миф Леонардо да Винчи», посвященном проблеме видимого и невидимого (т.е. воображаемого) в изобразительном искусстве. Сущность визуального мифа художника — «творческого восполнения бытия», по определению В.Б. Микушевича, — всегда связана с достраиванием действительности, обращением к тому, что не изображено в произведении искусства, но имплицитно в нем присутствует. Сравнивая визуальные мифы Микеланджело и Леонардо, докладчик разграничил их подходы к запечатлению бытия: если первый стремится извлечь образ

Ибрагимова Карина Рашитовна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: agitato72@mail.ru).

из неоформленной, безобразной материи, то последний тяготеет к воспроизведению материи, пристальному вглядыванию в нее и узнаванию подлинного образа: «для Леонардо человек — и так слепок мира, и задача художника — лишь вглядеться в него, чтобы запечатлеть». Леонардо избирает не видение, а видение, прозрению предпочитает зрение. Таким образом, живопись Леонардо проповедует совершенную видимость, заключающую в себе тоску по умозрению.

Об одном из приемов, с помощью которого создается видимость в живописи Леонардо, рассказал *Максим Кантор*, вышедший на связь с аудиторией по скайпу. В докладе «Леонардо да Винчи: Принцип сфумато» он дал свое толкование некоторых образов картин Леонардо («Дама с горностаем», «Иоанн Креститель», «Джоконда»), а также проанализировал принцип сфумато как с технической, так и с содержательной стороны. Рассматривая сфумато в первую очередь как движение к цвету и от цвета в мире, не имеющем теней, докладчик сделал вывод, что основным понятием оказывается не цвет, а свет. Отсутствие границы между тенью и светом уравнивает все объекты на картинах Леонардо, делает всё изображаемое некоей констатацией факта их наличия, «принимает весь мир целиком, как принимает мир только Бог». Живопись Леонардо оказывается рациональным изучением бытия.

Был показан видеofilm, посвященный жизни и творчеству Леонардо (автор *А.Д. Маглий*). Видеоряд был представлен фотографиями значимых для художника мест и его картинами, сопровождающимися комментарием и краткой интерпретацией.

К литературному наследию Леонардо обратилась *Е.В. Фейгина* («Притчево-аллегорическое начало в новеллах Леонардо да Винчи»): материалом исследования стали новеллы Леонардо, созданные в последние годы жизни. Героями этих новелл становятся как одушевленные, так и неодушевленные объекты, одушевляющиеся в ходе повествования: животные, камни, стихии. Впрочем, аллегоризм не сближает новеллы Леонардо с баснями: новеллы лишены дидактизма, а изображаемые в них предметы остаются самими собой, а не оказываются аналогами людей и их свойств. Новеллы Леонардо, по мысли *Е.В. Фейгиной*, — это попытка изучения мира, более пристальное всматривание в те объекты, которые творец запечатлевает посредством живописи.

Образ Леонардо как феномен поп-культуры был представлен в докладе *Н.Т. Пахсарьян* «Леонардо да Винчи — персонаж современной французской прозы». На материале французских романов первого десятилетия XXI в. (*Ф. Серез*, *Тоскано*, *П. Жюссо*, *М. Селье*) докладчик рассмотрела, как трансформировалась биография, став основой популярного повествования. В некоторых случаях основой для тривиализации образа Леонардо — вероятно, под влиянием «Кода да Винчи» *Д. Брауна*, — становится обрисовка его жизни как некоей загадки. *Н.Т. Пахсарьян* обратила внимание на то, что многие из подобных произведений предназначены для детей и подростков и обращаются

не только к перипетиям жизни не только Леонардо, но и его близких. Венчает эту линию роман-комикс Е. Лин-Соль и Б. Бертена «Путеводитель, или Секрет Леонардо да Винчи».

Многие докладчики обращались к роли Леонардо в творчестве русских художников и поэтов. О художнике Анатолии Звереве, считавшем себя учеником Леонардо, рассказал *Н.В. Котрелёв*. Указав на то, что прямое сопоставление манер Леонардо и Зверева практически невозможно, он уделил особое внимание тому, что Зверев читал трактаты Леонардо, отзывался о них с подлинным восхищением и полагал, что в искусстве следует его путем. Доклад *И.Н. Лагутиной* «Философия — это живопись» был посвящен рецепции творчества Леонардо в истории становления самосознания Андрея Белого; особое внимание было уделено гностическим идеям и реминисценциям.

Выступление *А.Ю. Зиновьевой* «Марина Цветаева и Леонардо да Винчи» было посвящено образу художника, поэта и философа непосредственно в цветаевском творчестве, а также в целом в культуре Серебряного века и традиции символизма. Предметом анализа стали автобиографическая и дневниковая проза, записные книжки, письма, стихотворения М.И. Цветаевой. Особое внимание А.Ю. Зиновьева уделила цветаевскому стихотворному циклу «Ученик», рассматривая фигуру учителя в нем как образ Леонардо. Леонардо В. Иванова, К. Бальмонта и в особенности Д.С. Мережковского и С.М. Волконского были актуализированы Цветаевой в зрелом творчестве 1920—1930-х годов, так что в итоге Леонардо предстает в цветаевской передаче чистым гением познания и учителем в поэзии.

Завершил конференцию доклад *В.М. Толмачёва*, рассмотревшего символизм в системе творчества Леонардо да Винчи в контексте рукописного наследия Леонардо, а также идейных источников леонардовского творчества. Центральное место в докладе занимал анализ «Тайной Вечери», рассуждая о которой, докладчик обратился к особенностям перспективы, роли пространства в пространстве, арифметическому и геометрическому аллегоризму фрески, включающей сложные комбинации треугольников, квадратов и шестиугольников. Центром фрески оказывается Христос, однако центр этот не абсолютен, что сближает леонардовского Христа с символом Христа Неизвестного и Вечного Возвращения. Выявляя и интерпретируя расхождение деталей фрески с обстоятельствами Тайной Вечери в Новом Завете, В.М. Толмачёв поставил вопрос о Леонарде-ересиархе.

Различные подходы к изучению граней творчества Леонардо, которые были представлены на конференции, способствовало живой дискуссии и углубленному анализу отдельных феноменов мировой культуры. Интеллектуально насыщенная и дружелюбная атмосфера конференции в полной мере дала возможность развернуться плодотворным обсуждениям и позволила поставить ряд новых вопросов для дальнейшей совместной работы ее участников.

Karina Ibragimova

**‘IMAGES OF LEONARDO: ARTIST AND CULTURE
(International Conference on the 500th Anniversary
of Leonardo da Vinci’s Death)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This review discusses the Russian international conference ‘Images of Leonardo: Artist and Culture (on the 500th anniversary of Leonardo da Vinci’s death)’ held at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The speakers examined a wide range of issues, including Leonardo’s artistic and literary masterpieces, Leonardo’s philosophy, the reception of Leonardo’s work, and the image of Leonardo in literature and art.

Key words: conference; Leonardo da Vinci; history of literature; art history; Renaissance; philosophy of creativity.

About the author: *Karina Ibragimova* — PhD Student, Department of the History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: agitato72@mail.ru).

О.С. Бердяева

**МУСАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2019:
ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого»
173003, Великий Новгород, Большая Санкт-Петербургская ул., 41*

В статье излагается содержание научных докладов, прозвучавших на 7-х Международных Мусатовских чтениях, организованных кафедрой филологии Гуманитарного института НовГУ. Конференция связана с именем Владимира Васильевича Мусатова (1949–2003), известного исследователя поэзии XX в., автора монографий о творчестве Мандельштама, Ахматовой, учебника для высшей школы «История русской литературы первой половины XX века» (2001). Основная проблема чтений — динамика художественных традиций в русской литературе XIX–XXI вв.

Ключевые слова: литературоведение; традиции; новаторство; жанр; художественная форма; классическая литература; модернизм; поэзия; проза.

В Великом Новгороде 26–27 сентября 2019 г. прошла 7-я Международная научная конференция «Мусатовские чтения — 2019. Художественные традиции в русской литературе XX–XXI веков». Традиционно конференция проходит в конце сентября и собирает в стенах Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого литературоведов ведущих российских и зарубежных вузов. Юбилейные чтения были посвящены памяти рано ушедшего из жизни доктора филологических наук, профессора Владимира Васильевича Мусатова, исследователя поэзии XX в., автора учебника «История русской литературы первой половины XX века (советский период)» (М., 2001) и монографий, посвященных творчеству Мандельштама, Ахматовой и пушкинской традиции в русской поэзии первой половины XX столетия.

География конференции (очных и заочных участников) обширна: Россия, Беларусь, Латвия, Литва, Эстония, Узбекистан, Корея. Россия была представлена учеными из Москвы, Петербурга, Казани, Ростова-на-Дону, Тулы, Великого Новгорода. Было заслушано более тридцати докладов различной тематики. Центральная проблема Мусатовских чтений — изучение динамики художественных традиций в русской литературе XIX–XXI вв. Особое внимание в выступлениях участников

Бердяева Ольга Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии НовГУ имени Ярослава Мудрого (e-mail: bos4@mail.ru).

было уделено поэтам, к творчеству которых обращался в своих исследованиях В.В. Мусатов.

На пленарном заседании были представлены разные жанровые формы выступлений и различные подходы к материалу. *С.И. Кормилов* (МГУ) рассмотрел своеобразие научного подхода Мусатова к творчеству Ахматовой, *Ю.Б. Орлицкий* (РГГУ) говорил о своеобразии стиха Мандельштама, вступая в диалог с Мусатовым, исследовавшим лирику поэта. *Б.Ф. Егоров* (Петербург), связанный с Великим Новгородом на протяжении многих лет, посвятил выступление традиции дневников, обратившись к новгородской теме. *И.Н. Сухих* (СПбГУ, «Интертекст как улика. К эстетической оценке одного стихотворения») рассмотрел историю стихотворения И. Дегена «Мой товарищ, в смертельной агонии...», на оценку которого повлияли «общее мнение» и сложившаяся вокруг стихотворения своеобразная легенда. *Л.Е. Бушканец* (Казанский университет), опираясь на переписку ученых, говорила о явлении литературной провинции в России XIX–XXI вв., когда в каждом университете были яркие фигуры, противостоявшие драматично складывавшимся обстоятельствам («Литературный провинциализм в России: от века XIX к XXI»). *А.Д. Степанов* (СПбГУ) посвятил выступление метаморфозам рецепции Чехова в советский период, когда творчество писателя рассматривалось в связи с социальными задачами эпохи.

На секционных заседаниях рассматривались актуальные проблемы русской прозы и поэзии от XIX в. к XXI. На поэтической секции были представлены интерпретации отдельных стихотворений, поэтических циклов и сборников, анализировалось влияние классической поэзии и поэзии модернизма на художников второй половины XX в. Доклады касались творчества Пушкина (*О.В. Астафьева* «Стихотворение Пушкина “Клеопатра”: биографический контекст и литературная традиция»), Полонского и Блока (*Е.В. Лобанова* «Тема любви в лирике Полонского и Блока»), Блока и Ахматовой (*И.П. Барсэл* «А. Блок — точка отсчета “Поэмы без героя” Анны Ахматовой»), Н.В. Крандиевской (*О.Е. Рубинчик* «“Свет уединенный”. К столетию стихотворного сборника»), Волошина (*М.О. Польшников* «Первая мировая война и ее образы в лирике Волошина: книга стихов “Неопалимая купина”»). *Ли Джонг Хён* (Корея) говорил о переключке новой лирики Пастернака и соцреалистической концепции поэзии; опираясь на понятие «перформативности» лирики, автор в поисках ответа на вопрос о неоднозначном отношении к поэзии Пастернака (то воспринимаемой как эталон советской лирики, то отвергаемой) рассматривал соцреалистическую лирику как динамичное дискурсивное поле. В докладе *Г.А. Амановой* (Ташкент), посвященном творчеству ярославского поэта Константина Васильева, сопоставлялись цветообозначения в традиционной корейской и современной русской поэзии. *А.А. Семина* (МГУ) говорила о традициях символизма и футуризма у Л. Аронсона, поэта, испытавшего влияние Хлебникова, Заболоцкого, Пастернака, у которого сочетаются «установка на звучащее слово и склонность к экспериментам, часто реализующимся графически и рассчитанным на визуальное восприятие текста».

Особенностям жанров и художественному своеобразию прозы были посвящены доклады *А.С. Степановой* (Петербург) о физиологических очерках Булгарина, *А.Л. Семеновой* (Великий Новгород) об автобиографических повестях Горького, *В.В. Шадурского* (Великий Новгород) об очерках Алданова, *С.А. Кибальника* (Петербург) о романе Набокова «The Real Life of Sebastian Knight» как гибридном гипертексте Достоевского. Предметом анализа в выступлениях *Т.В. Ушаковой* (Ростов-на-Дону) стал национальный менталитет в романах Гончарова «Обломов» и «Обрыв», воспринятый через призму сознания современного человека.

В сообщении *Л.И. Шевцовой* и *К.Н. Фадеева* (Витебск) центральной была проблема рецепции личности и творчества Толстого в произведениях Акутагавы. Анализ эпистолярия и публицистики позволил понять, какие противоречия между личностью Толстого и его философией увидел японский прозаик Акутагава. *Е.П. Дерябина* (Нарва) обратилась к проблеме «Чехов и Фет» и в связи с этим исследовала орнитологические мотивы в произведениях Чехова. Доклады *Г.Н. Боевой* (Петербург) и *Л.Я. Глазман* (Витебск) были связаны с трактовкой творчества Л. Андреева в контексте Серебряного века и с осмыслением образа юродивого в русской и белорусской прозе начала XX в. Причины и национальную специфику дискретного развития модернизма в русской и белорусской литературах XX в. на примере жанра повести освещала *Е.В. Крикливец* (Витебск). Вопросы творчества Булгакова в свете традиций классической литературы рассматривались *Н.А. Дождиковой* (Петербург), *О.С. Бердяевой* (Великий Новгород) и *Н.В. Голубович* (Витебск).

Поднимались проблемы традиций и новаторства массовой литературы (*Д.К. Баранов*, Великий Новгород), традиции «новой» русской драмы в современном английском театре (*О.Ф. Сенькова*, Витебск). *А.Д. Семкин* (Петербург) обратился к проблеме речевых масок Довлатова. *Д.К. Баранов*, говоря о романах А. Бушкова, показал, что динамика массовой литературы предстает как история разработки новых вариантов усложнения сходных инвариантных приемов. К творчеству современных писателей были обращены доклады *А.С. Собенникова* (Петербург), рассмотревшего особенности художественного времени в цикле повестей «Годовые кольца» В.М. Костина, писателя из Томска, лауреата премии «Большая книга» и Шукшинской премии. *К.Д. Гордович* (Петербург) проанализировала традицию изображения кардинального поворота судьбы героя в современной прозе на примере романа Е. Водолазкина «Брисбен».

Участники собрания обратили внимание на то, что именных конференций, связанных с крупнейшими учеными прошлого, в России не так уж много, подчеркнули, что такого уровня литературоведческие конференции, посвященные памяти ученых, важны для города, в котором проводятся, и отметили роль Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, который, поддерживает традицию сохранения памяти и тем самым выполняет важнейшую миссию, продолжая формировать то культурное пространство, которое за Великим Новгородом было закреплено веками. Благодаря таким конференциям сохраняются научные и человеческие связи между провинциями и столицами.

Важным событием стало подписание Программы сотрудничества научно-образовательного центра литературоведения НовГУ (руководитель Н.Ф. Иванова) и кафедры литературы Витебского института имени П.М. Машерова (зав. кафедрой Е.В. Крикливец).

По итогам конференции планируется издание сборника.

Olga Berdyayeva

**MUSATOV READINGS 2019:
CONTINUATION OF TRADITION**

*Yaroslav the Wise Novgorod State University,
41 Bolshaya St. Petersburg street, Veliky Novgorod, 173003*

The paper discusses reports delivered at the 7th International Musatov Readings organized by the Department of Philology, Institute for the Humanities, Novgorod State University. The conference was devoted to Vladimir Musatov (1949–2003), a famous researcher of 20th-century poetry. The focus was on the dynamics of literary traditions in Russian literature of the 19th–21st centuries.

Key words: literary studies; traditions; innovation; genre; art form; classical literature; modernism; poetry; prose.

About the author: *Olga Berdyayeva* — Prof. Dr., Department of Philology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod (e-mail: bos4@mail.ru).

ПАМЯТИ ...

Н.К. Онипенко, В.Е. Чумирина

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЗОЛотоВА

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка д. 18/2*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Ушла из жизни Г.А. Золотова (1924–2020), выдающийся лингвист, специалист в области русской грамматики и анализа текста, доктор филологических наук, профессор, до 2013 г. главный научный сотрудник ИРЯ РАН, до 2010 г. профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика; русистика; анализ текста; функциональный синтаксис; синтаксема.

Завершена долгая жизнь Галины Александровны Золотовой, ярко-го ученого и мудрого учителя. Г.А. Золотова — один из самых смелых лингвистов XX в., посвятивший жизнь науке, сохранивший традиции отечественной русистики и создавший новаторскую лингвистическую теорию, человек необычайной силы духа и свободы мысли. Жизнь ее была тесно связана с Московским университетом, филологическим факультетом и кафедрой русского языка.

Галина Александровна Золотова (Ремейко) родилась 4 августа 1924 года в г. Житомире. Отец — Александр Георгиевич Ремейко (Тихомиров), руководитель Группы просвещения и здравоохранения Комиссии Советского Контроля СНК СССР. Мать, София Михайловна, — педиатр. Служебные обязанности отца требовали частых переездов, поэтому семья жила на Украине (где и родилась Галина Александровна), в Сибири, в Курске, Воронеже, в Москве. Московским адресом семьи Ремейко был знаменитый, печально известный Дом на набережной. С 1931 г. Галина Александровна училась в школе № 19, но не смогла ее закончить. В 1937 г. родители были репрессированы: отец

Онипенко Надежда Константиновна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН (e-mail: onipenko_n@mail.ru).

Чумирина Виктория Евгеньевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vchumirina@mail.ru).

расстрелян, а мать сослана в Норильлаг¹. Среднюю школу будущий ученый с отличием закончила в 1942 г. уже в Ростове-на-Дону, где она с младшей сестрой и братом жила в семье их тети Анны Михайловны. В том же году была принята на историко-филологический факультет Ростовского университета. Летом 1942 г. Галина Александровна была эвакуирована в Ташкент, где работала токарем на военном заводе № 702 (пятьдесят лет спустя была награждена медалью «За доблестный труд в ВОВ»), летом 1943 г. вернулась в Ростов. В феврале 1945 г. продолжила учебу в Ростовском университете, а с сентября 1945 г. начала учиться на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, который окончила в 1949 г.

Уже на втором курсе Галина Александровна слушала лекции академика В.В. Виноградова и была постоянной участницей его научных семинаров, на пятом курсе написала под его руководством дипломную работу о прозе Н.М. Карамзина. Ученица получила высокую оценку учителя: по инициативе В.В. Виноградова результаты ее первого филологического исследования были опубликованы в журнале «Труды Института языкознания АН СССР»². После окончания филологического факультета МГУ Галина Александровна преподавала русский язык и литературу в средней школе № 587 в Хилковом переулке (в настоящее время Лингвистический лицей № 1555).

В 1950 г. поступила в аспирантуру Института языкознания АН СССР и окончила ее в 1953 г. Под руководством В.В. Виноградова написала и успешно защитила в 1954 г. кандидатскую диссертацию «Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке (на материале сочинений А.М. Горького)». С ноября 1953 по июнь 1961 г. после окончания аспирантуры преподавала на кафедре русского языка Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. С 1961 по 2013 г. работала в Институте русского языка АН СССР (с ноября 1991 г. — ИРЯ РАН). За 42 года работы в стенах Института прошла путь от младшего до главного научного сотрудника, защитила докторскую диссертацию «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1971), опубликовала две монографии, синтаксический словарь и более 200 статей. В 2002 г. за плодотворную научную деятельность Указом Президента РФ Галине Александровне присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Научный вклад Галины Александровны в русскую лингвистическую науку трудно переоценить. Сохраняя лучшие традиции русистики, она создала собственную теорию — концепцию коммуникативной грамматики, соединяющую системно-грамматическое описание языка и анализ текста. Авторитет ее научной теории признан в русской лингвистике и в международном научном сообществе: Галина Александровна избрана

---

¹ Ремеико О. «Норильск навсегда остался для нас родным...» URL: <https://memorial.krsk.ru/memuar/K/Kasabova/10/Remeiko.htm>

² Структура сложного синтаксического целого в карамзинской повести // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 3. М., 1954.

почетным членом научных обществ Чехии, Болгарии и Франции, читала доклады и лекции по приглашению 40 зарубежных университетов, в 2000 г. Стокгольмский университет присвоил ей звание Почетного доктора (*honoris causa*).

Научные идеи Галины Александровны стали теоретической основой учебника для студентов-иностранцев³, программы по русскому языку для старших классов общеобразовательной школы⁴ и школьного учебника 10 класса⁵.

Галина Александровна совмещала научную деятельность в академическом Институте русского языка с преподаванием. Под ее руководством было написано 22 кандидатские диссертации и три докторские.

Более 35-ти лет Г.А. Золотова была преподавателем, а позже профессором кафедры русского языка филологического факультета МГУ, где воспитала учеников и единомышленников, создала научную школу коммуникативной грамматики, сохраняющую и развивающую идеи академика В.В. Виноградова.

Галина Александровна Золотова внесла большой вклад в научную жизнь филологического факультета: в студенческой аудитории она рассматривала наиболее трудные и дискуссионные проблемы лингвистики, учила студентов и аспирантов самостоятельно и критически мыслить. Она неизменно участвовала в Международных конгрессах исследователей русского языка, где была одним из постоянных докладчиков, с 1998 по 2010 г. руководила оргкомитетом ежегодных Виноградовских чтений в МГУ. С 1960-х годов и до последнего времени Галина Александровна регулярно читала лекции в десятках зарубежных университетов.

Основные положения концепции коммуникативной грамматики, сформулированные в трудах Г.А. Золотовой⁶, вошли в программу университетского курса «Грамматика и текст». Издательством МГУ в 1998 г. опубликовано 1-е издание коллективной монографии «Коммуникативная грамматика русского языка»⁷.

Все, кому посчастливилось слушать лекции и доклады Галины Александровны, помнят удивительное сочетание высокой научности, мощности и точности мысли с ясностью изложения. Ее память хранила

---

³ Жуковская Е.Е., Золотова Г.А., Леонова Э.Н., Мотина Е.И. Учебник русского языка для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей. I–II курсы. Практическая грамматика. М., 1984. 336 с.

⁴ Золотова Г.А., Дручинина Г.П., Онипенко Н.К. Программа курса «Коммуникативный синтаксис русского языка (Функциональный подход к изучению синтаксического строя современного русского языка)» (VIII–IX классы гуманитарной специализации) // Русский язык в школе. М., 1993. № 2. С. 33–40.

⁵ Золотова Г.А., Дручинина Г.П., Онипенко Н.К. Русский язык: От системы к тексту. 10 кл.: Учебное пособие для факульт. занятий общеобразоват. учреждений гуманитарного профиля. М., 2002. 320 с.

⁶ Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 352 с.; Она же. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.; Она же. Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса). М., 1988. 440 с.

⁷ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.

бесконечное богатство художественных текстов, в основе ее научной аргументации всегда был живой язык и тексты классиков русской литературы.

Галина Александровна ушла, но после ее ухода остаются книги, идеи, ученики. Остался пример вдохновенного и плодотворного отношения к науке, искренней любви к русскому языку, глубокого знания и уважения к научной мысли предшественников. Как выдающийся ученый Галина Александровна Золотова не только создала оригинальную теорию, гармонично соединяющую языковую систему, текст и культуру, но и наметила направление будущих исследований, путь, по которому еще предстоит пройти.

Вечная память Галине Александровне, ученому и учителю...

Nadezhda Onipenko, Victoria Chumirina

GALINA ZOLOTOVA

*Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
18/2, Volkhonka Str., Moscow, 119019*

*Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie gory, 1*

Galina Zolotova (1924–2020) has passed away. She was an outstanding linguist and specialist in Russian grammar and textual analysis, doctor of philology, professor and leading research fellow of the Vinogradov Institute of Russian Language until 2013, she worked at the department of Russian Language at the Faculty of Philology for 35 years.

Key words: communication grammar; Russian studies; textual analysis; functional syntax; syntaxeme.

About the authors: *Nadezhda Onipenko* — PhD, Senior Research Fellow, Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences (e-mail: onipenko_n@mail.ru); *Victoria Chumirina* — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University candidate of philology (e-mail: vchumirina@mail.ru).